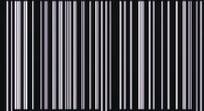

№ 8 / 2019

История

государства и права

ISSN 1812-3805

9 771812 380772 >

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 8 / 2019

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-кор. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Революции политические,

революции технологические

- Беляев М.П.** Признание суверенитета Нидерландов и Вестфальский мир3
- Берлявский А.Г.** Категория «революционное правосознание» в советском государственном праве10
- Исаев И.А.** Технологии и политический порядок.....16
- Корнев А.В.** Сеть между иерархией и энтропией: трансформация власти в эпоху электронно-информационных технологий24
- Липень С.В.** Влияние технологических революций на эволюцию концепта «машина власти»: XX — начало XXI в.32
- Колосов И.В.** Политико-правовые следствия эволюционного утилитаризма38
- Краснов Э.В.** Принцип разделения властей в трудах М.М. Сперанского45
- Коновалова О.В.** В.М. Чернов об институционально-правовых аспектах развития революционного процесса в России50

Репрессия и защита

- Винокуров А.Ю.** Предмет и пределы надзора за исполнением законов в государственных образованиях на постсоветском пространстве56
- Беляева О.В., Рыжов А.А.** Проблемы доверия полиции в России и пути их решения.....62
- Брылева Е.А., Никитюк С.М.** Благотворительность как одно из направлений гражданского общества: история и современность68
- Кулачков В.В.** Особенности деятельности судебных исполнителей в 1920-е годы (на материалах Брянской губернии).....74

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 10.06.2019.

Номер вышел в свет 24.07.2019.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643 (на полуг.);

Объединенный каталог. Пресса России —

85492 (на полуг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 8 / 2019

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences, assistant professor;
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences, professor,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences, professor,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences, doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor Corresponding member of the RAS, Honored lawyer of the RF

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Political revolutions, technological revolutions

- Belyaev M.P.* Recognition of Sovereignty of the Netherlands and the Peace of Westphalia3
Berlyavskiy L.G. The Revolutionary Legal Consciousness Category in the Soviet State Law ...10
Isaev I.A. Technologies and the Political Order...16
Kornev A.V. The Network between Hierarchy and Entropy: Transformation of Power in the Epoch of Electronic and Information Technology.....24
Lipen S.V. The Influence of Technological Revolutions on the Evolution of the Ruling Machine Concept: The XX to the Early XXI Century32
Kolosov I.V. Political and Legal Consequences of Evolutionary Utilitarianism.....38
Krasnov E.V. The Principle of Separation of Powers in the Works by M.M. Speranskiy.....45
Konovalova O.V. V.M. Chernov on Institutional and Legal Aspects of the Revolutionary Process Development in Russia.....50

Repression and protection

- Vinokurov A.Yu.* The Subject and Limits of Supervision over Execution of Laws in State Structures in the Countries of the Former Soviet Union56
Belyaeva O.V., Ryzhov A.A. Issues and Solutions of Trust in Police in Russia...62
Bryleva E.A., Nikityuk S.M. Charity as One of Civil Society Areas: History and the Modern Times.....68
Kulachkov V.V. Peculiarities of Activities of Bailiffs in the 1920s (Based on Files of the Bryansk Governorate)74

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 10.
Conventional printed sheet 10.
Passed for printing 10.06.2019.
Issue was published 24.07.2019.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643 (for 6 months);
United Catalogue. Russian Press — 85492
(for 6 months).
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publications of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI : 10.18572/1812-3805-2019-8-3-9

Признание суверенитета Нидерландов и Вестфальский мир

*Беляев Михаил Петрович,
доцент кафедры правоведения
Российского университета кооперации,
кандидат исторических наук
babek-han@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы становления и признания суверенитета Республики Соединенных провинций. Образованная в результате Нидерландской буржуазной революции республика прошла длинный путь борьбы за свою независимость от Испании и Священной Римской империи. Двенадцатилетнее перемирие признало Нидерланды независимым государством де-факто. Автор анализирует положения Мюнстерского и Вестфальского мира. По условиям Мюнстерского мира 1648 г. Испания признавала де-юре независимость Республики Соединенных провинций. В этом договоре были закреплены колониальные захваты голландцев по всему миру. Устанавливалась граница между республикой и испанскими Нидерландами. Соединенные провинции оказывались вне Священной Римской империи. Мюнстерский мир закреплял свободу торговли и мореплавания. Вестфальский мир подтверждал независимость республики, указав ее в числе участников соглашения. Соединенные Нидерланды стали полноправным субъектом международного права.

Ключевые слова: Генеральные штаты, Соединенные провинции, Вестфальский конгресс, Мюнстерский мир, Нидерланды.

Recognition of Sovereignty of the Netherlands and the Peace of Westphalia

*Belyaev Mikhail P.
Associate Professor of the Department of Legal Studies
of the Russian University of Cooperation
Candidate of Historical Sciences*

The article deals with the formation and recognition of the sovereignty of the Republic of the United Provinces. The Republic, formed as a result of the Netherlands bourgeois revolution, has come a long way in the struggle for its independence from Spain and the Holy Roman Empire. The twelve-year truce recognized the Netherlands as an independent de facto state. The author analyzes the position of the Peace of Münster and Westphalian. Under the terms of the Münster Peace of 1648, Spain recognized the de jure independence of the Republic of the United Provinces. In this agreement were fixed colonial captures of the Dutch around the world. Established border between the Republic and the Spanish Netherlands. United provinces were outside the Holy Roman Empire. The Peace of Münster secured the freedom of trade and navigation. The Peace of Westphalia reaffirmed the independence of the Republic, indicating it among the parties to the agreement. The United Netherlands has become a full subject of international law.

Keywords: General States, United Provinces, Westphalian Congress, Peace of Münster, Netherlands.

Еще в 1555 г. империя Габсбургов в результате их династической политики разделилась на две ветви — испанскую и австрийскую. К испанской короне отошли земли Нидерландов, состоявшие из 17 провинций (южные провинции — Фландрия, Брабант, Люксембург, Артуа, Геннегау и другие; северные провинции — Голландия, Зеландия, Фрисландия и другие). В то же время Нидерланды входили в состав Священной Римской империи. В северных

провинциях Нидерландов существовало высокоразвитое сельское хозяйство, процветала торговля, ткачество и рыболовство. Они превратились в своеобразный центр прогрессивной буржуазной идеологии, став опорой реформации и кальвинизма. Противоречия между испанским абсолютизмом и нидерландской буржуазией привели к революции, которая началась в 1566 г. Вместе с национально-освободительной войной против Испании она про-

должалась, став частью Тридцатилетней войны, до 1648 г.¹

После заключения в 1579 г. Утрехтской унии была провозглашена буржуазная Республика Соединенных провинций, которая не признавалась императором. Когда в 1607 г. наконец начались мирные переговоры между Испанией и Республикой, император, всегда очень заботившийся о своей чести и репутации, отметил, что Нидерланды по-прежнему являются имперским леном и, соответственно, мир не может быть достигнут без него. Генеральные штаты отвечали императору, что Республика стала теперь «свободным государством» и они завоевали свою независимость без какой-либо его поддержки и никогда не могли рассчитывать на защиту империи в конфликте с испанским королем. 9 апреля 1609 г. в Антверпене было заключено Двенадцатилетнее перемирие. Испания вынужденно признала Республику «де-факто». С тех пор Генеральные штаты подчеркивали независимость от империи так часто, как считали нужным. Правители великой державы больше не нуждались в защите империи или хороших отношениях с императором. Представители Соединенных провинций в Париже и Лондоне были признаны полномочными послами. Республика установила дипломатические отношения с другими государствами. Тем не менее в соответствии с нормами международного права большинство стран продолжало считать Соединенные провинции мятежными, а их законным правителем — короля Испании².

¹ Дмитрієв А.І. Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право. Київ : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2001. С. 85–86.

² Ibid. С. 85–86 ; Mout N. Die Niederlande und das Reich im 16. Jahrhundert (1512–1609) // Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit? / Hrsg. von Volker Press. Nach dem Tod des Hrsg. bearb. Von Dieter Stievermann. München : Oldenbourg, 1995. S. 167 ; Израэль Д.И. Голландская республика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806. М. : Клио, 2017. Т. 1. С. 420–421 ; Schepper H. Las Provincias Unidas: un nuevo miembro en la familia euro-

pea // 350 años de la Paz de Westfalia (1648–1998). Del antagonismo a la integración en Europa / B.J. García García (ed.). Madrid : Biblioteca Nacional, 1999. P. 143.

В апреле 1621 г. истек срок перемирия. Война возобновилась в условиях неудач протестантов в Германии и тяжелого положения республики. Достижение мира только между Испанией и Нидерландами оказывалось невозможным в условиях продолжающейся Тридцатилетней войны. Только в конце 1645 г. испанский король Филипп IV дал согласие на ведение с полномочными представителями Республики Соединенных провинций переговоров на Вестфальском мирном конгрессе. Приглашение Нидерландов за стол переговоров в рамках могло означать возможность удовлетворения их просьбы, излагаемой с 1635 г., о нейтралитете императора в испано-нидерландской войне. Это было фактически признанием империей суверенитета северных провинций Нидерландов. Уже в начале 1646 г. делегация Нидерландов направилась в Мюнстер. С целью экономии денег делегация состояла лишь из восьми человек: по одному представителю от каждой провинции и от Голландии — два представителя во главе с А. Паувом. Чтобы избежать несогласованности переговорного процесса, общее руководство делегации осуществлял Бартольд ван Гент. Такой большой численный состав был связан с конфедеративным устройством республики³.

В провинциях не только Испания, но и Франция имели своих сторонников. Два католических монарха соперничали между собой в решении судьбоносного вопроса для кальвинистской буржуазной республики. Сначала представители республики вели переговоры с испанцами только о перемирии, как повторение соглашения 1609 г. Но вскоре становилось ясно, что необходимо говорить о мире с Испанией. Все провинции согласились с этим. Чтобы иметь возможность заключить мир, Со-

pea // 350 años de la Paz de Westfalia (1648–1998). Del antagonismo a la integración en Europa / B.J. García García (ed.). Madrid : Biblioteca Nacional, 1999. P. 143.

³ Израэль Д.И. Указ. соч. С. 488, 494 ; Дмитрієв А.І. Оп. cit. С. 87–88 ; Schepper H. Оп. cit. P. 146.

единенные провинции, несмотря на все протесты Франции, прекратили выполнять все свои обязательства по союзному договору, что фактически делало этот договор аннулированным. Военные действия между Испанией и Нидерландами в результате переговоров заметно угли. Несмотря на все усилия французской короны, голландско-испанские переговоры продолжились, хотя и проходили не без трудностей. Провинция Зеландия противилась самой идее мирного договора и только ценой больших усилий была успокоена. В результате вопреки позиции Утрехта остальные шесть провинций приняли решение обсудить с Испанией в Мюнстере положения мирного договора. В целом спорные пункты были решены преимущественно в пользу Нидерландов⁴.

На переговоры был потрачен год, и только 30 января 1648 г. полномочными представителями Испании и Нидерландов на Вестфальском конгрессе был подписан сепаратный мирный договор. Только ван Недерхорст, представитель провинции Утрехт, колебался и не решался ставить свою подпись под договором. По этой причине для его подписи и печати было оставлено свободное место. Когда в апреле 1648 г. он все же подписал договор, его подпись и печать оказались немного правее подписей других нидерландских дипломатов, что заметно в оригинале документа. В итоге Штаты Зеландии не признали подпись своего полномочного представителя. Формально Зеландия и Утрехт ссылались на то, что они являются суверенными и независимыми странами. Со стороны короля Испании мир подписали только граф Пеньяранда и Антонио Брюн. Теперь договор подлежал рати-

фикации испанским королем и Республикой Соединенных провинций⁵.

Ратификация в Испании произошла быстро, и уже в марте 1648 г. посланник Пеньяранда привез Грамоту о ратификации договора Филиппом IV⁶. Рассчитывать же на скорую ратификацию договора Соединенными Нидерландами не приходилось. Его должны были обсудить все семь северных провинций. Процесс ратификации затягивался в самих Нидерландах больше, чем протестами французского правительства. Провинция Зеландия снова высказывалась против договора. Возникал вопрос: способны ли Соединенные Нидерланды с помощью принципа большинства нейтрализовать одного из субъектов республики. Поскольку все провинции считались суверенными, сделать это было трудно. В борьбу против ратификации включился молодой принц Вильгельм II Оранский, на которого делала ставку французская дипломатия. Несмотря на свои хвастливые угрозы в адрес голландской буржуазии, больше всех выступавшей за мир, Вильгельм II не решился, однако, открыто выступить против даже в зеландских штатах, поскольку было ясно, что в этом вопросе он не найдет поддержки у большинства делегатов. Тем не менее Зеландия, однако, одобрила договор только 30 мая. В конечном итоге мирный договор был ратифицирован всеми провинциями республики, включая Утрехт⁷.

⁴ Дмитриев А.И. *Op. cit.* С. 89; Groenveld S. *Der Friede von Münster als Abschluß einer progressiven Revolution in den Niederlanden // 1648: Krieg und Frieden in Europa. Bd. 1. München : Westfälisches Landesmuseum für Kunst und Kulturgeschichte, 1998. S. 132*; Шатохина Г.А. *Нейтральный внешнеполитический курс Нидерландов: от Мюнстерского мира 1648 г. до конца Первой мировой войны : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 136.*

⁵ Шатохина Г.А. *Указ. соч.* С. 136; Дмитриев А.И. *Op. cit.* С. 89; Schepper H. *Op. cit.* P. 146–147.

⁶ В настоящее время Грамота о ратификации мира между Испанией и Республикой Соединенных Нидерландов, подписанная королем Испании Филиппом IV и скрепленная большой золотой королевской печатью, а также шкатулка, обрамленная красным бархатом и серебряным чеканкой, в которой этот исторический документ был доставлен в Мюнстер, хранятся как национальные реликвии в государственном архиве Нидерландов в г. Гааге. См.: Дмитриев А.И. *Op. cit.* С. 85.

⁷ *Ibid.* С. 89; Тер-Акопян Н.Б. *Англо-голландские отношения 1642–1648 гг. и Мюнстерский мир // Проблемы британской истории. М. : Наука, 1972. С. 279*; Groenveld S. *Op. cit.* S. 132.

Обмен ратификационными грамотами между Испанией и Нидерландами состоялся 15 мая 1648 г. в торжественной обстановке в Мюнстере. Для этого был использован один из самых красивых залов ратуши на площади Принципала, которому впоследствии присвоили название «Зал мира». По описаниям очевидцев, зал был украшен листвой и живыми цветами. Стол посередине зала был застелен скатертью из зеленой шелковой ткани. Вокруг стола стояло 12 кресел. Посланники в торжественной обстановке внесли в зал бесценные документы. Перед взором приглашенных на церемонию появился ящик с золотой печатью короля Испании. Делегация Нидерландов выглядела куда скромнее, даже посланники были одеты в повседневную темную одежду без дорогих украшений. В 11.00 час. утра А. Брюн от имени короля Испании в своей речи на латыни сказал, что они клянутся соблюдать мир и надеются подать этим пример всем другим участникам Вестфальского конгресса. В ответ от имени нидерландской стороны с речью выступил посланник Бартольд ван Гент. Текст договора был зачитан вслух перед собравшимися дипломатами, служащими ратуши и горожанами. После этого все присутствующие встали, сняли головные уборы. Священник испанской миссии передал графу Пеньяранда Евангелие. Последний положил на него правую руку и зачитал из бумаги, которую держал в левой руке, клятву и поцеловал крест. Нидерландская делегация произнесла клятву по-своему. Ван Гент зачитал клятву, все члены делегации подняли руки и произнесли: «Да поможет нам Бог!» Именно этот момент с исторической точностью был запечатлен нидерландским художником Герардом тер Борхом на его широко известном в Западной Европе полотне «Мюнстерский мир 1648 года». 5 июня договор был обнародован в Соединенных провинциях⁸.

Из трудностей с переговорами и ратификацией Мюнстерского мира Генераль-

ные штаты сделали выводы. В 1651 г. было официально подтверждено, что в Республике Соединенных провинций суверенитет выражают нераздельно провинции. В то же время их интересы в отношениях с иностранными государствами представляют Генеральные штаты⁹.

Мюнстерский мир положил конец длившейся 80 лет войне нидерландских провинций с Испанией. Его статьи подтверждали основные условия Двенадцатилетнего перемирия, уже де-юре признавая независимость Соединенных провинций. Испания отказалась от юрисдикции над семью северными провинциями и признавала республику суверенным государством и полноправным субъектом международного права. Король был вынужден обменять территорию, потерянную ранее de facto в ходе революции и освободительной войны, на мир, который гарантировал сохранение за ней десяти провинций Южных Нидерландов¹⁰.

После преамбулы о признании суверенитета шли 79 статей об условиях мира. Уже в первой статье Мюнстерского мира король Испании Филипп IV признал, что «Генеральные штаты Соединенных Нидерландов и соответствующие провинции есть... свободные и суверенные государства и земли, на которые его величество Король ни сейчас, ни в будущем не будет иметь притязаний, так же как на соединенные с ними области, города и земли». Таким образом, Испания заключала с Нидерландами «вечный мир», который делал невозможным любую вражду как на суше, так и на море в любой части земного шара (имелась в виду как территория самой Европы, так и заморские колониальные владения на американском континенте и в Юго-Восточной Азии). В связи с обширностью колониальных владений состояние мира не могло быть везде обеспечено одновременно. Для Европы мир наступил сразу после процедуры объявления о ратификации договора и принесения клятвы в «веч-

⁸ Дмитриев А.И. *Op. cit.* С. 90 ; Шатохина Г.А. *Указ. соч.* С. 136.

⁹ Schepper H. *Op. cit.* P. 147.

¹⁰ Шатохина Г.А. *Указ. соч.* С. 136–137 ; Дмитриев А.И. *Op. cit.* С. 90.

ном мире» представителями сторон, т.е. с 15 мая 1648 г., в западных колониальных владениях — через полгода, на территориях Юго-Восточной Азии — через год после даты подписания мирного договора, т.е. с 30 января 1649 г.¹¹

Договор фактически закреплял *status quo* как на европейском континенте, так и в Океании. Обе стороны договора закрепили за собой все то, чем они владели на период скрепления его подписями. При этом не только испанская корона признавала суверенитет северных провинций Нидерландов, но и Филипп IV брал на себя обязательства позаботиться о том, чтобы этот суверенитет был признан императором в Вестфальском мире. Испания также гарантировала нейтралитет империи. Была ликвидирована зависимость некоторых областей Соединенных провинций от империи (на тот момент, правда, уже почти символическую), а в ст. LIII специально оговаривалось, что император будет придерживаться нейтралитета по отношению к республике. В 1654 г. имперские чины объявили себя нейтральными по отношению к республике, но даже после 1648 г. императоры продолжали считать испанских королей владельцами северных Нидерландов. Лишь в 1728 г. император Карл VI предоставил все свои регалии, не упомянув северную часть Нидерландов. Это ознаменовало осознание императором того, что эти земли больше не принадлежат Габсбургскому дому. Но он никогда официально не признавал независимость республики от империи¹².

Наибольшая по объему часть Мюнстерского мира была посвящена урегулированию пограничных вопросов между Севером и Югом Нидерландов, отказу испанского короля от применения силы в провинциях Брабант и Фландрия, мерам в отношении имущества и прав, которые во время войны были конфискованы и отобраны, но по условиям мира должны были быть возвращены. Соединенные

провинции получали в полную собственность Северный Брабант, часть Лимбурга с городом Маастрихт, ряд городов и крепостей в Приморской Фландрии и другие территории. Король должен был отказаться также от «Генералитетских земель» (управляемых напрямую Генеральными штатами) в пользу его бывших мятежных подданных. Договор вновь подтвердил закрытие устья Шельды, устранив, таким образом, на долгое время опасность возникновения конкуренции со стороны Антверпена (ст. XIV)¹³.

Нидерланды в течение почти полувека построили собственную колониальную империю за счет заморских владений Испании и Португалии. Испанцы вынуждены были признать завоевания республики в Цейлоне, Тайване, Молуккских островах, Малайзии, Анголе, Бразилии и Антильских островах. Испанские владения на Филиппинах были ограничены. В соседней Индонезии Нидерланды также прочно укрепились и стали заключать договоры со знатью соседних территорий. В Западной полушарии Испания сохранила за собой Южную и Центральную Америку. Владения Нидерландов сконцентрировались вокруг Кюрасао и опорных пунктов на побережье в Бразилии, которые, соответственно, отошли к Нидерландам от Испании и Португалии. Такая схема урегулирования отношений имела не только политическое, но и экономическое значение. В мирном договоре содержались нормы, регулирующие не только территориальные вопросы, но и вопросы торговли (например, ст. V–VI посвящены торговле в Восточной и Западной Индии). Испания признала патент (октруа) обеих нидерландских колониальных торговых компаний и официально отказалась от дальнейшей экспансии в Ост-Индии. Важнейшим дополнением к договору была отдельная статья о торговле, по которой не только устанавливалась свобода торговли между обеими странами, но Испания признавала вы-

¹¹ Дмитрієв А.І. *Op. cit.* С. 92.

¹² *Ibid.* С. 92 ; Шатохина Г.А. Указ. соч. С. 137 ; Mout N. *Op. cit.* С. 146.

¹³ Дмитрієв А.І. *Op. cit.* С. 94 ; Шатохина Г.А. Указ. соч. С. 137 ; Schepper H. *Op. cit.* P. 145.

двинутый нидерландцами принцип свободы морей и, как следствие, право Соединенных провинций беспрепятственно торговать с противниками Испании. В 1650 г. эта статья была расширена до отдельного договора. Республика максимально использовала перемещение мировых экономических путей из Средиземного моря к Атлантическому океану¹⁴.

При этом большое значение имел принцип добрососедства между подданными обеих стран: каждый купец имел право свободной торговли как в своем, так и в соседнем государстве. Этот принцип нашел свое отражение также в статьях Вестфальского мира, что открывало путь к дальнейшему развитию свободы торговли на Европейском континенте. Нидерландские купцы были освобождены от высоких ввозных и вывозных пошлин, на них распространялся национальный режим, определенный для испанского купечества. Аналогичный режим вводился для испанских купцов на нидерландской территории. Урегулирование процесса международных торговых отношений позволило нормализовать торговлю на территории самих Нидерландов. В условиях длительного военного противостояния на «пограничных» реках возникли таможенные посты, где взимались вывозные и ввозные пошлины. Это стало тяжелым экономическим бременем для купечества. Поэтому сразу же после подписания мира такое двойное обложение пошлиной было отменено (ст. X–XII)¹⁵.

Радикально в договоре был решен и вопрос свободы религии. Старое испанское требование о публичных преимуществах для католической веры в Нидерландах было за столом переговоров просто снято с повестки дня. По этому договору был урегулирован только вопрос о защите нидерландцев реформатского вероисповедания на землях испанской короны и, наоборот, испанцев-католи-

ков на землях Республики Соединенных Нидерландов (ст. XVIII–XIX)¹⁶.

Признание нидерландского суверенитета ввело республику в круг европейских государств, общность которых образно именовалась некоторыми исследователями «европейским концертом». Мюнстерской мир стал значительным событием не только для сторон, его подписавших, но и для всех участников Вестфальского конгресса. По мнению историка, права А.И. Дмитриева, договор о мире между Испанией и Нидерландами стал также предвестником общеевропейского мира, завершившегося Тридцатилетней войны. В этом состоит его важное историко-правовое значение. Некоторые исследователи рассматривают Мюнстерский мир между Испанией и Нидерландами третьей важной составляющей Вестфальского мира 1648 г. наряду с Оснабрюкским и Мюнстерским договорами. В контексте Вестфальского конгресса подписание в Мюнстере испано-нидерландской мирного договора устранило последнее препятствие для достижения более масштабного для Европы Вестфальского мира и способствовало активизации переговорного процесса. Уже 8 августа 1648 г. в Оснабрюке был путем рукопожатия, условно говоря, парафирован и окончательно согласован текст договора о мире между послами императора и Швеции, а 15 сентября 1648 г. таким же образом в Мюнстере состоялось парафирование текста мирного договора между представителями императора и Франции. Оба договора были затем подписаны и скреплены печатями полномочных представителей сторон и имперских чинов 24 октября 1648 г. в Мюнстере и в Оснабрюке и поставили точку в Тридцатилетней войне¹⁷.

Оснабрюкский и Мюнстерской мирные договоры создали новый правовой порядок в Европе после Тридцатилетней войны, подтвердили признание Соединенных Нидерландов субъектом международного права. Они включили республику в пере-

¹⁴ Schepper H. *Op. cit.* P. 146; Дмитриев А.И. *Op. cit.* С. 92–93; Шатохина Г.А. *Указ. соч.* С. 137–138.

¹⁵ Дмитриев А.И. *Op. cit.* С. 93.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.* С. 85, 90–91, 94.

чень государств, участвовавших в подписании исторических актов о мире. Так, в § 10 ст. XVII Оснабрюкского договора, где представлен перечень участников договора со стороны императора и государств-гарантов международного договора, отмечаются, в частности, «провинции Соединенных Нидерландов». В следующем § 11 ст. XVII Оснабрюкского договора только в несколько измененном контексте Соединенные Нидерланды упоминаю-

ты среди участников договора со стороны Швеции. В результате среди европейских монархий родилась независимая республика с выраженными тенденциями федерализации и народного суверенитета, смеси буржуазной аристократии и демократии¹⁸.

¹⁸ Ibid. С. 91 ; Instrumenta Pacis Westphalicae: Die Westfälische Friedensverträge 1648 / Hrsg. K. Müller. Bern : Stämpfli, 1949. S. 151–152 ; Schepper H. Op. cit. P. 147.

Литература

1. Дмитрієв А.І. Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право / А.І. Дмитрієв. Київ : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2001. 426 с.
2. Израэль Д.И. Голландская республика. Ее подъем, величие и падение / Д.И. Израэль. 1477–1806. Москва : Клио, 2017. Т. 1. 608 с.
3. Тер-Акопян Н.Б. Англо-голландские отношения 1642–1648 гг. и Мюнстерский мир / Н.Б. Тер-Акопян // Проблемы британской истории ; ответственный редактор Н.А. Ерофеев. Москва : Наука, 1972. С. 252–281.
4. Шатохина Г.А. Нейтральный внешнеполитический курс Нидерландов: от Мюнстерского мира 1648 г. до конца Первой мировой войны : диссертация доктора исторических наук / Г.А. Шатохина. Москва : ИВИ РАН, 2010. 733 с.
5. Groenveld S. Der Friede von Münster als Abschluß einer progressiven Revolution in den Niederlanden / S. Groenveld // 1648: Krieg und Frieden in Europa. Bd. 1. München : Westfälisches Landesmuseum für Kunst und Kulturgeschichte, 1998. S. 123–132.
6. Instrumenta Pacis Westphalicae: Die Westfälische Friedensverträge 1648 / Hrsg. K. Müller. Bern : Stämpfli, 1949. 168 s.
7. Mout N. Die Niederlande und das Reich im 16. Jahrhundert (1512–1609) / N. Mout // Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit? / Hrsg. von Volker Press. Nach dem Tod des Hrsg. bearb. Von Dieter Stievermann. München : Oldenbourg, 1995. S. 143–168.
8. Schepper H. Las Provincias Unidas: un nuevo miembro en la familia europea / H. Schepper // 350 años de la Paz de Westfalia (1648–1998). Del antagonismo a la integración en Europa / B.J. García García (ed.). Madrid : Biblioteca Nacional, 1999. 452 p.

References

1. Дмитрієв А.І. Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право / А.І. Дмитрієв. Київ : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2001. 426 с.
2. Izrael D.I. Gollandskaya respublika. Ee podem, velichie i padenie. 1477–1806 [The Dutch Republic. Its Boom, Greatness and Recession. 1477–1806] / D.I. Izrael. Moskva : Klio — Moscow : Clio, 2017. Vol. 1. 608 s.
3. Ter-Akopyan N.B. Anglo-gollandskie otnosheniya 1642–1648 gg. i Myunsterskiy mir [The English-Dutch Relations of 1642 to 1648 and the Treaty of Munster] / N.B. Ter-Akopyan // Problemy' britanskoy istorii ; otvetstvenny'y redactor N.A. Erofeev [Problems of the British History ; publishing editor N.A. Erofeev]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1972. S. 252–281.
4. Shatokhina G.A. Neytralny'y vneshepoliticheskiy kurs Niderlandov: ot Myunsterskogo mira 1648 g. do kontsa Pervoy mirovoy voyny' : dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk [The Neutral Course of the Netherland's Foreign Policy: from the Treaty of Munster of 1648 to the End of the First World War : thesis of the Doctor of History] / G.A. Shatokhina. Moskva : IVI RAN — Moscow : The Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2010. 733 s.
5. Groenveld S. Der Friede von Münster als Abschluß einer progressiven Revolution in den Niederlanden / S. Groenveld // 1648: Krieg und Frieden in Europa. Bd. 1. München : Westfälisches Landesmuseum für Kunst und Kulturgeschichte, 1998. S. 123–132.
6. Instrumenta Pacis Westphalicae: Die Westfälische Friedensverträge 1648 / Hrsg. K. Müller. Bern : Stämpfli, 1949. 168 s.
7. Mout N. Die Niederlande und das Reich im 16. Jahrhundert (1512–1609) / N. Mout // Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit? / Hrsg. von Volker Press. Nach dem Tod des Hrsg. bearb. Von Dieter Stievermann. München : Oldenbourg, 1995. S. 143–168.
8. Schepper H. Las Provincias Unidas: un nuevo miembro en la familia europea / H. Schepper // 350 años de la Paz de Westfalia (1648–1998). Del antagonismo a la integración en Europa / B.J. García García (ed.). Madrid : Biblioteca Nacional, 1999. 452 s.

Категория «революционное правосознание» в советском государственном праве

*Берлявский Леонид Гарриевич,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
юридического факультета Ростовского государственного
экономического университета «РИНХ»,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук
berlg@yandex.ru*

Разработанные в первые годы советской власти категории «революционное правосознание» и смежные с ним «социалистическое правосознание», «революционная совесть», закрепленные в первых Декретах СНК и ВЦИК РСФСР о суде 1917–1918 гг., были положены в основу правотворческой и правоприменительной деятельности, в частности, при вынесении судебных решений и приговоров, на их основе вырабатывались новые, не известные ранее правовые обычаи.

Ключевые слова: революционное правосознание, социалистическое правосознание, революционная совесть, Декреты о суде 1917–1918 гг., государственное право.

The Revolutionary Legal Consciousness Category in the Soviet State Law

*Berlyavskiy Leonid G.
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Faculty of the Rostov State University of Economics (RSUE)
Doctor of History
Candidate of Legal Sciences*

The category “revolutionary sense of justice” and adjacent with it “socialist sense of justice”, “revolutionary conscience” developed in the first years of the Soviet power, fixed in the first Decrees SNK and VZIK RSFSR on justice 1917–1918, have been taken as a principle of lawmaking and legal enforcement activity, in particular, at adjudication and sentencing. On their basis new, unknown earlier legal customs unknown earlier were developed.

Keywords: revolutionary sense of justice, socialist sense of justice, revolutionary conscience, Decrees on justice 1917–1918, state law.

Категория «революционное правосознание» занимает особое место в истории советского государственного права. Будучи правовой идеей, доктриной, она стала важнейшим источником государственного права первых лет советской власти.

Правовые идеи наряду с правовыми нормами и общественными отношениями являются составными элементами системы права¹. По причине пробелов в праве, противоречивости и неопределенности правовых норм, фактического применения их в практике государственными органами право-

вые доктрины признаются источниками права². Важно заметить, что правовая доктрина включает в себя не только научно доказанные знания о праве. Ее составными частями являются также вероятностные суждения, не обладающие свойствами обоснованности и истинности.

В исследованиях зарубежных авторов (Э. Бергейм, Г. Вольф, И. Драйзен и др.) остатки старины (как существующие в виде документов, так и сохра-

¹ Лившиц Р.З. Теория права : учебник для студентов вузов. М. : БЕК, 1994. С. 2.

² Васильев А.А. Сущность, виды и место правовой доктрины в правовой системе общества // Источники права: проблемы создания, систематизации и реализации : межвуз. сб. ст. / под ред. В.Я. Музыкина, В.В. Сорокина. Барнаул, 2007. С. 199.

нившиеся в устной традиции в виде преданий, мифов и др.) занимают определенное место. При этом для отечественного государственно-правового развития в силу преимущественно революционного характера преобразований преемственность свойственна в меньшей степени.

В отечественной правовой науке события октября 1917 г. понимаются как революция³ либо как переворот⁴. Авторы трудов по общей теории прав человека считают, что политический режим, установленный после Октябрьской революции, исторически явился шагом назад, поскольку он отверг главные демократические ценности: свободу, господство права, права человека, правовое государство⁵. Б.А. Страшун отмечает, что большевики организовали вооруженное восстание и захватили власть, а затем одержали победу в более чем трехлетней Гражданской войне⁶.

При этом современные российские государственствоведы признают тот факт смены государственного строя у нас в стране⁷. Тем более актуальным является изучение политико-правовых процессов, сопровождавших изменение государственного строя в 1917 г.

В первые годы становления советской власти на смену источникам права имперского периода пришли не столько декреты новой власти, но в условиях их явной недостаточности судебные решения, правовые обычаи, в отдельных местностях — религиозные нормы. Более того, продолжали действовать с не-

значительными купюрами или вовсе в «первозданном» виде нормативные акты эпохи царизма, применялись положения заключенных до октября 1917 г. международных договоров⁸.

Важнейшим источником права этой эпохи и современники, и отдельные исследователи справедливо называют «революционное правосознание»⁹.

Категории «революционное правосознание» и смежные с ним «революционная совесть», «социалистическое правосознание», закрепленные в первых Декретах о суде 1917–1918 гг., лежали в основе правотворческой и правоприменительной деятельности, в частности, при вынесении судебных решений и приговоров на их основе вырабатывались новые, не известные ранее правовые обычаи.

Исследования законодательной деятельности большевиков в кризисные зимние месяцы 1917 г. дают яркие примеры того, как протестные настроения рабочих, принимаемые под их воздействием решения органов рабочего самоуправления, резолюции митингов и собраний становились основой принимаемых правительством нормативных актов. Последние не имели фактически никакого влияния на социальные процессы, однако позволяли большевикам завоевать симпатии пролетариата¹⁰. Характер отражения революционного правосознания в первых конституционных

³ История отечественного государства и права / под ред. О.И. Чистякова. М., 2002. Ч. 2. С. 8 ; История государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М., 2003. С. 262.

⁴ Исаев И.А. История государства и права России : учебник. М., 2004. С. 379.

⁵ Общая теория прав человека / рук. авт. колл. и отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996. С. 79 ; Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000. С. 185.

⁶ Страшун Б.А. Историко-правовой комментарий // Конституция Российской Федерации. М., 2004. С. 86.

⁷ Конюхова И.А. Конституционное право Российской Федерации. М., 2003. С. 285.

⁸ Многочисленные примеры подобных актов существовали в советском морском торговом праве как минимум на протяжении десятилетия, предшествовавшего его первой кодификации в 1929 г. См. подр.: Памятники российского права : учебно-научное пособие : в 35 т. / О.В. Бобровский и др. ; под общ. ред. Р.А. Хачатурова. Т. 35 : Кодексы торгового мореплавания СССР. М., 2017.

⁹ Емельянова И.А. Советская юридическая литература о революционном правосознании и правотворчестве народных масс в период с февраля по октябрь 1917 г. // Правоведение. 1967. № 3. С. 49 ; Исаев И.А. Указ. соч. С. 517.

¹⁰ Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930 е гг.). М., 2007. С. 24–25.

актах молодого Советского государства изучается в современном государствоведении¹¹.

Видный советский деятель Ю. Ларин (Лурье) утверждал, что примерно до лета 1918 г. им единолично составлялись и публиковались в официальном отделе правительственной газеты законы и обязательные постановления по важнейшим вопросам хозяйственной жизни иногда за подписью Ленина, «чаще только своей личной (как, например, декрет о 8-часовом рабочем дне и нормах рабочего законодательства, положение об управлении пром. предприятиями и порядке их национализации, о создании ряда „главков“ и центров и мн. др.), иногда с присоединением подписей еще некоторых товарищей, представивших право присоединения их подписей и т.д.»¹². Издание общеобязательных нормативных актов не только государственным органом, но и отдельным чиновником было характерно для первых месяцев советской власти.

Упомянутый Ю. Лариным Декрет Совета Народных Комиссаров от 28 (15) июня 1918 г. предусматривал национализацию крупной промышленности¹³. В 1919 г. была осуществлена национализация средней, а в 1920 г. мелкой промышленности. В последнем явно были ощутимы проявления «военно-коммунистической» идеологии, что было одной из причин пересмотра советского законодательства о национализации в духе новой экономической политики в начале 20-х гг. XX в.

Что касается Положения о рабочем контроле, принятого ВЦИК 29 (16) ноября 1917 г., то оно устанавливало, что «вводится Рабочий Контроль над производством, куплей, продажей продук-

тов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия» практически во всех отраслях народного хозяйства¹⁴.

Периодом «величайшей законодательной импровизации» назвал это время Л.Д. Троцкий. «Декреты в это время имели более пропагандистское, чем административное значение. "Прецедентов" отыскать нельзя было, ибо таковыми история не запаслась... Для руководства этой работой требовалось огромное творческое воображение... Незачем говорить, что в горячке законодательного творчества допускалось немало промахов и противоречий». «Законодательная импровизация» стимулировала создание советской бюрократии. При этом, по данным Троцкого, В.И. Ленин знал, что революционные декреты выполняются пока лишь на очень небольшую долю¹⁵.

Вместе с тем при редактировании Декрета о суде № 2 В.И. Ленин выражение «революционное правосознание» забраковал как весьма неопределенное и расплывчатое. «На полях, слева от текста ст. 8, он пишет: „Правосознание трудящихся классов, свергающих эксплуататоров“. При повторном чтении своей вставки последние два слова в ней В.И. Ленин нашел нужным зачеркнуть»¹⁶.

Однако в «Руководящих указаниях по уголовному праву РСФСР» (1919 г.) устанавливалось, что «право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой»¹⁷. Автором этого определения был П.И. Стучка, который отстаивал его в своих работах¹⁸.

¹¹ Памятники российского права. Т. 24: Конституции СССР и РСФСР. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 126–127.

¹² Ларин Ю. (1882–1932) // Деятели революционного движения: Энциклопедический словарь братьев Гранат: Репринт. изд. М., 1989. С. 485.

¹³ Декрет Совета Народных Комиссаров от 28 (15) июня 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 47. Ст. 559.

¹⁴ Положение о рабочем контроле, принятое ВЦИК 29 (16) ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 35.

¹⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 65, 66–67.

¹⁶ Ленинский опыт использования права в интересах революции / отв. ред. Ш.З. Уразаев. Ташкент: Узбекистан, 1979. С. 166.

¹⁷ Руководящие указания по уголовному праву РСФСР // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

¹⁸ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: в 4 т. / ред. сов. В.М. Чхик-

Представляется, что категория «революционное правосознание» конкретно сводилась к следующему:

— в начальный период революции суды были обязаны применять вместо отмененных законов свергнутых правительств статьи программы партии «как положительное право» (воспоминания П.И. Стучки о работе В.И. Ленина над проектами Декретов о суде);

— в Программе РКП (б) 1919 г., написанной собственноручно В.И. Лениным и действовавшей вплоть до 1961 г., «в области судебной» было установлено, что, «отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их, руководствоваться социалистическим правосознанием»¹⁹;

— в случае неполноты декретов суды могли в своих решениях ссылаться как на «несомненные источники права и справедливости», даже на труды К. Маркса и В.И. Ленина (например, циркуляр Народного комиссариата юстиции Туркестанской АССР от 02.08.1919 № 91)²⁰;

— приоритет политической целесообразности над нормами практически всех отраслей права. К примеру, установка «применять не *Corpus juris romani* к „гражданским правоотношениям“, а наше революционное правосознание»²¹. В письме народному комиссару юстиции РСФСР Д.И. Курскому от 17 мая 1922 г. В.И. Ленин дал указание о порядке работы над Уголовным кодексом: «Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого»²².

вадзе (пред.) [и др.]. Т. 1 : Основные понятия и институты / отв. ред. Г.Н. Манов. М. : Юридическая литература, 1970. С. 163.

¹⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1970. Т. 38. С. 430.

²⁰ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. С. 163–164.

²¹ Ленин В.И. Указ. соч. Т. 44. С. 398.

²² Там же. Т. 45. С. 190.

В соответствии с ориентацией на революционное правосознание развивались концепции «отмирания права»²³. В 1920-е годы Председатель Верховного Суда РСФСР (1923–1932 гг.) П.И. Стучка заключил, что большинство коммунистов к законам советской власти относилось скептически, чтобы не сказать больше, закон и право — это, мол, штучки буржуазные, нам не нужные²⁴.

В число фактических отрицателей права входили советские праведы и руководители органов юстиции М.А. Рейснер, А.А. Сольц, А.Г. Гойхбарб, Н.М. Янсон и другие²⁵.

В частности, руководитель отделения государственного права Отдела законодательных предположений и кодификации Народного комиссариата юстиции М.А. Рейснер (1868–1928) был не просто модернистом в теории права, он был политическим авангардистом, «для которого характерна футуристическая трансгрессивность умонастроений, энергичная устремленность за пределы настоящего в виртуальность воображаемого будущего»²⁶. Будучи авангардистом в праве, Рейснер признавал возможность социального эксперимента, ориентировался во многом на утопические цели социально-политического развития, признавал исключительно инструментальные функции права.

М.В. Баглай указал А.Д. Троцкого среди соратников В.И. Ленина, которые принуждали исследователей смотреть на государственное право через приз-

²³ Берлявский А.Г. Правовое регулирование науки и научной деятельности в Советском государстве (1917–1941 гг.) : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 61–62.

²⁴ Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига : Латгосиздат, 1964. С. 433, 461.

²⁵ Туманов В.А. О юридическом нигилизме // Пульс реформ: Юристы и политологи размышляют. М., 1989 ; Крашенинников П.В. Страсти по праву: очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М., 2018.

²⁶ Бачинин Б.А. Авангардистское правоправедение М.А. Рейснера // Правоправедение 2006. № 5. С. 171.

му диктатуры пролетариата как якобы вершины демократии, утверждать «превосходство» советского народовластия, бороться с «буржуазным влиянием»²⁷. Троцкий утверждал, что принуждение играет и будет играть еще в течение значительного исторического периода большую роль. Прежде чем исчезнуть, «государственное принуждение достигает в переходную эпоху высшего напряжения в деле организации труда»²⁸.

Даже после провозглашения новой экономической политики Л.Д. Троцкий считал, что «революция, применяющая страшный меч террора, оберегает это свое государственное право»²⁹.

При всем этом реализация концепции революционного правосознания отнюдь не исключала прагматичного использования источников дореволюционного права. В ст. 36 Декрета о суде № 2 указано, что суды могли руководствоваться законами, действующими донныне, поскольку таковые не отменены декретами ЦИК и Совнаркома и не противоречат социалистическому правосознанию³⁰.

В Декрете СНК РСФСР о роспуске Государственного комитета по народному образованию от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. обращалось внимание на необходимость пересмотра законопроектов, поскольку «комитет считался с буржуазным духом предшествовавших министерств»³¹.

Таким образом, советское законодательство признавало дореволюционные нормативные акты в сфере регулирования научной деятельности при двух ус-

ловиях: во-первых, если они не отменены соответствующими декретами ВЦИК и СНК и, во-вторых, если они не противоречили «завоеваниям революции» и социалистическому правосознанию.

Для начального этапа советской государственности сказанное объяснимо кризисным, переходным характером эпохи и «революционным романтизмом» сторонников психологического и социологического подходов к правопониманию.

Однако советские исследователи и в более поздние периоды неоднократно поднимали вопрос о возможности признания исторических памятников советского государственного права источниками права отрасли последующих периодов. В частности, по оценке представителей юридической науки сталинского периода Конституция РСФСР 1925 г. «представляла собой конституционное оформление предшествующего опыта государственного строительства и тех социально-политических изменений, какие произошли за период 1918–1925 гг.»³².

Вплоть до 1960-х гг. продолжалась традиция относить к числу источников государственного права «Декреты Октября», первые советские конституционные акты, постановления ВСНХ и многие другие утратившие силу акты Советского государства³³.

²⁷ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. М., 2009. С. 53.

²⁸ Троцкий Л.Д. Организация труда. Доклад на IX съезде РКП (б) // Л.Д. Троцкий. Сочинения. Т. 15. М. ; Л., 1927. С. 138.

²⁹ Троцкий Л.Д. Литература и революция: печатается по изд. 1923 г. М., 1991. С. 156–157.

³⁰ Декрет ВЦИК и СНК от 15 февраля 1918 г. № 2 «О суде» // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 473.

³¹ Декрет СНК РСФСР от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. «О роспуске Государственного комитета по народному образованию» // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 44.

³² Вышинский А.Я. Введение // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937 гг.) / под ред. А.Я. Вышинского. М. : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. С. 13–14.

³³ Коток В.Ф. О предмете и источниках конституционного права социалистических стран // Конституционное право социалистических стран. М., 1963. С. 39.

Следует учитывать, что в период социалистического конституционализма наличие конституций сопровождалось принятием нормативных правовых актов — всего более 100 (с октября 1917 по 1991 г.). По терминологии советской науки конституционного права это были акты конституционного значения, которых с 1925 по 1937 г. было принято 65. См.: Подсчитано по: Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937 гг.) / под ред. А.Я.Вышинского. М., 1940. С. 162–266.

Литература

1. Берлявский Л.Г. Правовое регулирование науки и научной деятельности в Советском государстве (1917–1941 гг.) : монография / Л.Г. Берлявский. Москва : Юрлитинформ, 2012. 320 с.
2. Емельянова И.А. Советская юридическая литература о революционном правосознании и правотворчестве народных масс в период с февраля по октябрь 1917 г. / И.А. Емельянова // Правоведение. 1967. № 3. С. 48–56.
3. Исаев И.А. История государства и права России : учебник / И.А. Исаев. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист, 2004. 797 с.
4. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937 гг.) : сборник документов / под редакцией А.Я. Вышинского. Москва : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. 299 с.
5. Ленинский опыт использования права в интересах революции : отд. стороны и аспекты / ответственный редактор Ш.З. Уразаев. Ташкент : Узбекистан, 1979. 219 с.
6. Лившиц Р.З. Теория права : учебник для студентов вузов / Р.З. Лившиц. Москва : БЕК, 1994. 224 с.
7. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. В 4 томах / редакционный совет В.М. Чхиквадзе [и др.]. Т. 1. Основные понятия и институты ; ответственный редактор Г.Н. Манов. Москва : Юридическая литература, 1970. 640 с.
8. Памятники российского права : учебно-научное пособие. В 35 томах / О.В. Бобровский [и др.] ; под общей редакцией Р.Л. Хачатурова. Т. 24. Конституции СССР и РСФСР. Москва : Юрлитинформ, 2016. 344 с.
9. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П.И. Стучка. Рига : Латгосиздат, 1964. 748 с.

References

1. Berlyavskiy L.G. Pravovoe regulirovanie nauki i nauchnoy deyatel'nosti v Sovetskom gosudarstve (1917–1941 gg.) : monografiya [Legal Regulation of Science and Scientific Activity in the Soviet State (1917 to 1941) : monograph] / L.G. Berlyavskiy. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2012. 320 s.
2. Emelyanova I.A. Sovetskaya yuridicheskaya literatura o revolyutsionnom pravosoznanii i pravotvorchestva narodny'kh mass v period s fevralya po Oktyabr 1917 g. [Soviet Legal Literature on the Revolutionary Sense of Justice and Law-Making by the People in the Period from February through October 1917] / I.A. Emelyanova // Pravovedenie — Legal Studies. 1967. № 3. S. 48–56.
3. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. [The History of State and Law of Russia : textbook. The 3rd edition, revised and enlarged] / I.A. Isaev. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2004. 797 s.
4. Konstitutsiya i konstitutsionny'e akty' RSFSR (1918–1937 gg.) : sbornik dokumentov ; pod redaktsiei A.Ya. Vy'shinskogo [The Constitution and Constitutional Acts of the RSFSR (1918 to 1937) : compilation of documents ; edited by A.Ya. Vy'shinskiy]. Moskva : Izd-vo "Vedomostey Verkhovnogo Soveta RSFSR" — Moscow : Publishing House of The Gazette of the RSFSR Supreme Soviet, 1940. 299 s.
5. Leninskiy opyt' ispolzovaniya prava v interesakh revolyutsii : otd. storony' i aspekty' ; otvetstvenny'y redactor Sh.Z. Urazaev [Lenin's Experience of Using the Law in the Interests of Revolution : Some Sides and Aspects ; publishing editor Sh.Z. Urazaev]. Tashkent : Uzbekistan — Tashkent : Uzbekistan, 1979. 219 s.
6. Livshits R.Z. Teoriya prava : uchebnik dlya studentov vuzov [Law Theory : textbook for students of higher educational institutions] / R.Z. Livshits. Moskva : BEK — Moscow : BEK, 1994. 224 s.
7. Marksistsko-leninskaya obschaya teoriya gosudarstva i prava. V 4 tomakh ; redaktsionny'y sovets V.M. Chkhikvadze [i dr.]. T. 1. Osnovny'e ponyatiya i instituty' ; otvetstvenny'y redactor G.N. Manov. [The Marx-Lenin General Theory of State and Law. In 4 Volumes ; editorial board V.M. Chkhikvadze [et al.]. Vol. 1. Basic Notions and Institutes ; publishing editor G.N. Manov]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1970. 640 s.
8. Pamyatniki rossiyskogo prava : uchebno-nauchnoe posobie. V 35 tomakh ; pod obschey redaktsiei R.L. Khachaturova. T. 24. Konstitutsiya SSSR i RSFSR [Artifacts of the Russian Law : academic and research guide ; under the general editorship by R.L. Khachaturov. Vol. 24. Constitution of the USSR and the RSFSR] / O.V. Bobrov [i dr.]. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2016. 344 s.
9. Stuchka P.I. Izbranny'e proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava [Selected Works on the Marx-Lenin Theory of Law] / P.I. Stuchka. Riga : Latgosizdat — Riga : Latvian State Publishing House, 1964. 748 s.

Технологии и политический порядок*

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

Статья посвящена актуальной теме технологического обустройства власти. Технике внутренне присуще стремление к организации и порядку. Это влияние ощущалось на протяжении всей истории техники, особенно усиливаясь в периоды технологических революций. Техника передавала политическому свой рациональный метод. Вместе с тем сама техника воспринимала от политических ритуалов свою ритмику механизации труда. Идея равновесия зарождалась одновременно в технических системах и в политических структурах. Манипулирование становится общим методом для технического регулирования и политического управления. Симбиоз машины и человека проявился в этой сфере существования наиболее полно уже в эпоху модерны.

Ключевые слова: «машина власти», управление, регулирование, власть, закон, норма, легальность, порядок, система, структура, форма, техника, технология.

Technologies and the Political Order

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law, Professor*

The article is dedicated to the relevant subject of technological facilities of power. Machinery is inherent with a drive towards discipline and order. This influence has been felt during the whole history of machinery getting particularly strong in the periods of technological revolutions. Machinery has given its rational method to politics. At the same time, machinery itself has adopted its labor mechanization rhythmic from political rituals. The idea of a balance has simultaneously originated in technical systems and political structures. Manipulation is becoming a general method for technical regulation and political management. A symbiosis of a machine and a man reached its top as late as during the art nouveau period.

Keywords: "ruling machine", management, regulation, power, law, provision, legitimacy, order, system, structure, form, machinery, technology.

Сфера человеческой деятельности, менее всего поддающаяся рационализации, — это сфера политики. Консерваторы предполагают, что ее вторжение чаще всего ведет не к реформированию, а к разрушению: в этой ситуации традиция должна быть разрушена, и «на место разрушенной традиции рационалист помещает собственное творение — идеологию, представляющую собой формализованную, сокращенную версию того, что, по его мнению, и является „рациональным зерном“ разрушенной традиции».

Миф рационалистической политики заключается в ее понимании как частного случая инженерии. Такая политика стремится к совершенству и единообразию. Природа вещей такова, что в ней непременно должна быть предусмотрена единая, лучшая из всех форма правления (Годвин). Представление о возможности сделать основой общества. Декларация прав человека есть такое порождение рационалистического ума, тот же тип мышления, который еще ранее породил и идею «всемирного государства». Рождается убеждение,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-161124.

что технические знания невозможно отделить от практических: «суверенность разума для рационалиста равносильна суверенности техники»: чисто технический характер обусловлен тем, что в качестве инструмента исследования он безразличен к предмету исследования.

Рационализм, восходящий к Декарту, был непосредственно связан с идеей механической физики, отрицающей всякий высший по отношению к разуму принцип. Лейбниц подверг критике неспособность этого метода объяснить «истинную сущность вещей, почему он обладает только репрезентативной, но не объяснительной ценностью и учитывает только внешнюю видимость вещей»¹. «Рационалистической верой в самодостаточность метода пронизаны как допущенные возможности реализации всеохватывающего механического контроля, так и детали каждой из предложенных конкретных схем: ведь данная проблема причислена здесь к разряду „административных“»².

Изначальная потребность в порядке и достижении этого порядка с помощью повторяющихся действий, все более формализованных, была основополагающей для становления мегамшины. В силу самого своего успеха обряды, однако, ритм и упорядочивание слишком часто приобретали автоматизм бессознательного существования и тем самым приостанавливали человеческое развитие (Л. Мамфорд): врожденная избыточность человеческого существа здесь уступает место статике и унифицированности.

Иудейско-христианский монотеизм делает возможной резкую противоположность человека и природы (чего не позволяла себе греческая метафизика), закладывая основание для техническо-

го подхода к самой природе: провозглашенный Новым временем принцип «верить фактам» (*verum factum*), которому следовали и Николай Кузанский и Ф. Бэкон, Гоббс, Вико и вплоть до Канта, стал главным мостом между метафизикой Нового времени и современной техникой. Человек попытался освободиться от Бога, перенимая его функции творца мироздания, полагая, что только там и может он обрести достоверность, где он сам же произвел познанное. Природное тогда заменяется созданным искусственно, а сам человек становится частью природы, «понятой в духе современной науки, т.е. природы как математически исчисленной связи сил»: субъект нового времени доказывает свое могущество тем, что делает природу и самого человека объектом, который должен быть подчинен его господству³.

Машина же в то же время воспринималась как что-то дьявольское, и не напрасно, утверждал Освальд Шпенглер. Машина трудится и вынуждает к сотрудничеству людей. Делаясь все более обезличенной по своему образу, мистичнее и экзотичнее, все духовнее, машина в глазах верующего человека означала ниспровержение Бога: ведь живые существа посредством своей духовной силы сделали неживое зависимым от себя.

Но люди скоро сами сделались рабами своего создания. «Их численность и все устройство образа жизни оказались вытеснены машиной на такой путь, на котором невозможно остановиться хоть на миг, не отступить назад». Шпенглер заканчивал свое знаменитое произведение словами: «Если предположить, что наиболее даровитые люди будущих поколений сочтут спасение души делом более важным, чем вся власть мира сего, что под влиянием мистики и метафизики, приходящих на смену рационализму... (это шаг от Роджера Бэкона к

¹ Оукшот М. Рационализм в политике / пер. с англ. И.И. Мюрберг и др. ; под общ. ред. Л.Б. Макиевой и др. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 10–27.

² Генон Р. Царство количества и знамения времени / пер. с фр. ; предисл. С. Ключникова ; послесл. Т.Б. Любимовой. М. : Беловодье, 1994. С. 99–100.

³ Хёсле В. Философия техники Мартина Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современности : сб. / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М. : Наука, 1991. С. 146–147.

Бернарду Клевронскому), элиту охватит всевозрастающие ощущения сатанизма машины»⁴.

«Дьявол, с которым борется ученый, — это дьявол беспорядка, а не сознательного преступного намерения». Точка зрения, что природа обнаруживает энтропическую тенденцию, является точкой зрения св. Августина. Зато в «Потерянном рае» Мильтона дьявол есть всего лишь создание Бога и принадлежит миру, и если служит лишь для того, чтобы подчеркнуть некоторые темные стороны жизни, то великая битва между падшими ангелами и силами Бога становится особенно интересной. (Э.С. Гарднер в своих рассказах дает понятие, что в законодательстве имеют место случаи, когда «не только допускается и поощряется обман, или, говоря языком кибернетики, посылка сигналов с сознательной целью установить замыслы от правителя сигналов»)⁵.

Но опасность техники, как считал М. Хайдеггер, заключается не в ужесточении человека, а в преобразовании его сущности. То, что уже давно ему угрожает, — это «абсолютный характер чистого волнения в смысле преднамеренного стремления утвердить себя во всем». То, что угрожает человеку в его сущности, есть «волевое убеждение, будто посредством мирного высвобождения, преобразования, накопления сил природы, а также управления ими человек может сделать человеческое бытие для всех сносным и в целом счастливым». Но такое желание овладеть техникой уже само есть выражение технического образа мыслей⁶.

Слово «воля» нависало над XIX в. как символический знак. В социологи-

ческом плане это означало бурную динамику. «Идейное» же значение понятия лежало уже на пороге XVII в. в виде взрывчатого материала, впервые разредившись в качестве революционной идеи свободы. Революции только маскируются радикальным реформизмом, но это означает только то, что социальная революционность имеет свои собственные пути: «путч, террор, убийства и собственная скрытная или открыто проведенная подготовка переворота».

«Обе исторические жизненные основы, — число людей и техническое промежуточное царство внезапно приходят в тревожное движение». К этому присоединяется технический переворот, ставший «между быстро растущей массой людей и природой все более плотные и замкнутые рычаги и каркас уже не входящего в природу, а отделяющего от нее промежуточного царства, которое создаст совершенно новый по механике труда машинный мир»⁷. На этом фоне нарастают империалистическая эволюция и техническое преобразование милитаризма, делающее его самостоятельным фактором политики: нигилизм становится духовным результатом, историзацией и релятивизацией века. «Нормальным» в восприятии масс нигилизм сделало именно господство техники, в котором и раскрывается настоящая «воля к воле» (М. Хайдеггер). Торжество мира техники из пугающей перспективы в XX в. становится историей прошлого века.

Ритмику механизации труда следует искать уже в древнем порядке ритуала. Со временем религиозные предписания, магические заклинания и царские повеления, создавшие функциональную структуру мегамшины, превратились в новый коллективный механизм. «Посредством мегамшины царская власть стремилась сделать силу и славу небес достоянием человека». И машина навязывала людям ту же самую общую регламентацию, способы принуждения и

⁴ Шпенглер О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М. : Мысль, 1998. С. 536.

⁵ Винер Н. Творец и будущее / пер. с англ. Е.Г. Панфилова ; послесл. К. Кноп. М. : АСТ, 2003. С. 127.

⁶ Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие : статьи и выступления / сост., вступ. ст., коммент., указ. ; пер. с нем. В.В. Библихина. СПб. : Наука, 2007. С. 69.

⁷ Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры / пер. М.И. Левина, Т.Е. Егорова. СПб. : Унив. кн., 1999. С. 435–436.

наказания, которые создавали и контролировали, сужали границы общественной автономности, личной инициативы и самоуправления⁸. Ритуалы жертвоприношения и ритуалы принуждения были отработаны до совершенства действий военной машины. Принудительная коллективная форма порядка стала главным достижением негативной мегамшины. Постоянные утверждения власти о своей непобедимости и могуществе, порождающие страх и тревогу, явно свидетельствовали о возрастании иррациональности, пропорциональной орудиям уничтожения, имеющимся в распоряжении властителя (Л. Мамфорд приводит пример Леонардо да Винчи, пугающие образы которого, связанные с совершенствованиями техники, напоминают чудовищные научно разработанные способы уничтожения людей, имевшие место уже в нашу эпоху)⁹.

У Эрнста Юнгера «работа» означает не деятельность как таковую, но выражение особого бытия, которое стремится заполнить собой время и пространство и тем самым создает собственный закон. В этом смысле и техника «есть способ, при помощи которого гешальт рабочего» мобилизует мир; техника здесь приобретает глубоко революционный характер. «Это зловещее и однообразное движение», круговерть механических масс приобретает вид строгой рациональности и порядка. Этот тип движения свойственен не только лучшему, созданному искусственному мозгу, повсюду, где действуют и мыслят, сражаются и развлекаются. Старое деление на органическое и механическое более не работает, некие силы, действующие под механическими масками, впечатывают живую реальность в работу своих интересов¹⁰.

⁸ Мамфорд Л. Миф машины : Техника и развитие человечества / пер. с англ. М. : Логос, 2001. С. 279.

⁹ Там же. С. 374.

¹⁰ Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / пер. с ит. В.В. Ванюшкиной. СПб. : Владимир Даль, 2005. С. 67–68.

Современная война приводит к провалу стихийных сил, связанных с силами материальными, т.е. с системой технических средств тотального разрушения. На вызов разрушительных механических сил новый человек должен ответить абсолютным внутренним деянием, усвоить новую этику и новое мировоззрение. «Необходимо перенести на мирную жизнь военную концепцию тотальной мобилизации, тотальную задачу жизни, полную самоотдачу действию» (Э. Юнгер).

Равновесие, к которому стремится система, приспособлено к изменениям во внешней среде и поэтому нечувствительно к таким изменениям: система находится в состоянии частичного гомеостаза. Такая машина может обучаться, т.е. приспосабливаться формами своего поведения к устойчивому равновесию с окружением (У. Эшби, как утверждал Н. Винер, полагал, что можно создать машины, которые были бы умнее своих создателей). «При некоторой степени сложности приобретенная информация может не только сравняться с той, которая была первоначально заложена в машину, но и далеко ее превзойти, и с этой стадии сложности машина приобретает некоторые из существенных характеристик живого существа»: роль впечатлений выполняют приходящие сообщения, действия — исходящие.

Норберт Винер цитировал рецензию доминиканского монаха Дюбрала на свою «Кибернетику»: «Разве нельзя представить себе государственный аппарат, охватывающий все системы политических решений либо при режиме многих государств... либо при явно более простом режиме общечеловеческого правительства всей планеты?». Машина управления сможет заменить, на пользу или во вред, современную очевидную недостаточность мозга, когда последний имеет дело с обычной машинной политики. Такая машина должна обладать вероятностной, а не детерминированной мыслью, поскольку процессы, составляющие объект правительствен-

ной деятельности, могут быть уподоблены играм. В таком случае «машины правительствования будут характеризовать государство как игрока, наилучшим образом информированного на каждой отдельной ступени, и государство будет единственным верховным координатором всех отдельных решений», это позволит ему при всех обстоятельствах наносить поражение каждому игроку в человеческой игре, кроме себя, предлагая дилемму: либо немедленное уничтожение, либо плановое сотрудничество; дилемма представляет последствия самой игры без применения внешнего насилия¹¹. (Н. Винер утверждал, что первая промышленная революция (революция «темных сатанинских фабрик») была обесцениванием человеческих рук вследствие конкуренции машин. Современная же промышленная революция должна обесценить человеческий мозг, по крайней мере, в его наиболее простых и рутинных функциях: если XVII и начало XVIII в. были «веком часов», то весь XIX в. — веком паровых машин, настоящее время есть век связи и управления¹².)

И на всех ступенях развития техники людей интересовала возможность создания машин, подражающих живому организму, и это стремление к созданию автоматов всегда выражалось на языке существовавшей в данное время техники. Во времена Ньютона автомат принимает вид часового музыкального ящика, в XIX в. автомат — это тепловой двигатель, «современный автомат направляет пушки на то место, где луч радиолокатора обнаруживает самолет, или решает дифференциальное уравнение» (Н. Винер). Но нет механизированных людей, есть люди и машины, поэтому существует глубокая связь в одновременном появлении новых средств и нового человечества, которая станет выражением высшего единства: техника — это новый язык бытия (Э. Юнгер).

В «Исчислении умозаключений» Лейбница уже содержалась в зароды-

ше думающая машина (Ж. Делез сказал бы «мыслящая машина»). Сам Лейбниц интересовался созданием вычислительных машин в металле, но развитие им математической логики неизбежно должно было привести к гипотетической или действительной механизации самого процесса мышления: свои «монады» он сравнивал с часами, которые заведены на всю вечность.

Мир автоматов Лейбниц воспринимает как настоящий часовой механизм. «Наблюдаемая нами организация мира представляет собой нечто среднее между вымыслом и чудом. Монада — это ньютоновская солнечная система в миниатюре». Пока автомат работает, самые правила его действия могут меняться на основании данных прошедших ранее через его воспринимающие органы, что напоминает процесс обучения¹³: кажется, что «витализм выиграл здесь спор до такой степени, что даже механизмы оказались соответствующими виталистической структуре времени» (Н. Винер). Машине никак не удастся превратить человека в механизм окончательно.

Техника представляет собой целый ансамбль методически работающих приемов, применение которых обеспечивает достижение определенной цели. Государства же, эти левиафаны, по-прежнему направляют свои основные научные разработки на увеличение своей мощи в предполагаемых будущих конфликтах, поэтому огосударствляемая наука и техника становятся одной из самых больших угроз: «Развитие техники или внедрение ее в жизнь не может не повлечь за собой затмение и растущее исчезновение для человека того мира тайны, который является одновременно и миром присутствия, и миром надежды». Желания и страх достигают предела, а природа человека все более становится неспособной возвыситься над тем и другим¹⁴.

¹³ Там же. С. 93–95.

¹⁴ Марсель Г. Люди против человеческого. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 77–81.

¹¹ Винер Н. Указ. соч. С. 207–209.

¹² Там же. С. 77, 90.

Контроль и отбор — вот предполагаемые столпы порядка. Функции манипулятора времен Бруно теперь взяло на себя государство, и этот новый маг должен был разработать и необходимые идеологические средства, чтобы получить однородное общество. Для тех же, кто испытывал чувство неудовлетворенности, существовали идеологические объединения, создававшие альтернативные ожидания. Само государство должно было озаботиться созданием «контркультуры, причем ее идеологические составляющие должны быть организованы таким образом, чтобы избежать сплоченности маргиналов и усиления их влияния», для этого и существует рынок всевозможных разрушительных и саморазрушительных фантазмов и культивируется идея альтернативных источников власти.

Тогда насилие оборачивается против самих агрессоров, саморазрушение уничтожает одну часть маргиналов, тогда как другая будет «медитировать и восхищаться неизвестными и безопасными возможностями человеческой психики»: речь здесь идет об интеллектуальной власти¹⁵.

В этой связи и риск рассматривается как конструктивный способ... набор способов упорядочивания реальности, придания ей исчисляемой формы. Это способ такой репрезентации событий, при которой они становятся доступными управлению при помощи конкретных способов, техник и целей: в риске становится важным уже не сам риск, а делающие его мыслимыми формы знания, открывающие его инструменты, исчисленная вероятность, технологии, которые стремятся управлять им¹⁶. (По замечанию Пауля Хенигсейма, единство стиля между психической и

экономической жизнью обнаруживается на трех стадиях эволюционного ряда. На первой — магия и экономика составляют в недифференцированном обществе нерелефлирующей орды.) Позже как психические, так и экономические элементы становятся частью универсальной теократии в средневековой схоластике.

В эпоху Возрождения наука и экономика, наконец, обретают единство стиля благодаря нарождающемуся индивидуализму. Абсолютизм устанавливает господство государства как над наукой, так и над экономикой.

Либерализм же рассматривает государство, науку и экономику в их свободном сосуществовании: «В нашу эпоху психическая жизнь уже целиком подчинена экономике и проявляется как механизация мира»¹⁷. Юридическое явление представляет собой лишь технический прием, использующий коррелированные психические установки принуждения и повиновения.

Манипулятор для применения своих методов интуитивно разгадывает свойства, реакции и эмоции тех, кого он собирается «привязать». Процесс «связывания» включает три этапа: первый — это использование связи; второй — само связывание; третий — притяжение, возникающее в результате, и четвертый — наслаждение объектом, которое Бруно называет «удовольствием». Сама фантазия подлинна, она реальна и может заставить объект что-то сделать: это означает, что связь проникает в человека через «ворота воображения»¹⁸.

Политическое действие, несомненно, также есть некая техника, ею можно овладеть в тренировке, теоретически углубить, систематически разработать и «то, что политика — искусство, вовсе не препятствует такой попытке». В той мере, в какой удастся найти и применить к ней определенные правила, политика

¹⁵ Кулиану Й.П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484 / пер. с фр. А. Смирновой, А. Захаревич; науч. ред. М. Фиалко. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2017. С. 228.

¹⁶ Дин М. Правительственность: власть и правление в современном обществе / пер. с англ. А. Писарева; под науч. ред. С. Гавриленко; пред. А. Бикбова. М.: Дело, 2016. С. 419–420.

¹⁷ Цит. по: Бекер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 459.

¹⁸ Кулиану Й.П. Указ. соч. С. 212.

из личной одаренности превращается в прикладное искусство. Это искусство объективируется и в каком-то смысле становится независимым от случайных качеств действующих лиц: так действует любая техника, любая система правил.

Для определения технически правильного способа действия в конкретной ситуации соответствующая цель (утверждение власти, покушение на тирана, подавление заговора) должна стать абсолютной. Но как только шкала системы ценностей или норм начинает оспаривать абсолютный характер цели или запрещает использовать некоторые средства, т.е. препятствует чисто техническому решению задачи, тогда «появляются неизвестные, делающие решение задачи невозможным, — разве что эти неизвестные станут как точные рамочные условия»¹⁹: одного лишь факта стремления к цели теперь уже достаточно, чтобы начать искать для этого наиболее эффективную технику, технику политического действия.

¹⁹ Фрайер Х. Макиавелли / пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2011. С. 144–147, 153.

Если в отдельных сферах деятельности выбор средств ограничен некими сдерживающими нормами или укорененными обычаями, так как там существуют определенные правила игры, то в политике, утверждал еще Макиавелли, ничего подобного не существует. Здесь существует молчаливое согласие о том, что дозволены любые средства, здесь господствует абсолютная борьба. «Разработка правил политического действия имеет смысл только тогда, когда основывается на том, что допустимы все средства. Все остальное — утопия и поэтический вымысел».

Политика есть абсолютная борьба, еще и потому, что «политическая теория в первом своем слое есть только учение о технике абсолютной борьбы», которая не имеет стеснения в выборе средств. Здесь впервые открывается настоящая проблема соотношения политики и морали, однако эта проблема еще не кристаллизовалась, так как абстрактная форма действия не имеет ценности морального свидетельства²⁰. По словам Гете, действие само по себе аморально...

²⁰ Там же. С. 158, 163.

Литература

1. Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры / А. Вебер; перевод М.И. Левина, Т.Е. Егорова. Санкт-Петербург: Унив. кн., 1999. 564 с.
2. Винер Н. Творец и будущее / Н. Винер; перевод с английского Е.Г. Панфилова; послесловие К. Кноп. Москва: АСТ, 2003. 732 с.
3. Генон Р. Царство количества и знамения времени / Р. Генон; перевод с французского; предисловие С. Ключникова; послесловие Т.Б. Любимовой. Москва: Беловодье, 1994. 295 с.
4. Дин М. Правительность: власть и правление в современном обществе / М. Дин; перевод с английского А. Писарева; под научной редакцией С. Гавриленко; предисловие А. Бикбова. Москва: Дело, 2016. 590 с.
5. Кулиану Й.П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484 / Й.П. Кулиану; перевод с французского А. Смирновой, А. Захаревич; научный редактор М. Фиалко. Санкт-Петербург: Изд-во И. Лимбаха, 2017. 585 с.
6. Мамфорд Л. Миф машины: Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд; перевод с английского. Москва: Логос, 2001. 404 с.
7. Марсель Г. Люди против человеческого / Г. Марсель. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 208 с.
8. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот; пер. с англ. И.И. Мюрберг [и др.]; под общ. ред. Л.Б. Макеевой [и др.]. М.: Идея-Пресс, 2002. 285 с.
9. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / перевод с английского В.М. Карзинкина, Ю.В. Семенова; предисловие Г. Беккер, А. Боскова; общая редакция и послесловие Д.И. Чеснокова. Москва: Изд-во иностр. лит., 1961. 895 с.
10. Фрайер Х. Макиавелли / Х. Фрайер; перевод с немецкого Д.В. Кузницына. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2011. 349 с.

11. Хайдеггер М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления ; составление, вступительная статья, комментарий, указатель ; перевод с немецкого В.В. Бибикина. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 620 с.
12. Хёсле В. Философия техники Мартина Хайдеггера / В. Хёсле // Философия Мартина Хайдеггера и современности : сборник ; ответственный редактор Н.В. Мотрошилова. Москва : Наука, 1991. 249 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер ; перевод с немецкого, вступительная статья и примечания К.А. Свасьяна. Москва : Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.
14. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / Ю. Эвола ; перевод с итальянского В.В. Ванюшкиной. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2005. 186 с.

References

1. Weber A. Izbrannoe: krizis evropeyskoy kultury' ; perevod M.I. Levina, T.E. Egorova [Selected Works: the Crisis of the European Culture ; translation by M.I. Levin, T.E. Egorov] / A. Weber. Sankt-Peterburg : Univ. kn. — Saint Petersburg : University Book, 1999. 564 s.
2. Wiener N. Tvorets i budushee ; perevod s angliyskogo E.G. Panfilova ; posleslovie K. Knop [The Creator and the Future ; translation from English by E.G. Panfilov ; afterword by K. Knop] / N. Wiener. Moskva : AST — Moscow : AST, 2003. 732 s.
3. Guenon R. Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni ; perevod s frantsuzskogo ; predislovie S. Klyuchnikova ; posleslovie T.B. Lyubimovoy [The Kingdom of Quantity and Signs of the Time ; translation from French ; foreword by S. Klyuchnikov ; afterword by T.B. Lyubimova] / R. Guenon. Moskva : Belovode — Moskva : Belovode, 1994. 295 s.
4. Dean M. Pravitel'nost' : vlast i pravlenie v sovremennom obschestve ; perevod s angliyskogo A. Pisareva ; pod nauchnoy redaktsiyey S. Gavrilenko ; predislovie A. Bikbova [Governmentality: Power and Rule in Modern Society ; translation from English by A. Pisarev ; under academic editorship of S. Gavrilenko ; foreword by A. Bikbov] / M. Dean. Moskva : Delo — Moscow : Case, 2016. 590 s.
5. Culiyanu I.P. Eros i magiya v epokhu Vozrozhdeniya. 1484 ; perevod s frantsuzskogo A. Smirnovoy, A. Zakharevich ; nauchny'y redactor M. Fialko [Eros and Magic in the Renaissance ; translation from French by A. Smirnova, A. Zakharevich ; academic editor M. Fialko] / I.P. Culiyanu. Sankt-Peterburg : Izd-vo I. Limbakh — Saint Petersburg : Publishing House of I. Limbakh, 2017. 585 s.
6. Mumford L. Mif mashiny' : Tekhnika i razvitie chelovechestva ; perevod s angliyskogo [The Myth of the Machine : Technics and Human Development ; translation from English] / L. Mumford. Moskva : Logos — Moscow : Logos, 2001. 404 s.
7. Marcel G. Lyudi protiv chelovecheskogo [Man Against Mass Society] / G. Marcel. Moskva ; Sankt-Peterburg : Tsentr gumanitarny'kh initsiativ — Moscow ; Saint Petersburg : Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 208 s.
8. Oakeshott M. Ratsionalizm v politike i drugie stati ; per. s angl. I.I. Myurberg [i dr.] ; pod obsch. red. L.B. Makeevoy [i dr.] [Rationalism in Politics and Other Essays ; translation from English by I.I. Myurberg [et al.] ; under the general editorship of L.B. Makeeva [et al.]] / M. Oakeshott. Moskva : Ideya-Press — Moscow : Idea-Press, 2002. 285 s.
9. Sovremennaya Sotsiologicheskaya teoriya v ee preemstvennosti i izmenenii ; perevod s angliyskogo V.M. Karzinkina, Yu. V. Semenova ; predislovie G. Bekker, A. Boskova ; obschaya redaktsiya i posleslovie D.I. Chesnokova [The Modern Sociological Theory in Its Continuity and Evolution ; translation from English by V.M. Karzinkin, Yu.V. Semenov ; foreword by G. Bekker, A. Boskov ; general editorship and afterword by D.I. Chesnokov]. Moskva : Izd-vo inostr. lit. — Moscow : The Publishing House of Foreign Literature, 1961. 895 s.
10. Frayer H. Makiavelli ; perevod s nemetskogo D.V. Kuznitsy'na [Machiavelli ; perevod s nemetskogo D.V. Kuznitsy'na] / H. Frayer. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal — Saint Petersburg : Vladimir Dal, 2011. 349 s.
11. Heidegger M. Vremya kartiny' mira [The Time of the World View] / M. Heidegger // Heidegger M. Vremya i by'tie : stati i vy'stupleniya ; sostavlenie, vstupitel'naya statya, kommentariy, ukazatel ; perevod s nemetskogo V.V. Bibikhina [Time and Existence : articles and presentations ; compiled by, foreword, comment, index ; translation from German by V.V. Bibikhin]. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2007. 620 s.
12. Hösele V. Filisofiya tekhniki Martina Khaydeggera [The Philosophy of Martin Heidegger's Technique] / V. Hösele // Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennosti : sbornik ; otvetstvenny'y redactor N.V. Motroshilova [Philosophy of Martin Heidegger and the Modern Time : compilation of works ; publishing editor N.V. Motroshilova]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1991. 249 s.
13. Spengler O. Zakat Evropy' : ocherki morfologii mirovoy istorii ; perevod s nemetskogo, vstupitel'naya statya i primechaniya K.A. Svasyan [The Decline of the West: Analytical Reviews of the World History ; translation from German, foreword and notes by K.A. Svasyan] / O. Spengler. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1998. Vol. 2. 606 s.
14. Evola G. "Rabochiy" v tvorchestve Ernsta Yungera ; perevod s italyanskogo V.V. Vanyushkinoy ["The Worker" in the Creative Activities of Ernst Unger ; translation from Italian by B.B. Vanyushkina] / G. Evola. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal — Saint Petersburg : Vladimir Dal, 2005. 186 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-8-24-32

Сеть между иерархией и энтропией: трансформация власти в эпоху электронно-информационных технологий*

*Корнев Аркадий Владимирович,
заведующий кафедрой теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kornev_av@rambler.ru*

В статье предпринята попытка рассмотреть диалектическое соотношение иерархических и энтропийных структур в эволюции общества и государства. Обосновывается тезис о дуальности бытия общества и государства, противостоянии порядка и хаоса. Причем порядок и хаос в одинаковой степени присущ как структурам иерархии, так и структурам энтропии. В статье затрагиваются проблемы, связанные с производством мультимедийной картины мира как некоей альтернативы физической и социальной реальности. Кроме того, обозначены потенциальные угрозы, связанные с социальными сетями и сетевыми технологиями. Иллюстрируется трансформация власти в эпоху электронно-машинных коммуникаций. Аргументируется, что метафора «машина власти» в настоящее время наполняется реальным технологическим содержанием.

Ключевые слова: иерархия, энтропия, структура, власть, социальные сети и сетевые технологии.

The Network between Hierarchy and Entropy: Transformation of Power in the Epoch of Electronic and Information Technology

*Kornev Arkadiy V.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law, Professor*

The article attempts at review of the dialectic correlation between hierarchical and entropic structures in the evolution of the society and state. The author justifies the idea of duality of existence of the society and state, opposition between order and chaos. Order and chaos are equally intrinsic to hierarchical and entropic structures. The article covers the issues concerning production of a multimedia worldview as a kind of alternative to the physical and social reality. Besides, the author identifies potential threats related to social networks and network technologies. Transformation of power in the epoch of electronic and machine communications is shown. It is proved that the ruling machine metaphor is now being filled with real technological content.

Keywords: hierarchy, entropy, structure, power, social networks and social technologies.

Проблема власти все еще притягивает внимание исследователей. Политическая власть неразрывно связана с государством. Однако власть несводима только к государству. Это сложное социальное явление, которое имеет место уже на ранних стадиях бытия общества. Без власти невозможно себе представить существование общества, государ-

ства, его институтов. Все это относится к общим местам и не особенно нуждается в пояснениях. Проблема кроется в другом.

Наша наука несколько отстает от западной, за редким исключением. В данном случае речь идет не о науке вообще, а о науках социальных. В рамках политической теории, социологии, юриспру-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-161124.

денции, философии имеют место свои, обоснованные интерпретации власти. Между ними не наблюдается больших расхождений. Тем не менее подходы все-таки отличаются.

Отставание заключается в том, что наши отечественные исследователи, а где-то и власть, оказались не готовы к восприятию той реальности, которая имеет место сегодня, и как она формируется. Глобализация воспринимается обывателем преимущественно в контексте мотиваций его поведения. Появившиеся новые возможности позволяют человеку общества потребления быстро осваивать физические и виртуальные пространства. Это создает иллюзию «господина» ситуации. На самом деле все не так или не совсем так.

Отечественная наука по-прежнему оперирует категориями, которые сложились в аграрную или индустриальную эпоху. Но мир стал другим. Мы не совсем готовы понимать ту реальность, которая есть. Да и сама реальность уже понимается и воспринимается по-другому. От того происходят трудности диалога с другими, прежде всего западным миром. Наша социально-философская интерпретация действительности и те когнитивные структуры, которые мы используем для ее отражения, уже давно не соответствуют потребностям времени, в котором мы живем. Нравится это кому-то или нет. Победа в грядущих противостояниях будет зависеть не от количества ядерных боеголовок, а от того, какие сетевые возможности имеются у враждующих сторон. История есть борьба. Об этом хорошо и убедительно говорили еще древнегреческие философы. Надеяться на то, что войны в самых различных вариантах уйдут в прошлое, — утопия. В семьях нередко разрастаются скандалы из-за пульта от телевизора в силу разницы во вкусах. А мы лелеем мечту, что государства и целые цивилизации прекратят борьбу за воду, нефть, газ, землю, одним словом, за все то, что является основой нашей жизни. Вспомним хотя бы «общечелове-

ческие ценности» нобелевского лауреата М.С. Горбачева и их полное фиаско в дальнейшем. Да и так было понятно, что эта идея иллюзорна. Мир живет по другим правилам, и пока их никто менять не хочет.

В контексте проблематики статьи ключевыми категориями являются *иерархия (порядок), сеть как относительно новое и до конца непроясненное явление и энтропия (разрушение, распад)*.

Современный период истории называют по-разному: VI технологическим укладом, четвертой промышленной революцией, информационным обществом, цифровой революцией и проч. Спор о терминах не всегда схоластический. У римлян Термин — Бог границ. Его назначение состоит в том, чтобы с помощью знаковой системы, в данном случае языка в его привычном варианте, очерчивать явление и сообщать ему определенный смысл. В гуманитарных науках, за некоторым исключением, язык и реальность — суть разные явления. В языкознании язык одновременно и объект изучения, и инструмент. В других общественных науках он выступает только в роли инструмента, что порождает дискуссии относительно слов и выражений, с помощью которых мы отражаем действительность, а иногда и формируем ее. Но об том далее.

Для понимания современности необходимо обратиться к таким категориям, как «модерн» и «постмодерн». Дело в том, что эти эпохи сформировали разный понятийно-категориальный аппарата, призванный отражать реалии. Создается впечатление, что мы употребляем конструкции, которые сложились в эпоху модерна, которые сегодня, в новых исторических условиях, просто не работают или работают не так, как хотелось бы.

Слово *modern* (современный) использовалось для обозначения всего нового. Принято считать, что эпоха модерна начинается формироваться с середины XVIII в. и заканчивается примерно

в 1980-е гг. Модерн формируется на основе Просвещения, которое послужило своеобразной точкой отсчета в истории европейских государств и, несомненно, оказало значительное влияние на другие культуры. Вольтер и его единомышленники объявили разум единственным критерием легитимности любых институтов, серьезно потеснив веру. До эпохи Просвещения церковь фактически монополюно давала оценку всему и вся, определяя перспективы и жизнеспособность любого нововведения. Ее, то есть церкви, место отныне стала занимать наука.

Просвещение объявило о разрыве с традицией, подорвало авторитет религии и общепринятых верований. Прогресс, по мнению адептов Просвещения, может быть обеспечен благодаря рациональному мышлению, науке, стремлению к свободе и равенству. Макс Вебер обосновал концепцию прогрессирующей «рационализации общественной жизни». Разумеется, речь шла исключительно о западной цивилизации.

Постепенно сформировалась идея о том, что модерн представляет собой социальную модель, которой должны следовать все страны, все нации и цивилизации. У них просто нет другого пути. Так сложилась теория модернизации в качестве магистрального пути развития человечества. Наиболее известным представителем этой теории был Уолт Ростоу.

В контексте проблематики статьи особый интерес представляют взгляды Зигмунта Баумана. Он полагает, что ключ к пониманию модерна лежит в осознании отличительных черт его культуры и ментальности, которые можно сравнить с возделыванием сада. Недаром Вольтер настаивал на том, чтобы каждый возделывал свой сад. *Ментальность модерна предпочитает порядок хаосу*. Если, образно говоря, общество уподобить саду, то его запущенная часть должна быть соответствующим образом «окультурена».

Постмодерн есть исторический период, следующий за модерном. Обще-

ство постмодерна трудно описать, поскольку оно менее четко определено, более плюралистично и социально разнообразно. Принято считать, что этот тип общества начинает формироваться с 1970-х гг. и толчком к его формированию послужили новации в искусстве, прежде всего в театре и кино.

Любые революционные изменения объявляют войну традиции, классике. Лев Троцкий совсем не случайно благоволил литераторам, художникам, театральным деятелям, которые являли собой особый тип искусства, не вписывающийся в общепринятые, «классические» каноны. Достаточно вспомнить Маяковского, который призывал сбросить Пушкина с корабля современности. К счастью, одумался. Сама классика как таковая была поставлена под подозрение. История, как мы хорошо это знаем, повторяется.

Постмодерн (postmodernity) — исторический этап, следующий за модерном. Принято считать, что он начал формироваться в 1970-е годы. Он менее четко определен, более плюралистичен и социально разнообразен. Понятие «постмодерн» первоначально появилось в сфере культуры и искусства.

Ключевой работой о постмодерне стала «Состояние постмодерна» Жана Франсуа Лиотара (1984). В ней он констатирует исчезновение черт и признаков, которые характеризовали модерн. Например, наука, которая играла ключевую роль в эпоху модерна, лишилась своей легитимности. В настоящее время люди все чаще стали обращаться к более локальным формам знания: религиозным и обыденным верованиям, древним народным практикам и прочее.

Главный объект критики модернистов — социальные теоретики, которые пытались определить направление и форму истории. Причем содержание и существенные черты не имеют для критиков никакого значения. Главное, что объединяет социальных теоретиков, — положение о том, что исторический процесс структурирован, имеет опре-

деленную и прогрессивную направленность. Постмодернисты такую версию исторического процесса категорически не принимают. Лишились доверия, кроме науки, политическая власть и прогресс человечества.

Лиотар описывает эти процессы как разрушение метанарративов — больших повествований о непрерывном прогрессе, который оправдывал уважение к ученым, экспертам и профессионалам. Олицетворением современного мира служит Всемирная паутина, кишащая образами, изображениями и другими материалами почти любой культуры мира.

Жан Бодрийяр утверждает, что медиа разрушили наши отношения с прошлым, создав хаотичный, пустой мир, в котором на общество оказывают влияние, прежде всего, знаки и образы. Для Бодрийяра подъем массмедиа размывает границы между реальностью и ее представлением, оставляя лишь гиперреальность, в которой мы и живем. В гиперреальном мире наше восприятие событий и понимание нами социальных процессов становится во все большей степени зависимым от массмедиа¹. Многие социальные институты, по его мнению, превратились в симулякры и симуляции².

Ключевой тезис постмодернистов выглядит так: *мы больше не живем в мире модерна, упорядоченном национальными государствами.*

Это один из ключевых трендов, говоря современным языком, современной эпохи, эпохи постмодерна. По сути, глобализация и навязывание смыслообразующих категорий постмодерна есть новая форма господства, которую прячут за словесной эквилибристикой. Все это представляет огромную опасность для национального государ-

ства — главного условия сохранения политической субъектности той или иной страны. Отсюда проистекают нападки на власть, государство, суверенитет и иные институты, которые ассоциируются с иерархией.

Все существующие исторические типы общества и особенно общество постмодерна есть по сути своей противостояние иерархии (порядка) и энтропии. В терминах физики энтропия представляет собой переход вещества на более низкий уровень организации с выделением энергии. В социальных науках энтропия означает распад, разрушение, инерцию, сопротивление. Из этого следует, что энтропия как категория современной социологии полисемантична. Однако это не умаляет главного значения этого слова, а именно: энтропийные процессы бросают вызов организации, порядку, власти, одним словом, всему тому, что мы так или иначе связываем с государством. Именно этим можно объяснить попытки девальвировать суверенитет, так называемую вестфальскую систему, международное право и систему международной безопасности.

Иерархии всегда пытались организовать мир, культурный космос людей, общество, государство, культуры, придать жизни отдельного народа, большого государства или даже империи некую оформленную разумную, рациональную организационную форму с заданными целями и смысловыми миссиями. Иерархии в разное время были самыми различными — от иерархий священных, феодальных, рыцарских, жреческих до буржуазных в новое время. То же самое демократический централизм, или принцип, по которому была организована компартия. Все это не что иное, как формы иерархии — вертикали власти

На другом конце, в сфере энтропии, среди каких-то асоциальных элементов, преступников, лентяев, лоботрясов, поэтов, мечтателей, революционеров, сектантов или просто природных явлений и животных формируется контрэлита. В какой-то момент, становясь сильной,

¹ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. М. : Издат. дом Высшей шк. экономики, 2018. С. 33, 34, 35.

² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : Постум, 2015.

она свергает элиту, и все начинается заново. Если эту элиту, которая рассеяна в энтропическом полюсе общества, не впускать во власть, то рано или поздно она эту власть опрокинет. Подавляющее большинство обществ, которые мы знали в нашей истории, были основаны на этой не снимаемой двойственности иерархии и энтропии³.

Государство является олицетворением власти, господства. Кроме того, что государство является организацией власти в масштабах всего общества, оно призвано минимизировать социальные противоречия и осуществлять легитимное насилие тогда, когда в этом возникает необходимость. В том числе тогда, когда начинают возрастать энтропийные процессы в обществе.

Карл Шмитт, отвечая на вопрос о том, почему люди соглашаются на власть другого, ответил так: «В одних случаях основанием тому служит доверие, в других — страх, иногда — надежда, порой — отчаяние. Но они всегда нуждаются в защите и защиты этой ищут у власти. Если идти от человека, связь защиты и повиновения остается единственным объяснением власти. Кто не имеет власти защитить кого-либо, не имеет также требовать от него повиновения. И наоборот: кто ищет защиты и принимает защиту, тот не имеет права отказаться от повиновения»⁴.

В современной интерпретации отношения между государством и человеком принято характеризовать через призму взаимных прав и обязанностей, основанных на праве (законе).

С исторической точки зрения весьма важное значение имеет такая категория, как «политическая лояльность», прошедшая длительный процесс переосмысления. Квентин Скиннер констатирует: «Подданный, или по-латински *subditus*, традиционно клялся в лояльности своему правителю как вассал сеньору. Но с

распространением идеи, что верховная власть сосредоточена не у правителей, а у агента под названием „государство“, на смену этому пришла привычная нам точка зрения, что гражданам положено быть, прежде всего, лояльными по отношению к этому самому государству»⁵.

Пьер Бурдьё среди функций государства выделяет «производство легитимной социальной идентичности». Определенные виды социального поведения, например бунт, могут определяться теми самыми обстоятельствами, против которых и протестует бунтовщик. Протест как раз и направлен на опровержение легитимной идентичности. С одной стороны, государство представляет собой бюрократический аппарат управления коллективными интересами. С другой стороны, это территориальная юрисдикция, на которой действует власть этого аппарата. Игнорирование коллективными интересами, мнимое или реальное, есть повод для энтропийных, разрушительных процессов. К примеру, коррупция есть самый яркий пример энтропии и самый лучший повод для противодействия и даже свержения власти.

«Государство, — как верно подмечает Бурдьё, — продукт постепенного накопления различных видов капитала, экономического, физического, символического, культурного или информационного»⁶.

Монополизация любого вида капитала и игнорирование общих интересов способны стать причиной дестабилизации иерархии и тех институтов и регуляторов, которые обеспечивают ее жизнеспособность.

О государстве как центральном элементе иерархии, его роли и функци-

³ Дугин А. Русская война. М. : Алгоритм, 2015. С. 150, 151, 152.

⁴ Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб. : Наука, 2016. С. 418.

⁵ Скиннер К. The state // Понятие государства в четырех языках : сб. ст. / под ред. О. Хархордина // Труды Факультета политических наук и социологии. Вып. 6. СПб. : Летний сад, 2002. С. 61.

⁶ Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / под ред. П. Шампаня, Р. Ленуара, Ф. Пуло и М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Краlechкина, И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М. : Дело, 2016. С. 357.

ях уже говорилось. Однако иерархия не может долго существовать, если она не опирается на религию, традицию, мораль, право, нравственность, семью.

Активизация энтропийных процессов начинается, как правило, с дискредитации власти, политического порядка и законов, которые его поддерживают. Распространяемые сомнения в части легальности и легитимности власти автоматически распространяются и на правовые институты, созданные и поддерживаемые властью. В итоге это, как правило, приводит к политическому неповиновению и отказу соблюдать закон. Разумеется, очень часто сама власть дает для этого слишком много поводов. К примеру, политически нейтральные в самом начале различного рода экологические движения в конечном счете, как правило, трансформируются в альтернативные власти политические институты. Или масштабы коррупции. В переходных типах общества коррупция, как правило, представляет собой серьезную проблему и повод для политических волнений одновременно.

Общество и присущая ему энтропия пытается дезавуировать все то, что хотя в какой-то мере является сакральным. Когда-то этим качеством обладало и право, поскольку древние цивилизованные общества выводили свое право от богов. Повиноваться законам означало повиноваться богам. Поскольку закон являлся составной частью религии, как верно отмечает Фюстель де Куланж, он был облечен таинством, как и вся религия города. Религиозное происхождение права объясняет нам множество его особенностей. «Странные формы древнего римского судопроизводства не будут удивлять, — пишет он, — если мы вспомним, что римское право было религией, закон — священным текстом, правосудие — собранием обрядов»⁷.

⁷ Куланж де Ф. Древний город : религия, законы, институты Греции и Рима / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2010. С. 192.

Разумеется, для современного общества право давно уже утратило сакральный смысл. Хотя нередко в публичном пространстве периодически воспроизводится тезис о собственности как о священной и неприкосновенной категории. Тем не менее необходимость права как основного социального регулятора никто особенно не оспаривает.

Впрочем, и сегодня не все авторы поврали с сакральными основаниями права. В одной из своих последних книг член-корреспондент РАН Г.В. Мальцев писал: «Священная книга — это, безусловно, верховный источник права, стоящий выше законов и конституции страны. В ней, говоря языком современного нормативизма, содержится основная норма религиозно-правовой системы, иерархическое построение которой начинается с нормативного комплекса, содержащегося в тексте священных книг»⁸.

Религия обладает такими важными социальными функциями, как интегративная и регулятивная. Ничто так сильно не объединяет людей, как общая вера.

Вместе с тем вера не только объединяет, но и разъединяет, что активно используется в настоящее время.

Кроме религии и права, иерархию помогает сохранить мораль и культура. По мнению Г.В. Мальцева, в настоящее время произошла смена нравственно-психологических циклов в развитии общества. Все, что раньше воспринималось как святое и героическое, сегодня принижается и осмеивается, десакрализуется. При этом четко преследуется цель — сделать общество максимально атомизированным, внушить индивиду-потребителю идею о том, что эгоизм является единственно верной мотивацией человеческого поведения.

Такие же процессы происходят и в области культуры. Никаких классических канонов, по мнению постмодернистов, не существует. Пошлость на экра-

⁸ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М. : ФПА, 2016. С. 365.

не, театральных подмостках, в книжной продукции (лучше не скажешь) стала общим местом.

Приходится констатировать, что модель культуры, выступающая как система ограничений (Ю.М. Лотман), уже больше не работает. Увы, но это так. Исчезновение из названия МХТ имени А.П. Чехова слова «академический» можно назвать знаковым событием.

Ключевое значение в сложной формуле соотношения иерархии и энтропии имеет «сеть». А. Дугин отмечает, что в дуальной парадигме «иерархия/энтропия» сеть является промежуточным явлением. Она несет в себе кое-что от иерархии (потому что в ней есть структура, хотя и постоянно изменяющаяся) и кое-что от энтропии (эта структура постоянно трансформируется).

Социологи обозначают связи между людьми и социальными группами термином «сеть». Сети — древняя форма человеческой ассоциации. По мере того как информационные технологии порождают все новые возможности для создания сетей, они становятся определяющей организационной структурой современных обществ. Новые технологии позволяют выходить за пределы стран и часовых поясов. Мануэль Кастельс отмечает, что мы наблюдаем медленное разрушение господства бюрократии как наиболее рациональной и эффективной формы организации⁹.

Сеть — это явление постмодерна, возникающее тогда, когда заканчивается эпоха Просвещения и начинается пост-эра. В постмодерне общество становится все более сетевым. Сетевая организация есть такое сообщество, такая система, в которой нет верха и низа, нет центра и периферии, нет главного и второстепенного, нет магистрального маршрута и маргинального маршрута, где одно пересекается с другим.

Манипуляция этими сетями, управление почти хаотической системой является высшей формой управления в современном обществе. Сети легко про-

низывают государственные структуры, преодолевают экономические и юридические преграды, начинают въедаться в нашу жизнь, в нашу практику, становятся для нас чем-то совершенно необходимым. Постепенно мы из обычных людей, из людей иерархических, со своим отношением к насилию, к праву, к возможному и невозможному, к морали и нравственности, превращаемся в сегменты глобальной сети¹⁰.

Самая серьезная проблема состоит в том, что сетевые технологии могут быть использованы как структурами иерархии против энтропии, так и наоборот.

Всемирная паутина насыщена всевозможной информацией и иллюзией ее доступности. Однако кодирование и декодирование информации — прерогатива узкой группы людей, органично включенных в реально существующий механизм управления мировыми процессами. И это уже не конспирология, а реальность, не всеми узнаваемая.

Разработка сетевых технологий и сети Интернет началась в США в середине 1970-х гг. по заданию Пентагона. С тех пор достигнут значительный прогресс. Война в Ираке, Афганистане, Сирии, всевозможные цветные революции на постсоветском пространстве — все это пример использования сети и сетевых технологий. Две войны на Кавказе — наглядная иллюстрация удачного применения сетевых возможностей против России. Развал нашей страны не снят с повестки дня мировой закулисы. Вопрос состоит в следующем: удастся ли нам противостоять этой угрозе?

Начать нужно с осмысления того, что власть и ее ресурсы модернизируются в современном обществе. Традиционные институты власти уже не могут эффективно противостоять информационно-электронным коммуникациям и сетевым структурам.

Россия сегодня слишком удобная мишень для энтропийных процессов и сетевых угроз в силу: отсутствия всем понятного и привлекательного национального

⁹ Гидденс Э., Саттон Ф. Указ. соч. С. 203.

¹⁰ Дугин А. Указ. соч. С. 160.

проекта; далекого от справедливости общественно-экономического строя (в нашей стране всегда будет запрос на социальную справедливость), чудовищной экономической поляризации; коррупции; отсутствия национально ориентированной элиты (она абсолютно прозападная); межнациональной и межконфессиональной напряженности; откровенной враждебности некоторых бывших «братских» республик. У нас существуют относительно сплоченные социальные группы (политические, религиозные, сексуальные, национальные), являющиеся, по сути, социальными сетями. Использование сетевых, машинных технологий потенциально представляет серьезную угрозу иерархии и ее структурам. Речь идет, прежде всего, о государстве.

Ущербный российский капитализм не позволяет (технологически), а структуры власти не в состоянии (ментально)

противостоять современным угрозам. Расчет власти на телевизионную башню в противостоянии энтропии наивен. Социальные сети, высокоскоростной Интернет, доступность средств видеосъемки и монтажа самым радикальным образом изменили СМИ. Есть все основания считать, что технологический Интернет со временем заменит собой телевидение. И тогда подлинными властителями будут те структуры, которые будут создавать механизмы производства мультимедийной реальности.

Исходя из этого, необходимо делать выводы и очень быстро отвечать на возникающие проблемы. В современном обществе не только ракеты и подводные лодки служат гарантией суверенитета и безопасности, но и использование тех же сетевых технологий против тех, кто жаждет дальнейшего ослабления России, а то и вовсе ее уничтожения.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского А. Качалова. Москва : Постум, 2015. 238 с.
2. Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдьё ; под редакцией П. Шампана, Р. Ленуара, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер ; перевод с французского Д. Кралечкина, И. Кушнарёвой ; предисловие А. Бикбова . Москва : Дело, 2016. 718 с.
3. Гидденс Э. Основные понятия в социологии / Э. Гидденс, Ф. Саттон ; перевод с английского Е. Рождественской, С. Гавриленко. Москва : Издат. дом Высшей шк. экономики, 2018. 333 с.
4. Дугин А. Русская война / А. Дугин. Москва : Алгоритм, 2015. 271 с.
5. Куланж де Ф. Древний город : религия, законы, институты Греции и Рима / Ф. де Куланж ; перевод с английского Л.А. Игоревского. Москва : Центрполиграф, 2010. 414 с.
6. Мальцев Г.В. Нравственные основания права : монография / Г.В. Мальцев. Москва : ФПА, 2016. 427 с.
7. Скиннер К. The state / Скиннер К // Понятие государства в четырех языках : сборник статей ; под редакцией О. Хархордина // Труды Факультета политических наук и социологии. Вып. 6. Санкт-Петербург : Летний сад, 2002. 218 с.
8. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт ; перевод с немецкого ; под редакцией А.Ф. Филиппова. Санкт-Петербург : Наука, 2016. 567 с.

References

1. Baudrillard J. Simulyakry' i simulyatsii ; perevod s frantsuzskogo A. Kachalova [Simulakra and Simulations translation from French by A. Kachalov] / J. Baudrillard. Moskva : Postum — Moscow : Postum, 2015. 238 s.
2. Bourdieu P. O gosudarstve : kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1989–1992) ; pod redaktsiey P. Shampanya, R. Lenuara, F. Pupo, M.-K. River ; perevod s frantsuzskogo D. Kralechkina, I. Kushnarevoy ; predislovie A. Bikbova [On the State : the course of lectures at the College de France (1989 to 1992) ; edited by P. Shampan, R. Lenuar, F. Pupo, M.-K. River ; translation from French by D. Kralechkin, I. Kushnareva ; foreword by A. Bikbov] / P. Bourdieu. Moskva : Delo — Moscow : Business, 2016. 718 s.
3. Giddens E. Osnovny'e ponyatiya v sotsiologii ; perevod s angliyskogo E. Rozhdestvenskoy, S. Gavrilenko [Essential Concepts in Sociology ; translation from English by E. Rozhdestvenskaya, S. Gavrilenko] / E. Giddens, F. Sutton. Moskva : Izdat. dom Vy'sshey shk. ekonomiki — Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 333 s.
4. Dugin A. Russkaya voyne [Russian War] / A. Dugin. Moskva : Algoritm — Moscow : Algorithms, 2015. 271 s.

5. Coulanges de F. Drevniy gorod : religiya, zakony, instituty' Gretsii i Rima ; perevod s angliyskogo L.A. Igorevskogo [The Ancient City. A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome ; translation from English by L.A. Igorevskiy] / F. de Coulanges. Moskva : Tsentrpoligraf — Moscow : Central Polygraph, 2010. 414 s.
6. Maltsev G.V. Nravstvenny'e osnovaniya prava : monografiya [Moral Foundations of Law : monograph] / G.V. Maltsev. Moskva : FPA — Moscow : FPA, 2016. 427 s.
7. Skinner K. The state / Skinner K. // Ponyatie gosudarstva v chety'rekh yazy'kakh : sbornik statey ; pod redaktsiyey O. Kharkhordina // Trudy' Fakulteta politicheskikh nauk i sotsiologii. Vy'p. 6 [The Notion of State in Four Languages : compilation of articles ; edited by O. Kharkhordin. Works of the Department of Political Science and Sociology. Is. 6]. Sankt-Peterburg : Letniy sad — Saint Petersburg : Summer Garden, 2002. 218 s.
8. Schmitt C. Ponyatie politicheskogo ; perevod s nemetskogo ; pod redaktsiyey A.F. Filippova [The Political Notion ; translation from German ; edited by A.F. Filippov] / C. Schmitt. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2016. 567 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-8-32-37

Влияние технологических революций на эволюцию концепта «машина власти»: XX — начало XXI в. *

*Липень Сергей Васильевич,
профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент
svlipen@msal.ru*

Популярная в современном гуманитарном знании идея четырех промышленных революций вполне может быть дана и в политико-правовой обработке. При этом прослеживаются закономерности между экономическими и социальными изменениями и эволюцией в обосновании политико-правовых институтов, оформляющих властеотношения в рамках концепта «машина власти». Каждая из промышленных революций создает технические возможности и предпосылки для все более разнообразных трактовок властеотношений. Следует иметь в виду и риски, опасности для общества и личности, возможные неблагоприятные последствия при создании более эффективных механизмов осуществления политической власти. В соответствии с обозначенными хронологическими рамками анализируются изменения в понимании государственности и властеотношений в связи со второй, третьей и четвертой технологическими революциями. Влияние первой технологической революции на эволюцию концепта «машина власти» рассмотрено автором в отдельной статье, которая опубликована в одном из предыдущих номеров журнала.

Ключевые слова: власть, государство, аппарат власти, машина власти, промышленные революции, технология власти.

The Influence of Technological Revolutions on the Evolution of the Ruling Machine Concept: The XX to the Early XXI Century

*Lipen Sergey V.
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law, Associate Professor*

The idea of four industrial revolutions, popular in modern humanitarian knowledge, may well be given in political and legal treatment. At the same time, there are patterns between economic and social chang-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16124.

es and evolution in the justification of political and legal institutions that formalize power relations within the concept of "machine of power". Each of the industrial revolutions creates the technical capabilities and prerequisites for an increasingly diverse interpretations of power relations. It is necessary to bear in mind the risks, dangers to society and the individual, possible adverse consequences in the creation of more effective mechanisms for the exercise of political power. In accordance with the indicated chronological framework, changes in the understanding of statehood and power relations in connection with the second, third and fourth technological revolutions are analyzed. The influence of the first technological revolution on the evolution of the concept "machine of power" is considered by the author in a separate article, which is published in one of the previous issues of the journal.

Keywords: power, state, apparatus of power, machine of power, industrial revolution, technology of power.

И отечественная, и зарубежная исследовательские традиции исходят из наличия безусловной связи, существующей между государственно-правовыми институтами и экономическими отношениями, как правило, признается обусловленность первых вторыми. В связи с этим стоит отметить популярность в современных юридических публикациях проблематики технологических, промышленных революций, цифровизации общественных отношений в их влиянии на эволюцию современной политико-правовой системы, на развитие системы права и законодательства.

Становление и развитие буржуазного строя, его государственно-правовых институтов связываются с появлением и совершенствованием капиталистического способа производства (этот процесс отражается в идее четырех промышленных революций — переход от ручного труда к машинному, внедрение электричества и конвейерного производства, далее — возрастание роли технологий, информатизация и компьютеризация производства, далее — цифровизация всех сфер общественной жизни, искусственный интеллект, принципиально новые технологические возможности).

Промышленные революции, кардинально меняя социальную жизнь, вызывают принципиальные инновации в политической сфере, что отражают соответствующие изменения в политической идеологии, в концептуальных подходах к осуществлению политической власти. Так, *первая промышленная революция* привела к значитель-

ным модификациям в обосновании «машин власти», представляемой государством, к утверждению либеральной государственности, основанной на народовластии и конституционализме, признании прав человека и в целом роли права, разделении властей. Рассматривая влияние первой промышленной революции на эволюцию концепта «машина власти» в XIX в., можно констатировать, с одной стороны, усложнение организационных и нормативных структур, увеличение мощи и возможностей власти. С другой стороны, как в либеральной, так и в социалистической мысли проявились разные варианты негативного отношения к властным институтам, идеи о минимизации управленческой деятельности государства, о необходимости ослабления его власти, о возможной ликвидации феномена буржуазной государственности.

Вторая промышленная революция, начавшаяся в конце XIX и продлившаяся до начала XX в., обусловила возникновение массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера¹. Вторая промышленная революция знаменует дальнейшее успешное развитие буржуазного строя, его социально-экономических отношений и политико-правовых идеалов.

Модификация классических либеральных идей XIX в. происходит именно в направлении исследования технологии осуществления политической

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 11.

власти в условиях демократии. Здесь наблюдается две тенденции. С одной стороны, доказывался по необходимости элитарный характер власти (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс и др.). Согласно «железному закону олигархических тенденций» Р. Михельса демократия с неизбежностью ведет к олигархии. Технология осуществления политической власти и в условиях демократии предполагает создание организаций, что обязательно приводит к выделению элитарного слоя, который управляет, его отрыву от масс и ограничению демократии.

Свойственная капитализму экономическая рационализация способствует и рационализации политической. Современное государство, по взглядам М. Вебера, вынуждено действовать со всевозрастающей эффективностью, постепенно формируется государственная и партийная бюрократия, которая подчиняется не столько монархам, или президентам, или партийным лидерам (т.е. конкретным лидерам), сколько рациональным правилам (организация по типу учреждения). Поэтому экономическая необходимость и тенденция к рационализации политики так или иначе приводят демократию к господству бюрократии и элитизму.

Противоположный концепт «машины власти» в рамках либеральной идеологии выработан сторонниками теории плюралистической демократии (А. Бентли, Г. Ласки, М. Ориу и др.), здесь рассматривается сложная конкуренция политических институтов демократии, причем государству среди них отводится далеко не всегда ведущее место.

Возрастание технических возможностей распространения информации, несущей определенные идеологические ценности и стереотипы, контроля за информационными потоками, появление принципиально новых возможностей производства техники привели к невиданной доселе экономической и военной мощи промышленно разви-

тых держав. Обратная сторона этого процесса — создание предпосылок тоталитарной государственности. Если в XVIII–XIX вв. можно было рассматривать феномен полицейского государства, то вторая промышленная революция предоставила возможность всеохватывающей машины власти — тоталитарного государства.

Феномен тоталитаризма, возникающий в XX в., предполагает максимально полный контроль государства, партийно-государственного аппарата над обществом и личностью.

Исследователи тоталитаризма характеризовали его как основанную на специфических идеологических установках гигантскую машину принуждения и террора: «...с одной стороны, внешнее принуждение тотального террора, который железом и кровью сбивает в одно стадо массы изолированных индивидов и одновременно поддерживает их в этом мире, который давно стал для них пустыней, и — с другой — самопринудительная сила [идеологии]... которая по отдельности готовит к террору каждого индивида в его одиночестве и разобщенности со всеми другими, — эти два вида принуждения соответствуют друг другу и нуждаются друг в друге, чтобы запустить управляемую террором людскую машину и поддерживать ее в постоянном движении»². Развенчание теории и практики тоталитарной государственности и сегодня является важной составляющей в обосновании современных гуманистических ценностей.

Третья промышленная революция началась в 1960-х гг. Обычно ее называют компьютерной или цифровой революцией, так как ее катализатором стало развитие полупроводников, использование в 1960-х гг. больших ЭВМ, в 1970-х и 1980-х гг. — персональ-

² Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер с англ.; послесл. Ю.Н. Давыдова; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носкова. М.: ЦентрКом, 1996. С. 615.

ных компьютеров и сети Интернет в 1990-х гг.³

Значительное усложнение общественных отношений и проблем, которые приходилось решать политической власти, увеличение потребности в специальных, профессиональных знаниях способствовало развитию технократических теорий. Четко обозначилась необходимость широкого использования научных данных для обеспечения обоснованности и эффективности управленческих решений в рамках институтов демократического общества. Со временем начали высказываться идеи о возрастании роли экспертов, специалистов в управлении обществом в эпоху научно-технической революции, о том, что технократам принадлежат не только знания, но и власть. Технократическое руководство обществом, правление экспертов видится, в зависимости от постановки вопроса, или дополнением, или альтернативой демократии.

Технократические идеи пользовались популярностью во многих концепциях, посвященных осмыслению нового состояния общества во второй половине XX в. и перспектив его развития. Так, у Дж. К. Гэлбрейта («Новое индустриальное общество», 1966 г.) в политической системе, основными компонентами которой являются корпорации и государство, власть принадлежит «техноструктуре», то есть управляющим, которые выступают и действуют в интересах всего общества.

С обоснованием идеи постиндустриального общества, возникающего в ходе третьей промышленной революции, выступил Д. Белл («Грядущее постиндустриальное общество», 1973 г.). Постиндустриальное общество — это новый принцип социально-технологической организации и новый образ жизни, вытесняющий индустриальную систему точно так же, как ей когда-то была вытеснена аграрная. По-

стиндустриальное общество основано в первую очередь на обработке данных, на знаниях и информации, здесь ученые все непосредственнее вовлекаются в политический процесс, будет создана новая «интеллектуальная технология» принятия решений. Теоретические знания занимают центральное место в обосновании текущей и будущей политики, социального реформирования. Изменения в обществе выдвигают новые требования к политической системе. «Поскольку постиндустриальное общество повышает важность технического компонента знаний, оно заставляет жрецов нового строя — ученых, инженеров, технократов — конкурировать с политиками или становиться их союзниками»⁴, — отмечает Д. Белл.

Кардинального пересмотра основ организации власти требует основатель Римского клуба Аурелио Печчеи, по его мнению, неуправляемое развитие человечества достигло переломного момента, устаревшие концепции и институты служат питательной средой для непрекращающегося соперничества между великими и малыми державами; в результате везде господствуют или нарастают политическая, социальная, расовая и даже религиозная нетерпимость, угнетение и раздоры. В мире никогда еще не царил такой беспорядок, и никогда прежде не было такого количества различных опасностей⁵. Поэтому необходим отказ от старых политических ценностей (национальный суверенитет⁶, демократия как способ принятия решений), необходимы новые политические теории и идеи. Подобные утверждения и полвека тому назад (время А. Печчеи), и сейчас воспринимаются как минимум

³ Шваб К. Указ. соч. С. 11.

⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. ; под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 17.

⁵ Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. ; общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани. 2-е изд. М. : Прогресс, 1985. С. 82–83, 210.

⁶ Там же. С. 254–259.

неоднозначно. В качестве одной из тенденций, отмечаемых в развитии государственного аппарата в последней трети XX в., указывают на значительное усиление исполнительной власти, что не может не быть следствием изменений в экономике, усложнения общественной жизни и соответствующего ему усложнения политической и управленческой деятельности.

Четвертая промышленная революция началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты — это «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины⁷.

Какие же изменения в политико-правовой сфере в ходе четвертой промышленной революции прогнозирует сам Клаус Шваб? Он исходит из необходимости адаптации существующих структур власти к новой ситуации, к тому, что деятельность государства, социальная коммуникация и личная информация оказываются представленными в цифровой форме. При этом отмечаются новые возможности в осуществлении государственного управления, состоящие в модернизации соответствующих структур и функций на основе интенсивного и инновационного использования веб-технологий. К. Шваб неоднократно подтверждает приверженность демократическим ценностям, отмечает необходимость сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества, возможности большей прозрачности государственной деятельности, констатирует диффузию правительственной власти, ее растворение в обществе: «...власть под воздействием этой промышленной революции зачастую переходит от государства к негосударственным субъектам, а также от организованных учреждений к сетям с более свободным устройством. Новые технологии

и социальные группировки и взаимодействия, которые ими обеспечиваются, позволяют практически кому угодно оказывать влияние на ситуацию и при этом такими способами, о которых невозможно было бы подумать еще несколько лет назад. ...Лицам, определяющим политический курс, становится все труднее реализовывать необходимые изменения. Их полномочия сдерживаются конкурирующими центрами власти, имеющими транснациональный, региональный, местный и даже личный характер. Структуры микро-власти в настоящее время способны оказывать сдерживающее воздействие на структуры макровласти, такие как государственные правительства»⁸. Речь идет о новых возможностях в реализации идеи политического плюрализма, в распространении альтернативных политических идеологий, роль государства видится минимальной — как центра по обслуживанию населения: «Параллельные структуры смогут транслировать идеологии, вербовать последователей и координировать действия, направленные против официальных правительственных систем или идущие вразрез с их позицией. Правительства в их нынешнем виде будут вынуждены меняться, поскольку их центральная роль в проведении политики будет все более уменьшаться в связи с ростом конкуренции, а также перераспределением и децентрализацией власти, которые стали возможны благодаря новым технологиям. Все чаще правительства будут рассматриваться как центры по обслуживанию населения, оцениваемые по их способности поставлять расширенную форму услуг наиболее эффективным и индивидуализированным способом»⁹.

Очень осторожно К. Шваб говорит о возможности противоположной тенденции — об усилении власти государства: «...технологии будут все более наделять граждан полномочия-

⁷ Шваб К. Указ. соч. С. 11.

⁸ Там же. С. 55, 57.

⁹ Там же. С. 56.

ми, давая им новый способ выражать свои мнения, координировать усилия и, возможно, находить пути для обхода государственного надзора. Я говорю „возможно“, потому что вполне может оказаться верным и противоположное, то есть усиление надзора и чрезмерная власть государственных органов благодаря новым технологиям наблюдения»¹⁰. Как представляется, с учетом изложенной истории опасения К. Шваба отнюдь не беспочвенны. Благодаря четвертой промышленной революции появились и широкие возможности по контролю за поведением людей, которые нельзя недооценивать

¹⁰ Там же.

с точки зрения возможных рисков для реализации гуманистических и демократических ценностей.

Таким образом, между экономическими и социальными изменениями и эволюцией в обосновании концепта «машина власти» существует необходимая взаимосвязь. Каждая из промышленных революций создает технические возможности и предпосылки для все более разнообразных трактовок властеотношений. Каждый более эффективный механизм осуществления политической власти следует подвергать анализу на предмет возможных рисков, опасностей для общества и личности.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт ; перевод с английского ; послесловие Ю.Н. Давыдова ; под редакцией М.С. Ковалевой, Д.М. Носкова. Москва : ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; перевод с английского ; под редакцией В.Л. Иноземцева. Москва : Academia, 1999. 956 с.
3. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи ; перевод с английского ; общая редакция и вступительная статья Д.М. Гвишиани. 2-е изд. Москва : Прогресс, 1985. 312 с.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. Москва : Эксмо, 2016. 138 с.

References

1. Arendt Kh. Istoki totalitarizma ; perevod s angliyskogo ; posleslovie Yu.N. Davy'dova ; pod redaktsiyey M.S. Kovalevoy, D.M. Noskova [The Origins of Totalitarianism ; translation from English ; afterword by Yu.N. Davy'dov ; edited by M.S. Kovaleva, D.M. Noskov] / Kh. Arendt. Moskva : TsentrKom — Moscow : CenterCom, 1996. 672 s.
2. Bell D. Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opy't sotsialnogo prognozirovaniya ; perevod s angliyskogo ; pod redaktsiyey V.L. Inozemtseva [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting ; translation from English ; edited by V.L. Inozemtsev] / D. Bell. Moskva : Academia — Moscow : Academia, 1999. 956 s.
3. Peccei A. Chelovecheskie kachestva ; perevod s angliyskogo ; obschaya redaktsiya i vstupitel'naya statya D.M. Gvishiani. 2-e izd. [The Human Quality ; translation from English ; general editorship and foreword by D.M. Gvishiani. The 2nd edition] / A. Peccei. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1985. 312 s.
4. Shvab K. Chetvertaya promy'shlennaya revolyutsiya [The Forth Industrial Revolution] / K. Shvab. Moskva : Eksmo — Moscow : Exmo, 2016. 138 s.

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

Политико-правовые следствия эволюционного утилитаризма

*Колосов Игорь Владимирович,
соискатель кафедры истории права и государства
Юридического института
Российского университета дружбы народов (РУДН)
i.v.kolosov@yandex.ru*

В рамках настоящей статьи рассматривается влияние теории эволюции на политико-правовые концепции утилитаризма. Проведен анализ эволюционного обоснования концепций утилитаризма. Выявлено влияние эволюционного утилитаризма на определенные направления политико-правовой мысли. Особое внимание уделено утилитаризму в политико-правовых взглядах Г. Спенсера как одного из основоположников эволюционизма и социал-дарвинизма.

Ключевые слова: утилитаризм, теория эволюции, эволюционизм, социальный дарвинизм, естественный отбор.

Political and Legal Consequences of Evolutionary Utilitarianism

*Kolosov Igor V.
Degree-Seeking Student of the Department of History of Law and State
of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)*

This article considers the influence of the theory of evolution on the political and legal theory of utilitarianism. The author realized an analysis of the evolutionary justification of the theory of utilitarianism. Also, the author has revealed the influence of evolutionary utilitarianism on some law schools. In addition, the author focuses on utilitarianism in the political and legal views of H. Spencer, as one of the founders of evolutionism and social Darwinism.

Keywords: utilitarianism, theory of evolution, evolutionism, social darwinism, natural selection.

«Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (далее — Происхождение видов) исходит из того, что биологические виды развиваются посредством естественного отбора. Только наиболее эффективные стратегии, наиболее успешное поведение будут преобладать. Результатом является продолжение существования биологического вида. Естественный отбор приводит к необходимости проведения анализа того, почему определенное поведение может быть полезным для выживания.

Утилитаризм И. Бентама исходит из максимизации счастья. Но, учитывая Происхождение видов, возможно, следовало бы определить счастье как промежуточную награду в рамках «выигрышной стратегии». При этом рациональный представитель своего биологического вида, движимый эволюцией,

будет стремиться обеспечить свое выживание и выживание своего вида путем продолжения рода. Таким образом, индивидuum получает и максимизирует полезность от своей жизнедеятельности, от улучшения жизненных условий и от продолжения рода, достигая счастья в качестве промежуточного результата. Теория естественного отбора приводит к выводу, что одной из долгосрочных целей является выживание вида с промежуточными последствиями для конкретных индивидуумов, общества и образа жизни.

На первый взгляд кажется, что счастье не может в любой конкретный момент является абсолютной оценкой успеха конкретного индивидуума с точки зрения теории естественного отбора. Вместе с тем зачастую состояние счастья эластично к изменениям обстоятельств. Для понимания процесса достижения счастья в таком случае имеет

значение качественное разделение удовольствий в утилитаризме Дж. Ст. Милля. При этом ощущение счастья (или удовольствия) может проявляться, когда жизнь индивидуума становится лучше. В то же время индивидуум может чувствовать себя несчастным, испытывать страдания в случае ухудшения его жизненных обстоятельств.

С эволюционной точки зрения это обоснованно. Если бы индивидуум как представитель своего вида был бы насыщен получаемыми им благами и происходящими событиями, был бы полностью удовлетворен своей жизнью, то на определенной стадии биологический вид или общество могли бы стать самодовольными и не развиваться далее, что не является эффективной стратегией.

Идеи И. Бентама были сосредоточены вокруг идеи глобальной полезности, максимизации счастья среди населения. Дарвиновский принцип естественного отбора на самом деле настаивает на том, что должны быть различия в представителях одного и того же вида. Естественный отбор зависит от вариаций, потому что если нет вариаций, то не может быть разделения между эффективными и неэффективными стратегиями.

В связи с этим отмечаем, что Г. Кахане¹ и Ф. Жаке² недавно представили эволюционное обоснование утилитаризма. Согласно ему удовольствие выступает в качестве позитивного подкрепления поведения, а страдание — в качестве отрицательного (существование обоих подкреплений подтверждает наличие вариаций), и, соответственно, утилитарный принцип о стремлении к максимизации первого и минимизации последнего, вероятно, имеет эволюционную предпосылку. Связано это с тем, что в процессе эволюции удоволь-

ствие и страдание выступили в качестве промежуточных результатов деятельности конкретных представителей биологических видов, которые «направляют» их действия в определенное русло, корректируя их поведение, в долгосрочной перспективе обеспечивая выживание биологического вида. Синтез концепции утилитаризма и теории естественного отбора в рамках одной научной теории привел к появлению эволюционного утилитаризма³.

Теория эволюции, в том числе во взаимосвязи с утилитаризмом, оказала определенное влияние и на развитие юриспруденции. Традиционная западная правовая идея о том, что человеческие законы «подчиняются» более высоким или естественным законам, стала более глубоко оспариваться, когда юристы и мыслители восприняли Происхождение видов.

Британский юрист, историк и антрополог Г. Мэн (Г. Мэйн) был одним из первых, кто применил эмпирическую методологию к предмету, в котором до этого времени доминировала метафизика. Фундаментальный труд Г. Мэна «Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям» отражал современный (на тот момент) интерес к теории эволюции, «предлагая что-то вроде эволюционной теории права»⁴. Г. Мэн представил в своей работе идею о том, что общества всех видов имеют тенденцию развиваться, проходя через определенные стадии развития права.

Во второй половине XIX в., особенно после публикации Происхождения видов, многие американские правоведы начали изменять свой подход, в некоторой степени отказываясь от теории естественного права. Складывались

¹ Kahane G. Evolutionary Debunking Arguments // *Kahane Noûs*. 2011. Vol. 45. Is. 1. P. 103–125; Kahane G. Evolution and impartiality // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2018. Vol. 21. Is. 5. P. 327–341.

² Jaquet F. Evolution and Utilitarianism // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2018. Vol. 21. Is. 5. P. 1151–1161.

³ См., напр.: Mulgan T. *Understanding Utilitarianism*. London ; New York : Routledge, 2014. P. 47; Weinstein D. *Utilitarianism and the New Liberalism*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 152–159.

⁴ Kelly J.M. *A Short History of Western Legal Theory*. Oxford : Oxford University Press, 1992. P. 327.

две юридических школы: аналитическая школа права и юридический историцизм.

Основная модель анализа аналитической школы права вытекает из юридического позитивизма Дж. Остина, который определил закон как команду суверена. Командное право не признает какую-либо норму, вытекающую из естественного права или обычного права, если она не стала предметом нормативного предписания суверена. При этом юридический позитивизм Дж. Остина так же, как и утилитаризм И. Бентама⁵, основывался на том, что право как таковое уже содержится в самом тексте законодательных актов, из чего следует, что юриспруденция должна уделять основное внимание правильному толкованию содержащихся в законодательных актах норм права. Основываясь на этом, представители аналитической школы права разработали подход к праву, который полностью игнорировал любые метафизические соображения и вместо этого анализировал правовые концепции эмпирически в соответствии с практическими последствиями. При этом при ориентировании на практические последствия представляется важным определение того, какое именно влияние оказывает правовое регулирование на благосостояние общества или на иные показатели, характеризующие уровень жизни населения, например на максимизацию совокупной полезности (согласно утилитаристскому представлению).

Юридический историцизм исходил из того, что закон является следствием эволюционного процесса. Поскольку позитивное право становилось все более сложным, представители юридического историцизма утверждали, что юристы должны взять на себя «особую роль» не только в отслеживании истории правовых доктрин, но и в определе-

нии правовых основ, лежащих в их основе. Хотя методология юридического историцизма значительно отличается от используемой методологии аналитической школы права, в своем юридическом анализе обе школы правовой мысли были объединены критикой теории естественного права⁶.

Позитивистская методология оказала влияние и на Г. Спенсера⁷, который в 1852 г., за семь лет до публикации Происхождения видов, написал статью «Гипотеза развития», излагавшую идею эволюции. В указанной работе фактически соединились эволюционизм и принцип невмешательства («laissez faire»).

Утилитарный анализ сложноорганизованных систем, таких как политические институты и правовое регулирование, проблематичен, в том числе в связи с необходимостью иметь значительное количество информации о предпочтениях конкретных индивидуумов в самых различных сферах. Представляется, что калькуляции утилитаристов настолько сложны, что они и сами, как правило, ограничиваются только общими рассуждениями о возможных позитивных последствиях создания разнообразных политико-правовых структур. В связи с этим принцип «laissez-faire» является достаточно привлекательным для утилитаризма и, соответственно, получил одобрение со стороны его представителей⁸.

В то же время, если не представляется возможным в условиях несовершенства информации наиболее эффективное, максимизирующее полезность, детальное правовое регулирование

⁵ Bowring J. The Works of Jeremy Bentham, Now First Collected. Edinburgh : William Tait, 78 Prince's Street ; Simpkin, Marshall, & Co. London ; John Cumming, Dublin, 1838. P. 151.

⁶ Alschuler A.W. Law Without Values: The Life, Work and Legacy of Justice Holmes. Chicago : University of Chicago Press, 2000. P. 86.

⁷ См., напр.: Павленко Ю.В. Герберт Спенсер как последний западноевропейский философ-энциклопедист // Спенсер Г. Синтетическая философия / пер. с англ. Киев : Ника-Центр, 1997. С. 5–11.

⁸ См., напр.: Harsanyi J.C. Morality and the Theory of Rational Behavior // Utilitarianism and Beyond / ed. by A. Sen & B. Williams. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. P. 39–62.

определенных сфер общественных отношений и точечное управление в рамках политических институтов, Г. Спенсер, восприняв принцип «laissez faire», приходит к необходимости урегулирования законом лишь наиболее общих и значимых вопросов, принимая во внимание, что неурегулированные общественные отношения со временем сложатся наиболее эффективным образом, поскольку неэффективные стратегии поведения в результате «естественного отбора» уйдут из социальной практики в результате развития общественных институтов. Так, в работе «Личность и государство» Г. Спенсер критикует действующие государственные органы за их чрезмерное вмешательство в общественные отношения посредством законотворчества.

Г. Спенсера, по всей видимости, привлекали биологические аналогии, но, применяя их в социальном анализе, он разделял представление о том, что сознание существует лишь в индивидуальных «частях» общества. Аналогичным образом утилитаризм исходит из того, что только непосредственно индивидуумы стремятся к максимизации своих удовольствий и минимизации страданий. По этой причине общественные отношения, не урегулированные законом, согласно разработанной теории будут самоорганизовываться. Индивидуумы, вступая в общественные отношения, стремясь к максимизации своей полезности, будут соответствующим образом определять свое поведение, выбирать максимально полезную для них стратегию (неэффективные стратегии использоваться не будут, то есть не пройдут «естественный отбор»). В то же время существующее законодательное регулирование будет эволюционировать только опосредованно — в результате эволюции общественных отношений, поскольку максимизируют полезность конкретные индивидуумы, в них вступающие, и только в том случае, если законодательство оперативно будет реагировать на изменение общественных

отношений. Таким образом, полагаем, что из работ Г. Спенсера следует строго утилитарная этическая теория, которая описывает моральный идеал как индивидуальную погоню за долгосрочными удовольствиями (при этом индивидуум должен был сотрудничать с другими индивидуумами через взаимовыгодные обмены) и которая предполагает определенную политико-правовую модель.

Исходным положением для анализа социальных институтов, государственно-правовых явлений у Г. Спенсера стало положение о том, что общество существует для блага всех членов, а не наоборот. Так, Г. Спенсер отмечает: «...политическая организация, постоянно распространяясь на все большие массы, прямо способствует благосостоянию, удаляя те препятствия для сотрудничества, которые возникают из антагонизма индивидов и племен»⁹. Таким образом, по Г. Спенсеру, процесс зарождения государства является следствием эволюции. Находится в условиях государства более полезно, данная стратегия поведения более эффективна с точки зрения естественного отбора. Один из законов эволюции вообще, отмечает Г. Спенсер, «заключается в том, что интеграция совершается тогда, когда на сходные единицы влияют одна и та же или сходные силы (Основные начала, § 169), и политическая интеграция от самого своего начала до конца может служить примером этого закона»¹⁰.

Подчеркивает политико-правовой утилитаризм Г. Спенсера его готовность отстаивать те или иные политические права в зависимости от его изменяющейся оценки того, насколько хорошо они защищают основные естественные права, такие как право на жизнь и личную свободу, от которых, по Г. Спенсеру, зависит счастье. Чем больше Г. Спенсер становился убежденным в том, что определенные политические права были контрпродуктивными, тем соот-

⁹ Спенсер Г. Указ. соч. С. 331.

¹⁰ Там же. С. 333.

ветственно с большей готовностью он отказывался от них и тем менее демократическими его взгляды, если не явно либертарианскими, становятся.

Происходит изменение отношения Г. Спенсера к национализации земель на негативное в сочетании с растущими сомнениями в том, что она вытекает из принципа равной свободы¹¹. Также происходит изменение его взглядов в части необходимости отказа от политического права на всеобщее избирательное право и права «игнорировать государство». Все это выдает в его взглядах традиционный эмпирический утилитаризм. Так, представляется, что Г. Спенсер отказался, в частности, от идей о необходимости национализации земель, поскольку убедился в том, что это эмпирически контрпродуктивная стратегия максимизации полезности ввиду того, что эффективное использование земельных участков возможно индивидуумами только при наличии у них в этом частного интереса. Как отмечал К.Е. Сигалов, «наличие частного интереса, сферы отношений, когда человек вынужден сам обеспечивать свое собственное материальное существование, позиционировать свои отношения с другими индивидами, обществом в целом, государством и его институтами, заставляет всех участников этих отношений устанавливать границы этих отношений, их статус, права, обязанности и ответственность по отношению друг к другу»¹². Это приводит к необходимости установления соответствующего правового регулирования, которое для максимизации полезности должно отражать существующий уровень общественных отношений.

¹¹ Steiner H. Land, Liberty and the Early Herbert Spencer // *History of Political Thought*. 1983. No. 3. P. 515–533.

¹² Сигалов К.Е. Частный интерес и правовые притязания субъекта права как двигатель прогресса // *Интересы в праве. Жидковские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (г. Москва, 25–26 марта 2016 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. М.В. Немытина. М. : РУДН, 2017. С. 202.*

В течение последних десятилетий XIX и начала XX в. социал-дарвинизм приобретает все большую популярность. Так, О. Холмс полагал, что если дарвиновская теория эволюции верна, то неверно опираться при исследовании права на трансцендентный моральный порядок, поскольку законы являются просто «кодификацией» политики, которая является социально и (или) экономически удобной, то есть фактически полезной.

Влияние социал-дарвинизма приводит О. Холмса к правовому реализму, согласно которому закон понимается как инструмент для выявления и манипулирования существующими социальными факторами, для обеспечения прогресса и процветания общества. Для О. Холмса закон был не продуктом логики или каких-либо метафизических допущений, а процессом, который отражает адаптацию общества к изменяющимся условиям. По О. Холмсу, закон фактически должен отражать общественные изменения, которые происходят в результате деятельности людей, движимых необходимостью максимизации ими собственной полезности. Правовые нормы, выраженные в положениях законодательных актов, в силу длительности законодательного процесса не отражают общественных изменений, закон неизбежно превращается в нечто «застывшее», отстающее от жизни. Право же должно быть подвержено постоянным изменениям в целях его соответствия реальным общественным отношениям, что возможно, по О. Холмсу, только в том случае, если правотворчеством будет заниматься судебная ветвь власти. В то же время индивидуумы или группа индивидуумов, социальные классы, наиболее «сильные», имеющие наибольшее политическое влияние, в большей мере де-факто могут влиять на изменение правовых норм, что является следствием эволюции.

О. Холмс отмечает: «...законодательство должно легко и быстро из-

менить себя в соответствии с волей де-факто верховной власти в обществе... Более сильные интересы должны быть более или менее отражены в законодательстве, которое, как и любое другое устройство человека или животного, должно стремиться в долгосрочной перспективе, чтобы помочь выживанию наиболее приспособленных»¹³.

Таким образом, на основании вышеизложенного отмечаем, что эволюционный утилитаризм, последовав за утилитаризмом И. Бентама и Дж. Ст. Милля, наделил утилитарное течение эволюционным обоснованием и корреспондирующей этому моделью развития права и государства, «надеясь» сохранить утилитаризм этически привлекательным, не отказываясь от его системной согласованности. Хотя принцип полезности в эволюционном утилитаризме отстает на за-

дний план в качестве стандарта общей нормативной оценки, вместе с тем, например в эволюционном утилитаризме Г. Спенсера, естественные права служат повседневными источниками прямых моральных обязательств, что делает его политико-правовую концепцию утилитарной.

В противовес эволюционному утилитаризму Г. Спенсера американские школы права под влиянием Происхождения видов однозначным образом отказались от естественно-правовых теорий, разрабатывая теоретическую модель развития права и государства, согласно которой правовые нормы должны отражать реально существующие общественные отношения (что приводит к необходимости постоянного изменения правовых норм), поскольку последние формируются в результате действий индивидуумов, максимизирующих собственную полезность и движимых эволюцией.

¹³ Holmes O.W. The Gas-Stoker's Strike // American Law Review. 1873. Vol. 582. P. 583–584.

Литература

1. Сигалов К.Е. Частный интерес и правовые притязания субъекта права как двигатель прогресса / К.Е. Сигалов // Интересы в праве. Жидковские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (г. Москва, 25–26 марта 2016 г.) : сборник научных статей ; ответственный редактор М.В. Немытина. Москва : РУДН, 2017. С. 199–206.
2. Спенсер Г. Синтетическая философия Герберта Спенсера: в сокращенном изложении Говарда Коллинза / Г. Спенсер ; перевод с английского П.В. Мокиевского. Киев : Ника-Центр, 1997. 512 с.
3. Alschuler A.W. Law Without Values: The Life, Work and Legacy of Justice Holmes / A.W. Alschuler. Chicago : University of Chicago Press, 2000. 336 p.
4. Bowring J. The Works of Jeremy Bentham, Now First Collected / J. Bowring. Edinburgh : William Tait, 78 Prince's Street ; Simpkin, Marshall, & Co. London ; John Cumming, Dublin, 1838. 288 p.
5. Harsanyi J.C. Morality and the Theory of Rational Behavior / J.C. Harsanyi // Utilitarianism and Beyond / ed. by A. Sen & B. Williams. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. P. 39–62.
6. Holmes O.W. The Gas-Stoker's Strike / O.W. Holmes // American Law Review. 1873. Vol. 582. P. 583–584.
7. Jaquet F. Evolution and Utilitarianism / F. Jaquet // Ethical Theory and Moral Practice. 2018. Vol. 21. Is. 5. P. 1151–1161.
8. Kahane G. Evolution and impartiality / G. Kahane // Ethics. 2014. Vol. 124. Is. 2. P. 327–341.
9. Kahane G. Evolutionary Debunking Arguments / G. Kahane // Kahane Noûs. 2011. Vol. 45. Is. 1. P. 103–125.
10. Kelly J.M. A Short History of Western Legal Theory / J.M. Kelly. Oxford : Oxford University Press, 1992. 488 p.
11. Mill J.S. Utilitarianism, On Liberty and Considerations on Representative Government / J.S. Mill ; ed. by H.B. Action. London, 1972. 481 p.
12. Mulgan T. Understanding Utilitarianism / T. Mulgan. London ; New York : Routledge, 2014. 200 p.
13. Steiner H. Land, Liberty and the Early Herbert Spencer / H. Steiner // History of Political Thought. 1983. No. 3. P. 515–533.
14. Weinstein D. Utilitarianism and the New Liberalism / D. Weinstein. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 242 p.

References

1. Sigalov K.E. Chastny'y interes i pravovy'e prityazaniya subekta kak Dvigatel progressa [Private Interest and Legal Claims of a Subject as a Stimulus to Progress] / K.E. Sigalov // *Interesy' v prave. Zhidkovskie chteniya : materialy' Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (g. Moskva, 25–26 marta 2016 g.) : sbornik nauchny'kh statey ; otvetstvenny'y redactor M.V. Nemy'tina [Interests in Law. Readings from Zhidkovskiy : materials of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, March 25–26, 2016) : compilation of scientific articles ; publishing editor M.B. Nemy'tina]. Moskva : RUDN — Moscow : Peoples' Friendship University of Russia, 2017. S. 199–206.
2. Spenser G. Sinteticheskaya filisofiya Gerberta Spensera: v sokraschenom izlozhenii Govarda Kollinza ; perevod s angliyskogo yazy'ka P.V. Mokievskogo [Synthetic Philosophy by Herbert Spencer: Abridgement by Howard Collins translation from English by P.V. Mokievskiy] / G. Spenser. Kiev : Nika-Tsentr — Kiev : Nika-Center, 1997. 512 s.
3. Alschuler A.W. Law Without Values: The Life, Work and Legacy of Justice Holmes / A.W. Alschuler. Chicago : University of Chicago Press, 2000. 336 s.
4. Bowring J. The Works of Jeremy Bentham, Now First Collected / J. Bowring. Edinburgh : William Tait, 78 Prince's Street ; Simpkin, Marshall, & Co. London ; John Cumming, Dublin, 1838. 288 s.
5. Harsany J.C. Morality and the Theory of Rational Behavior / J.C. Harsany // *Utilitarianism and Beyond* / ed. by A. Sen & B. Williams. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. S. 39–62.
6. Holmes O.W. The Gas-Stoker's Strike / O.W. Holmes // *American Law Review*. 1873. Vol. 582. S. 583–584.
7. Jaquet F. Evolution and Utilitarianism / F. Jaquet // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2018. Vol. 21. 01s. 5. S. 1151–1161.
8. Kahane G. Evolution and impartiality / G. Kahane // *Ethics*. 2014. Vol. 124. Is. 2. S. 327–341.
9. Kahane G. Evolutionary Debunking Arguments / G. Kahane // *Kahane Noûs*. 2011. Vol. 45. Is. 1. S. 103–125.
10. Kelly J.M. A Short History of Western Legal Theory / J.M. Kelly. Oxford : Oxford University Press, 1992. 488 s.
11. Mill J.S. Utilitarianism, On Liberty and Considerations on Representative Government / J.S. Mill ; ed. by H.B. Action. London, 1972. 481 s.
12. Mulgan T. Understanding Utilitarianism / T. Mulgan. London ; New York : Routledge, 2014. 200 s.
13. Steiner H. Land, Liberty and the Early Herbert Spencer / H. Steiner // *History of Political Thought*. 1983. No. 3. S. 515–533.
14. Weinstein D. Utilitarianism and the New Liberalism / D. Weinstein. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 242 s.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-8-45-50

Принцип разделения властей в трудах М.М. Сперанского

*Краснов Эдуард Владимирович,
ассистент кафедры теории и истории
государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
adickkrasnov@yandex.ru*

Данная статья посвящена выдающемуся российскому государственному деятелю Михаилу Михайловичу Сперанскому и его правовым взглядам. В работе акцент ставится на рассмотрении принципа разделения властей в трудах Сперанского. Безусловно, являясь краеугольным основанием правового государства, принцип разделения властей имеет большую практическую значимость для современного Российского государства. Михаил Сперанский, являясь одним из основоположников выделения данного принципа в отечественной науке, оставил глубокий след в науке. Рассматривая классическую трехзвенную структуру деления принципов, ученый и государственный деятель Сперанский детально проработал механизм взаимодействия одних органов государственной власти с другими. К сожалению, большая часть его прогрессивных идей не нашла отклика в кругах государственной власти, однако они не потеряли своей актуальности и ценности и по сей день. Ценность идей Сперанского заключалась и в стремлении ученого создать действительно эффективную модель правового государства.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, принципы правового государства, принцип разделения властей, система сдержек и противовесов.

The Principle of Separation of Powers in the Works by M.M. Speranskiy

*Krasnov Eduard V.
Teaching Assistant of the Department of Theory and History of State
and Law of the Kazan (Volga Region) Federal University*

This article is devoted to the outstanding Russian statesman Mikhail Mikhaylovich Speransky and his legal views. In work the accent is put on consideration of the principle of division of the authorities in Speransky's works. Certainly, being corner foundation of the constitutional state, the principle of division of the authorities has the big practical importance for the modern Russian state. Mikhail Speransky, being one of founders of allocation of this principle in domestic science, scarred science. Considering classical three-unit structure of division of the principles, the scientist and statesman Speransky in details worked the mechanism of interaction of some public authorities with others. Unfortunately, the most part of his progressive ideas did not find a response in government circles, however, they did not lose the relevance and value to this day. The value of the ideas of Speransky consisted also in the aspiration of the scientist to create really effective model of the legal state.

Keywords: legal state, civil society, principles of the legal state, principle of division of the authorities, system of controls and counterbalances.

История становления и развития отечественного государства и права знала многих поистине выдающихся имен, благодаря равнодушию и трудам которых Россия сегодня поистине может гордиться и является одним из самых развитых и передовых государств мира. В частности, речь идет о таких великих умах своего времени, как Н.М. Карамзин, Г.Р. Державин, М.М. Сперанский, П.Д. Киселев, С.А. Муромцев и другие. При этом имя Михаила Михайловича Сперанского, как одной из ярчайших и талантливых фигур в отечественной

теории государства и права, конституционализме, философии права конца XVIII — начала XIX в., по достоинству занимает место основоположника отечественной юриспруденции.

Сперанского можно действительно считать человеком, который полностью сделал себя сам. С раннего детства его отличала глубокая эрудиция, страстная любовь к чтению и размышлениям, самостоятельность и твердость характера, высокие способности администратора. Периоды нахождения на службе в канцелярии генерал-прокурора, зна-

комство с Брюкнером и работами энциклопедистов вдохновили Сперанского и заложили основу в его политическом мировоззрении о либеральных идеях и послужили детерминантом при дальнейших реформаторских процессах, происходивших в начале XIX в. Он по праву пользовался большим доверием как у императора Александра I, так и у европейских политических лидеров. Так, в 1808 г., когда Сперанский входил в состав делегации на встрече с Наполеоном, последний отметил и назвал его «единственной светлой головой в России» и даже интересовался у Александра I: «Не угодно ли Вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство?», а король Пруссии пожаловал Сперанскому орден Красного ораля первой степени¹.

В круг научных интересов Сперанского входили духовно-философские, политико-правовые темы, среди которых юриспруденция занимала отдельное существенное место его научного достояния. В частности, в перечень работ и записок Сперанского входили без малого тысячи различных рукописей по проблемам и перспективам в области права, среди которых: «О коренных законах государства», «Еще нечто о свободе и рабстве» «Обозрение исторических сведений о своде законов», «Руководство к познанию законов», «О системе законов вообще», «О праве вообще», «О праве личном», «О законах гражданских», «О системе законов собственности», «О собственности», «Проект уголовного уложения Российской империи 1813 года» и, конечно, «Свод законов Российской империи».

Указанные труды по своему содержанию носили сугубо либерально-демократический, прагматико-ориентированный характер и были направлены в первую очередь: на введение элементов право-

вого государства, конституционализма и парламентаризма, развитие институтов гражданского общества, охрану неприкосновенности человека и его имущества, справедливое правосудие. При этом особое значение для создания эффективного, правового государства и развития всей системы государственных органов Сперанский, перенимая опыт западноевропейских стран, видит во введении системы разделения властей и отмечает: «Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет составлять закон и исполнять его». Стоит подчеркнуть, что внимание, которое Сперанский уделял западноевропейским ученым, было неслучайным. Концепция правового государства получила свое развитие в немецкой юридической науке, которая либо сводилась к формуле «упорядоченной законом бюрократии», такую формулировку можно проследить в работах К.Т. Велькера и Р.Г.Ф. Гнейста, либо к субординации исполнительной и законодательной властей, когда в рамках конституционной монархии первая подчиняется второй.

Согласно «Плану государственного преобразования России», разработанному Сперанским всего за девять месяцев², цель модернизации государственного устройства заключалась в том, «чтобы основываясь на буржуазных идеях и принципах, облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе ту же силу и то же пространство самодержавия», сохраняя верховную власть монарха. По замыслу Сперанского, в государстве должно функционировать три ветви власти, одна из которых «действует в образовании закона, другая — в исполнении, третья — в части судной». Законодательная власть должна осуществляться Государственной думой; власть управления поручается министрам и правительству, а судебная — Сенату и судебной системе. Однако в сво-

¹ Дружеские письма графа М.М. Сперанского П.Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К.П. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М.М. Сперанского. СПб., 1962. С. 4–113.

² Кассихина В.Е. М.М. Сперанский, его роль в развитии и становлении Российского государства и права // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2. С. 4–13.

их трудах Сперанский также выделял и четвертую ветвь власти, которая заключена в особе императора. Он называет эту власть державной и предусматривает для нее всеохватывающий диапазон действия: «...в порядке законодательном никакой закон не может иметь силы, если не будет утвержден державной властью. В порядке исполнительном все уставы и учреждения воспринимают силу и действие от утверждения державной власти. В порядке судном охранение правосудия и утверждение судей, избранием предназначенных, принадлежат державной власти. Державная власть на всем пространстве заключается в особе императора».

Кроме того, каждая из трех властей должна была представлять собой конкретную, прозрачную структуру на всех уровнях власти: от волостной до высших органов власти. Так, предполагалось что на уровне волости должна была один раз в три года созываться волостная дума, избираемая всеми собственниками недвижимого имущества, государственных крестьян, вне зависимости от сословной принадлежности, в полномочия которой входили: избрание представителей (депутатов) в окружную думу, избрание председателя думы, утверждение бюджета и иные административно-управленческие вопросы в пределах волости.

Далее по градации предполагался представительный орган округа — окружная дума, в полномочия которой также входило избрание своего председателя, главного секретаря, решение вопросов на уровне округа (города) и избрание депутатов в губернскую думу, которая, согласно Сперанскому, избирает своего председателя, губернский совет и суд, а также является выборщиком депутатов в высший представительный орган государства — Государственную думу. Государственная дума, наравне Сенату, выделялась как один из самых высших государственных органов империи, ключевая роль в работе которого должна была находиться в руках императора. Именно с апробации и указа императора назначался Председатель Государственной думы,

императору было подвластно право роспуска и назначения новых выборов в Думу, и только император обладал императивным правом законодательной инициативы. При этом закон приобретал свою силу только после обсуждения и утверждения депутатским корпусом «законодательного учреждения». Именно так Михаил Михайлович Сперанский называл Государственную Думу.

Говоря о месте и роли монарха, а также исполнительной власти, их власть, согласно «Плану» и североамериканской и западноевропейской практике (пусть и не совсем положительной, в связи с их революционной направленностью), должна была быть ограничена Конституцией и тем самым, по замыслу реформатора, смягчить революционные настроения, придав форму конституционной монархии.

По причине конституционной ограниченности императорской власти действовать прямо, в соответствии с принципом разделения властей, Сперанский помимо триады государственных властей (Государственная Дума, Кабинет министров, Сенат)³ выделяет также еще один высший орган, члены которого назначались лично монархом и который должен был консолидировать все ветви власти — Государственный совет, председателем которого должен был быть лично император.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, вполне справедливо напрашивается определенная, основанная на историко-правовом анализе аналогия с современным российским государственным устройством, когда над тремя независимыми ветвями власти стоит сильная независимая власть в лице президента страны, который является гарантом прав и свобод человека и гражданина, а также в установленном Конституцией РФ порядке принимает меры по охране суверенитета России, ее независимости и государственной це-

³ Государственная Уставная грамота Российской империи // Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование : в 4 т. 2-е изд. СПб. : А.С. Суворин, 1905. Т. 4. С. 499–526.

лостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти и имеет решающее значение для многих аспектов развития Российского государства и общества. Можно также проследить данное развитие в том, что Сперанский вывел и принцип назначения работников судебной системы. Правда, еще более актуальной и важной представлялась бы возможность выделения автором механизма взаимодействия между каждой ветвью власти, а не только влиянием на них государя. Современная юридическая наука к такому взаимодействию относит взаимное участие в кадровом наполнении органов власти, когда различные ветви власти формируют субъектный состав участников друг друга.

Также необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что в современном понимании принцип разделения властей следует дополнить системой сдержек и противовесов, который подразумевает особую систему взаимоконтроля одних органов другими⁴. Представляется, что лишь в данном случае будет уместно вести речь о возможности практического воплощения данного принципа, ведь без надлежащей системы контроля одной ветви власти над другой невозможно добиться эффективной работы государственных органов. Кроме того, без создания системы взаимного контроля высока вероятность того, что одна из ветвей власти будет злоупотреблять правом, нарушая при этом основополагающиеся фундаментальные принципы, такие как справедливость и законность. Для решения данного вопроса просто необходимо установить возможность конституционного надзора. В Российской Федерации роль данного органа исполняет Конституционный Суд РФ. В то же время между различными ветвями органов государственной власти должна присутствовать определенная правовая связь,

⁴ Гильмуллин А.Р. О влиянии правовой доктрины на принципы организации и деятельности механизма Российского государства // Мир юридической науки. 2017. № 3. С. 18–53.

прежде всего заключающаяся в создании и воплощении системы взаимодействия между ними. Как уже отмечалось ранее, в качестве взаимного связующего звена может выступать возможность взаимного участия в кадровом наполнении органов власти. Осуществляя различные функции, тем не менее органы государственной власти преследуют одну общую цель — добиться реального функционирования в государстве правовых норм, благодаря которым будет возможно выстроить рациональную модель взаимодействия общества и государства. Правовые нормы будут реально действовать только в том случае, если нормативно-правовые акты систематизированы и выстроены в определенную иерархию. Более того, некоторые зарубежные ученые убеждены в том, что «законодательство — основной источник права». В свое время этой цели блестяще добился Сперанский. Однако следует отметить, что приведенный выше тезис не должен означать неперемное верховенство законодательной ветви власти. Напротив, в государстве должно присутствовать юридическое ограничение пределов властных полномочий всех ветвей власти, включая и законодательную. При таком подходе крайне важно добиться возможности принятия Основного закона государства специально уполномоченным или созданным для этих целей органом. К примеру, в Российской Федерации в качестве данного органа выступает Конституционное Собрание, которое может изменить ключевые главы Конституции РФ (1, 2, 9) самостоятельно. Правда, такая возможность открывает целый ряд дополнительных вопросов, таких как количественный состав данного органа, источник его формирования и юридическая ответственность данного органа за принятые им решения

Стоит также подчеркнуть, что в условиях современности принцип разделения властей должен выражать как формальную, так и практическую сущность принципов правового государства.

В связи с этим неудивительным является то обстоятельство, что различные современные ученые приводят различные трактовки вышеупомянутого принципа. Так, В.В. Лазарев понимает разделение властей как необходимый атрибут правового государства, который представляет собой способ его организации и функционирования⁵. В свою очередь М.Н. Марченко под принципом разделения властей понимает возможность существования относительно независимых друг от друга властей в целях обеспечения процесса нормального функционирования государства⁶. По мнению Ф.М. Раянова, «разделение же власти — это понятие, которое характеризует порядок функционирования государственной власти»⁷. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ученый выделяет термин «власть» в единственном числе, мотивируя свой выбор тем, что государственной власти присуще единство и целостность. Тем не менее можно с уверенностью сделать

вывод о том, что труды М.М. Сперанского оказали плодотворное влияние и на возможность практического воплощения данного принципа.

Умозаключая, можно с полной уверенностью отметить, что вся государственно-политическая линия великого реформатора М.М. Сперанского, как основанное на принципе разделения властей государственно-правовое устройство империи, так и систематизация российского законодательства, являются неотвратимым желанием построить в России эффективное, основанное (пусть хоть и в зачатках) на частноправовых принципах правовое государство и гражданское общество: «Через извлечение наших законов из прежнего хаоса и большую доступность их перевоспитать умы, ввести народ в юридическую среду, расширить его понятия о праве и законности и, таким образом, усилить его восприимчивость к высшему кругу идей и к большему участию в мерах, для него самого предпринимаемых». Также необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что «уже реформы М.М. Сперанского в той или иной степени соответствовали политике „социального государства“, пусть даже данный термин тогда еще не был введен в научный оборот».

⁵ Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М. : Юристъ, 1996. С. 378.

⁶ Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник. Ч. 1 : Теория государства. М. : Зерцало-М, 2011. С. 451–452.

⁷ Раянов Ф.М. Теория правового государства : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 124.

Литература

1. Гильмуллин А.Р. О влиянии правовой доктрины на принципы организации и деятельности механизма Российского государства / А.Р. Гильмуллин // Мир юридической науки. 2017. № 3. С. 18–53.
2. Государственная Уставная грамота Российской империи // Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 томах. 2-е изд. Санкт-Петербург : А.С. Суворин, 1905. Т. 4. С. 499–526.
3. Кассихина В.Е. М.М. Сперанский, его роль в развитии и становлении Российского государства и права / В.Е. Кассихина // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2. С. 4–13.
4. Лазарев В.В. Общая теория права и государства / В.В. Лазарев. Москва : Юристъ, 1996. 472 с.
5. Раянов Ф.М. Теория правового государства : монография / Ф.М. Раянов. Москва : Юрлитинформ, 2014. 272 с.
6. Теория государства и права : учебник / под редакцией М.Н. Марченко. Ч. 1. Теория государства. Москва : Зерцало-М, 2011. 516 с.

References

1. Gilmullin A.R. O vliyaniy pravovoy doktriny' na printsipy' organizatsii i deyatelnosti mekhanizma Rossiyskogo gosudarstva [On the Impact of the Legal Doctrine on Principles of Arrangement and Operation of the Russian State Mechanism] / A.R. Gilmullin // Mir yuridicheskoy nauki — The World of the Science of Law. 2017. № 3. S. 18–53.
2. Gosudarstvennaya Ustavnaya gramota Rossiyskoy imperii [The State Charter of the Russian Empire] // Shilder N.K. Imperator Aleksandr Pervyy. Ego zhizn i tsarstvovanie. V 4 tomakh. 2-e izd. [Emperor

- Alexander the First. His Life and Emperorship. In 4 volumes. The 2nd edition]. Sankt-Peterburg : A.S. Suvorin — Saint Petersburg : A.S. Suvorin, 1905. Vol. 4. S. 499–526.
3. Kassikhina V.E. M.M. Speranskiy, ego rol v razvitii i stanovlenii Rossiyskogo gosudarstva i prava [M.M. Speranskiy, His Role in the Development and Establishment of the Russian State and Law] / V.E. Kassikhina // Gosudarstvo i pravo v XX veke — State and Law in the XX Century. 2017. № 2. S. 4–13.
 4. Lazarev V.V. Obschaya teoriya prava i gosudarstva [The General Theory of Law and State] / V.V. Lazarev. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 1996. 472 s.
 5. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva : monografiya [Theory of the Rule of Law : monograph] / F.M. Rayanov. Moskva : Yurлитinform — Moscow : Yurлитinform, 2014. 272 s.
 6. Teoriya gosudarstva i prava : uchebник ; pod redaktsiey M.N. Marchenko. Ch. 1. Teoriya gosudarstva [The Theory of State and Law : textbook ; edited by M.N. Marchenko. Part 1. The Theory of State]. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2011. 516 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-8-50-55

В.М. Чернов об институционально-правовых аспектах развития революционного процесса в России

*Коновалова Ольга Викторовна,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Сибирского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор исторических наук, доцент
olgav--k@yandex.ru*

В статье рассматриваются институционально-правовые аспекты модели развития революционного процесса в России идеолога и теоретика партии социалистов-революционеров, министра земледелия во втором и третьем составах Временного правительства, председателя Учредительного собрания России Виктора Михайловича Чернова. В становлении и развитии концептуальных положений эсера выделяются два основных этапа: до революции 1917 г. и в годы последней эмиграции. На первом этапе идеолог эсеров особое внимание уделял методологическим основам развития революционного процесса. На втором — в том числе обратил внимание на институционально-правовые аспекты развития революционных событий: отречение Николая II и передача власти Временному правительству; отношения Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Временного правительства; реформы органов местного самоуправления; вопрос о созыве Учредительного собрания. Наряду с этими аспектами рассматривается сравнительная характеристика Черновым Великой французской и Великой русской революций.

***Ключевые слова:** партия социалистов революционеров, В.М. Чернов, Временное правительство, Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Учредительное собрание, Великая французская буржуазная революция, Великая русская революция.*

V.M. Chernov on Institutional and Legal Aspects of the Revolutionary Process Development in Russia

*Konovалova Olga V.
Professor of the Department of the Humanities and Socioeconomic Disciplines
of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Doctor of History, Associate Professor*

The article deals with the institutional and legal aspects of the model of development of the revolutionary process in Russia ideologist and theorist of the party of socialist revolutionaries, Minister of agriculture in the second and third parts of the Provisional government, Chairman of the Constituent Assembly of Russia Viktor Chernov. In the formation and development of the conceptual provisions of the SR, there are two main stages: before the revolution of 1917 and during the last emigration. At the first stage, the ideologist

of the SRS paid special attention to the methodological foundations of the development of the revolutionary process. At the second — including, drew attention to the institutional and legal aspects of the development of revolutionary events: the abdication of Nicholas II and the transfer of power to the Provisional government; the attitude of the Executive Committee of the Petrograd Soviet of workers' and soldiers' deputies and the Provisional government, the reform of local government, the question of convening the Constituent Assembly. Along with these aspects the comparative characteristic of Chernov of the great French and great Russian revolution is considered.

Keywords: party of socialists revolutionaries, V.M. Chernov, Provisional government, Executive Committee of the Petrograd Soviet of workers' and soldiers' deputies, the Constituent Assembly, the Great French bourgeois revolution, the Great Russian revolution.

Творческое наследие Чернова, посвященное осмыслению революции, весьма многопланово¹. В нем лидер эсеров выступал не столько как известный политический деятель, сколько как исследователь-ученый. Разрабатывая идеологию неонародничества в конце XIX — начале XX в. на основе синтеза идей русской субъэктивной школы социологии, марксизма с новейшими достижениями западноевропейской мысли, Чернов представил методологическую основу для изучения революционного процесса в России. Основными наработками в дореволюционный период можно считать его теорию о типах капиталистического развития, «положительных» и «отрицательных» сторонах капитализма, положение об особом «паразитическом» типе капитализма, свойственном для России и обусловленным естественноисторическими условиями развития страны, поздним вступлением ее на путь капитализма, аграрной спецификой хозяйства².

С осени 1920 г. для Чернова начались долгие годы эмиграции, на протяжении которых он неоднократно возвращался к проблематике револю-

ции. В периодическом журнале эсеров «Революционная Россия» вышли его первые аналитические статьи, посвященные опыту создания коалиции либералов и социалистов во Временном правительстве и Уфимской директории³. Это работы стали основой для создания фундаментального труда о русской революции. В 1934 г. Чернову удалось опубликовать на русском языке книгу «Рождение революционной России (Февральская революция)» (Париж; Прага; Нью-Йорк: Юбилейный комитет по изданию трудов В.М. Чернова, 1934, 445 с.). В 1936 г. увидела свет его работа на английском языке «The Great Russian Revolution» (New Haven, 1936, 446 с.), которая была переведена на русский язык в 2007 г. и опубликована как «Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920» / пер. с англ. Е.А. Каца (М., 2007, 429 с.).

В представленных работах лидера эсеров проявляется особый интерес к институционально-правовым аспектам развития революционного процесса. Рассматривая юридическую сторону решения вопроса об отречении императора и передачи власти Временному правительству, эсер отмечал, что «с точки зрения закона революции действительно не было». «Царь добровольно отрекся от престола в пользу Михаила, а Михаил в пользу Учредительного собра-

¹ Статья продолжает проблематику, представленную в публикации: Коновалова О.В. Государственно-правовые аспекты модели общественного переустройства России Виктора Чернова // История государства и права. 2018. № 6. С. 22–27.

² См. подр.: Коновалова О.В. Идеология неонародничества (по работам В.М. Чернова) // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2016. С. 225–243; Ее же. Преодоление народнических догм. В.М. Чернов о типах капитализма // Свободная мысль. 2001. № 4. С. 55–70; Ее же. «Смешанная экономика»: вариант Виктора Чернова // Свободная мысль. 2002. № 3. С. 100–108.

³ Чернов В.М. Из итогов прошлого опыта («Персональная коалиция» и «Директория») // Революционная Россия. 1922. № 23. С. 3–12; Его же. Параллели и контрасты // Революционная Россия. 1925. № 41. С. 1–5; Его же. Аккорды и диссонансы революции // Революционная Россия. 1927. № 62. С. 8–13; и др.

ния». Царским указом, подписанным за час до отречения, князь Г.Е. Львов назначался председателем Совета министров. «В юридическом смысле революцию исключили». Однако либералы не учли одного важного момента, иронизировал Чернов, «революция могла не понять, что ее исключили». Цензовые элементы не учитывали, что революция есть перерыв в праве, есть рождение нового права⁴.

Характеризуя сложившиеся отношения между Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством на первом этапе революции, Чернов констатировал, что реально Совет превратился в единственный источник власти, формально передав власть цензовой демократии. Вместе с тем он не считал ситуацию «двоевластием», как это делал В.И. Ленин, подчеркивая, что Петроградский Совет вовсе не был создан как второй властный центр для противодействия Временному правительству. В период апрельского кризиса отношения между правительством и Советом определились таким образом: «...с одной стороны, была официальная власть, не имевшая реальной силы, с другой — реальная сила без официальной власти; безвластное правительство и "бесправительственная" власть существовали одновременно»⁵.

В отличие от Ленина, Чернов не рассматривал Советы как прообраз нового органа власти трудящихся, даже когда они невольно брали на себя властные полномочия, регулируя вопросы снабжения продовольствия, руководство войсками. Для него их роль в революции сводилась к возможности объединения усилий всех социалистических партий и профессиональных групп в борьбе за интересы трудящихся, в условиях, когда в стране отсутствовала единая социалистическая партия и широко развитое

профессиональное движение. Советы, считал Чернов, «лишь боевая классовая организация критического переходного периода»⁶.

Чернов признавал, что, отказавшись от всяких форм контроля за правительством и предоставив вопрос о его составе на усмотрение буржуазии, члены Совета допустили непростительную ошибку. Формально Временное правительство всех составов не было ответственно ни перед каким народным представительство: ни перед цензовым (думским), ни перед трудовым (советским). Даже Московское государственное совещание, Демократическое совещание и Предпарламент были лишь совещательными учреждениями и не имели законодательной власти. Формально это означало, что Временное правительство, считал Чернов, было коллегиальным, но «бесхарактерным диктатором, практиковавшим диктатуру на холостом ходу»⁷.

Оценивая эффективность деятельности первого состава Временного правительства, Чернов констатировал, что оно «не сумело оправдать ни одной из возлагавшихся на него надежд» даже в тех вопросах, в которых считалось особенно компетентно. Прежде всего, это проблема местного самоуправления. «Революция создала в провинции междуцарствия. Старый бюрократический аппарат был либо уничтожен, либо парализован всеобщим бойкотом». В этом случае анархию можно было избежать одним из двух способов, считал эсер, либо, как в период Французской революции, заменить «монархическую централизацию еще более энергичной и беспощадной революционной централизацией, покрыв страну сетью революционных комиссаров, облеченных диктаторской властью», либо создать новую

⁴ Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / пер. с англ. Е.А. Каца. М.: Центрполиграф, 2007. С. 96.

⁵ Там же. С. 195.

⁶ Чернов В. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж ; Прага ; Нью-Йорк : Юбилейный комитет по изданию трудов В.М. Чернова, 1934. С. 222.

⁷ International Archives and Collection at the International Institute Social History) (IISH), V.M. Chernov Collection, box 16.

структуру демократической власти на основе выборов и «широкой местной автономии». «Увы, не было сделано ни того, ни другого, — констатировал Чернов. — Для первого способа у цензового правительства не хватало решимости и уверенности в себе». Ликвидировав власть губернаторов и предводителей дворянства, Временное правительство заменило ее властью председателей губернских и уездных земств и комиссаров. При этом «комиссары Временного правительства посланы в губернии не для командования местными органами, а лишь для того, чтобы связать их с центральным правительством и облегчить процесс их организации». Вместо дееспособной иерархической структуры власти, связывавшей центр и регионы, появилась лишь «сеть советников, инструкторов и информаторов»⁸.

При этом, отмечал Чернов, процесс создания новых местных органов самоуправления Временное правительство «пустило... на самотек». Далее он представлял пеструю картинку российской действительности революционного периода: «Повсюду расплодилось „комитеты народной власти“, „общественные комитеты“, „исполнительные комитеты“ и другие органы с не менее пышным названиями, непонятно как организованные, с разным кругом полномочий, никому не подчинявшиеся обладавшие неограниченной властью. Их взаимоотношения определялись только настойчивостью одних и уступчивостью других». В конце концов, верно подчеркивал он, «хаотическое множество органов власти превращалось в свою диалектическую противоположность — отсутствие какой бы то ни было власти вообще». Выход из создавшегося положения был и заключался, по мнению Чернова, в немедленном опубликовании и введении в действие «хотя бы некоторых из законов, подготовленных прогрессивными фракциями Государственной думы», направленных на

реформирование всей системы самоуправления в стране, пусть даже несовершенных с точки зрения их юридической проработки. «Жизнь не могла ждать, пока созреют нужные законы; чем дольше существовали самозванные органы исполнительной и даже законодательной власти, тем труднее было их уничтожить и заменить настоящими», — подчеркивал он. Более того, предположил эсер, «легкость, с которой большевики в конце 1917 г. уничтожили демократические земства и думы, не успевшие пустить корни, частично объясняется задержкой создания последних и долгим периодом, в течение которого организации типа Советов и революционных комитетов безо всяких помех выполняли функции власти»⁹.

Медлительность была характерна для всей деятельности Временного правительства, но тяжелейшим из его грехов стала задержка с созывом Учредительного собрания под формальным предлогом «военное время», считал Чернов. Постоянный перенос выборов делегатов впоследствии «дал большевикам один из их сильнейших козырей» для завоевания власти, полагал эсер¹⁰. Чернов придавал Учредительному собранию особое значение, рассматривая его как воплощение идеи народного суверенитета и веря в него. В период революции эсер был убежден, что именно оно признано заново «учредить» все необходимые для будущего строя «учреждения», определив круг их обязанностей и прав. «Учредительное собрание — есть полновластный демиург, творец новых начал общежития, принципиально осуществляющий революционный разрыв с прошлым. Веха, знаменующая начало новой эры»¹¹.

Откуда такая абсолютная вера в чудодейственную силу Учредительного собрания? Конечно, в конце концов, эсеры получили большинство голосов

⁸ Чернов В. Великая русская революция. С. 171–172.

⁹ Там же. С. 173–174.

¹⁰ Там же. С. 386.

¹¹ Чернов В.М. Учредительное Собрание и Советы // Дело народа. 1917. 21 декабря.

на выборах в Учредительное собрание, считали, что основная часть страны на демократических выборах их поддержала, поэтому им «выгодно было верить», что, защищая права Учредительного собрания, они защищали не столько свою партию, сколько волю народа.

О другой, психологической, причине говорил Чернов в своих работах о революции. Он вполне соглашался с высказываниями Гендрик де-Мана, что у всех ведущих российских социалистических деятелей того времени «доминировала идея, что русская революция должна воспроизвести во всех своих фазах пример Великой Французской революции». Так вот и само Учредительное собрание, «задолго до этого вошедшее в программы всех революционных партий, было всего лишь подстрочным переводом французской „Конституанты“. Даже большевики, решившиеся это Учредительное собрание разогнать, долго носились с мыслью... объявить оставшееся левое меньшинство Учредительного Собрания русским „революционным Конвентом“». Такая «игра в аналогии, — подчеркивал Чернов, — психологически вполне естественна. Вещи познаются в сравнении, неизвестное всегда хочется свести на известное»¹². Вместе с тем, отмечал Чернов, такие аналогии не родились на пустом месте. Великая французская революция, как все великие революции, в том числе и русская, ознаменованы такой «духовной встряской», которая не оставляла «камня на камне в привычном мирозерцании и мироощущении масс народных», оказывая «неизгладимое и бесповоротное» влияние на человеческие умы¹³.

Другим общим аспектом между Великой французской и Великой русской революциями, продолжал сравнение Чернов, был «симбиоз революции и войны». Однако здесь же он находил и коренное различие. Во Франции полнокровная революция от избытка своих

сил «перелилась» во внешнюю войну. В России же неудачная война, истощившая все ресурсы страны, породила революцию как шанс на спасение от самой войны¹⁴.

Русская революция «по своему глубочайшему внутреннему существу, обусловленному всем историческим прошлым России», являвшаяся многоэлементной, универсальной, не успела окончательно созреть, как была прервана войной, считал Чернов. «Определившийся фактический проигрыш в войне» придал русской революции несоответствующую ей внешнюю форму «военно-разгромной революции» фасадного типа. Вот почему так легко и бескровно, казалось, пал самодержавный режим, создавая иллюзию у оказавшихся у власти партий и лиц свершившейся «революции в мягких туфлях». Вот почему неизбежно было дальнейшее углубление революции, которое могло пойти или более медленно и постепенно, или путем второй революции, «отбрасывающей все сентиментальные иллюзии и желающей завладеть страной и жизнью... как следует и всецело — чего бы то ни стояло»¹⁵. Чернов практически подводил к мысли о закономерной неизбежности Октябрьской революции. Ведь «углубление революции» из-за ошибок и просчетов демократических партий пошло под видом октябрьского переворота большевиков.

Таким образом, институционально-правовой анализ составляющей революционного процесса, проведенный на основе сравнительно-социологической ретроспективы, позволил идеологу эсеров объяснить коллизии развития страны в кульминационный период революционных потрясений. Бескровный характер начала революции и правовое оформление государственного переворота в контексте юридической преемственности власти создало у правящих либеральных кругов Временного

¹² Чернов В. Рождение революционной России. С. 401–407.

¹³ Чернов В. Великая русская революция. С. 419.

¹⁴ Чернов В. Рождение революционной России. С. 414–416.

¹⁵ Там же. С. 439–442.

правительства иллюзию уже свершившейся политически-фасадной революции. Отсюда медлительность с решением насущных вопросов, в том числе с формированием системы местного самоуправления, откладывание созыва Учредительного собрания.

Политическая ошибка социалистических партий демократической ориентации, признавал Чернов, в том, что они передали право формирования власти цензовым элементам, не настаивая на создании институционально-правового механизма контроля за правительством ни со стороны Государственной думы, ни со стороны Пе-

троградского совета. Вступив в состав коалиционного правительства, социалисты так и не смогли убедить либералов в необходимости скорейшего проведения широких социально-ориентированных преобразований в стране, практически «сдав» программу реформ принципу коалиции. В этих условиях большевики оказались той партией, которая взяла на себя ответственность за «углубление» революции и наполнение ее форм конкретным социально-экономическим и политическим содержанием. Последнего вывода Чернов не проговаривал, но его анализ событий подводил именно к нему.

Литература

1. Коновалова О.В. Государственно-правовые аспекты модели общественного переустройства России Виктора Чернова / О.В. Коновалова // История государства и права. 2018. № 6. С. 22–27.
2. Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / В. Чернов ; перевод с английского Е.А. Каца. Москва : Центрполиграф, 2007. 429 с.
3. Чернов В. Рождение революционной России (Февральская революция) / В. Чернов. Париж ; Прага ; Нью-Йорк : Юбилейный комитет по изданию трудов В.М. Чернова, 1934. 445 с.
4. Чернов В.М. Перед бурей : Воспоминания. Мемуары / В.М. Чернов. Минск : Харвест, 2003. 416 с.

References

1. Konovalova O.V. Gosudarstvenno-pravovy'e aspekty' modeli obschestvennogo pereustroystva Rossii Viktora Chernova [State and Legal Aspects of the Model of Civil Rearrangement of Russia of Viktor Chernov] / O.V. Konovalova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 6. S. 22–27.
2. Chernov V. Velikaya russkaya revolyutsiya. Vospominaniya predsedatelya Uchreditelnogo sobraniya. 1905–1920 ; perevod s angliyskogo E.A. Katsa [The Great Russian Revolution. Recollection by the Chairperson of the Constitutional Assembly. 1905 to 1920 ; translation from English by E.A. Kats] / V. Chernov. Moskva : Tsentrpoligraf — Moscow : Central Polygraph, 2007. 429 s.
3. Chernov V. Rozhdenie revolyutsionnoy Rossii (Fevralskaya revolyutsiya) [The Birth of the Revolutionary Russia (the February Revolution)] / V. Chernov. Parizh ; Praga ; Nyu-York : Yubileyny'y komitet po izdaniyu trudov V.M. Chernova — Paris ; Prague ; New-York : The Anniversary Committee on Publication of Works by V.M. Chernov, 1934. 445 s.
4. Chernov V.M. Pered burey : Vospominaniya. Memuary' [Before Storm : Recollections. Memoirs] / V.M. Chernov. Minsk : Kharvest — Minsk : Harvest, 2003. 416 s.

Уважаемые коллеги!

Видео-обзоры, интервью с известными юристами, знакомство с актуальными публикациями, репортажи — всё это на нашем официальном канале YouTube: <https://www.youtube.com/channel/UCRbNB05ZQiQkG1sWvoVYeg/featured>

Заходите, смотрите, подписывайтесь!

Предмет и пределы надзора за исполнением законов в государственных образованиях на постсоветском пространстве

*Винокуров Александр Юрьевич,
профессор Института международного права
и экономики имени А.С. Грибоедова,
доктор юридических наук, профессор
vinalexur@mail.ru*

В статье на основании проведенного сравнительно-правового исследования рассмотрены предмет и пределы надзора за исполнением законов, осуществляемого прокурорами в пяти государственных образованиях на постсоветском пространстве. Подчеркнуты общие черты с аналогичной деятельностью российских прокуроров и имеющиеся различия.

Ключевые слова: государственные образования, постсоветское пространство, прокуратура, надзор за исполнением законов.

The Subject and Limits of Supervision over Execution of Laws in State Structures in the Countries of the Former Soviet Union

*Vinokurov Aleksandr Yu.
Professor of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics
Doctor of Law, Professor*

The article uses the carried out comparative law research to review the subject and limits of supervision over execution of laws exercised by prosecutors in five state structures in the countries of the former Soviet Union. The author emphasizes the traits, which are common to the similar activities of the Russian prosecutors, and the existing differences.

Keywords: state structures, countries of the former Soviet Union, prosecutor's office, supervision over execution of laws.

Как известно, непростые геополитические процессы, развивавшиеся после развала Союза ССР на территориях его бывших республик, привели в ряде случаев к созданию обособленных от ныне суверенных государств образований, которые, обладая вполне определенными атрибутами современного государства и вполне успешно отстаивая суверенитет на контролируемой территории, тем не менее не признаны большинством членов мирового сообщества, хотя и испытывают определенные симпатии со стороны ряда государств, к каковым относится и Российская Федерация. В этом связи не случайным является наблюдаемое сходство законодательства таких государственных образований, регулирующее в том числе вопросы организации и деятельности

органов прокуратуры, с аналогичным законодательством России и прежде всего с Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон № 2202-1)¹.

Следует отметить, что вопросы функционирования органов прокуратуры в рассматриваемых формированиях, к которым относятся республики Абхазия и Южная Осетия, Донецкая и Луганская народные республики, Нагорно-Карабахская и Приднестровская Молдавская республики, фактически не исследовались известными учеными-прокуроро-ведами, что, как полагаем, обусловлено

¹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 (с посл. изм.).

неопределенным статусом указанных территорий, и к настоящему времени, возможно, единственным автором, уделившим внимание этому вопросу, является В.Н. Туркова, которой за последнее время опубликовано две работы², носящие в большей мере справочный характер, что, безусловно, не умаляет заслуг этого автора в качестве «первооткрывателя» имеющей явную научную перспективу проблематики.

Вместе с тем подчеркнем, что непосредственно внешнефункциональная деятельность прокуратур указанных государственных образований пока не подвергалась сравнительно-правовому анализу, что обуславливает потребность в подобного рода исследованиях. Для целей нашей статьи в рамках заявленной темы будут проанализированы положения статутных законодательных актов о прокуратуре пяти из шести названных выше территорий, поскольку в Нагорно-Карабахской Республике так же, как и в Республике Армения, на которую в большей мере в силу исторических связей и этнической общности ориентируется в своем внутриполитическом устройстве указанное государственное образование, прокуроры не осуществляют надзор за исполнением законов, который по старой советской привычке нередко до сих пор называют «общим надзором».

Следует отметить, что структурирование Закона № 2202-1 в части разделения его на разделы и главы в полном объеме заимствовано в Законе Республики Абхазия от 12 июня 2006 г. № 1377-с-XIV «О прокуратуре Республики Абхазия» (далее — Закон о прокуратуре РА)³, Законе Донецкой Народ-

ной Республики от 10 сентября 2018 г. № 243-ИНС «О прокуратуре» (далее — Закон о прокуратуре ДНР)⁴, Конституционном законе Приднестровской Молдавской Республики от 31 июля 2006 г. № 66-КЗ-IV «О Прокуратуре Приднестровской Молдавской Республики» (далее — Закон о прокуратуре ПМР)⁵ и Законе Республики Южная Осетия от 10 октября 2007 г. № 92 «О прокуратуре Республики Южная Осетия» (далее — Закон о прокуратуре РЮО)⁶. В то же время Закон Луганской Народной Республики от 6 августа 2018 г. № 248-П «О прокуратуре Луганской Народной Республики» (далее — Закон о прокуратуре ЛНР)⁷ состоит только из глав.

Четыре из указанных законодательных актов объединяет с Законом № 2202-1 то, что в качестве одного из направлений такой функции, как прокурорский надзор, при характеристике прокуратуры соответствующего государственного образования определен **надзор за исполнением законов**, а также **за соответствием законам правовых актов** (абз. 2 п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре РА, абз. 2 ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре ДНР, абз. 2 ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре ЛНР, абз. 2 п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре РЮО). На этом фоне выделяется Закон о прокуратуре ПМР, в п. 1 ст. 6 «Основные функции прокуратуры Приднестровской Молдавской Республики» которого выделяются сразу несколько направлений, которые можно отнести к «общенадзорным», а именно:

— надзор за исполнением Конституции и законов ПМР Президентом ПМР, Правительством ПМР, исполнительными и представительными органами государственной власти, органами местного самоуправления, органами во-

² Туркова В.Н. Прокуратуры новых государственных образований : учебное пособие. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2016. 170 с. ; Ее же. История и современные характеристики прокуратур новых государственных образований : учебное пособие. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2018. 250 с.

³ URL: www.genproc-abh.ru (дата обращения: 01.06.2019).

⁴ URL: www.dnrsovet.su (дата обращения: 01.06.2019).

⁵ URL: www.gos-pmr.ru (дата обращения: 01.06.2019).

⁶ URL: www.parliamentroso.org (дата обращения: 01.06.2019).

⁷ URL: www.glava-lnr.info (дата обращения: 01.06.2019).

енного управления, центральным банком ПМР, их должностными лицами (подп. «а»);

— надзор за исполнением законов юридическими лицами, гражданами, а также индивидуальными предпринимателями (подп. «б»);

— надзор за исполнением Конституции ПМР и законов при производстве по делам об административных правонарушениях, за исключением дел, находящихся в производстве суда, в соответствии с полномочиями, установленными Кодексом ПМР об административных правонарушениях (подп. «ж»)⁸;

— надзор за соблюдением законности в Вооруженных силах, в органах безопасности, военного управления, иных воинских формированиях, личный состав которых имеет статус военнослужащих (подп. «з»).

Непосредственно представление о предмете осуществляемого прокурорами надзора за исполнением законов во всех указанных государственных образованиях дают одноименные статьи, предвещающие характеристику глав законодательных актов о прокуратуре, посвященных рассматриваемой отрасли надзорной функции. При этом во всех, кроме Приднестровской Молдавской Республике, законах главы называются «Надзор за исполнением законов», а в Приднестровье, очевидно, как дань советской истории — «Общий надзор».

При характеристике предмета надзора важное значение имеют две позиции, а именно: а) исполнение правового акта какой юридической силы проверяется прокурором; б) соответствие правовых актов поднадзорных органов и лиц правовому акту какой юридической силы устанавливается прокурором. Эти положения одновременно формируют представление о пределах прокурорского надзора в рассматриваемой сфере.

⁸ Это аналог ст. 24.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Говоря о законности правовых актов, следует отметить, что во всех пяти законодательных актах, равно как и в ст. 1 Закона № 2202-1, речь идет о соответствии их законам, только в случае с российскими прокурорами необходимо учитывать, что они в качестве ориентира рассматривают как федеральные законы, так и законодательные акты субъектов Российской Федерации в силу федеративного устройства государства, предусматривающего двухуровневость государственной власти. А вот в вопросе персонализации органов и лиц, чьи правовые акты проверяются прокурорами на предмет соответствия их законам, существуют различия, что обусловлено кругом таких субъектов правоприменения, поднадзорных прокурорам, индивидуальных для каждого отдельно взятого государственного образования. В этом смысле интересно сопоставить указанные выше положения соответствующих законодательных актов, называющие надзор за исполнением законов в качестве одного из направлений прокурорской деятельности, и нормы, непосредственно закрепленные в статье, раскрывающей предмет надзора за исполнением законов. Подчеркнем в этой связи, что в абз. 2 п. 2 ст. 1 и п. 1 ст. 21 Закона о № 2202-1 соответствующие перечни совпадают, и речь идет о федеральных органах исполнительной власти, Следственном комитете Российской Федерации, законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, органах военного управления, органах контроля и их должностных лицах.

Анализ законодательных актов рассматриваемых государственных образований показал, что в подп. «а» п. 1 ст. 6 и подп. «а» п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре ПМР также наблюдается совпадение, и, несмотря на достаточно широкий перечень иных поднадзорных прокурорам организаций и лиц, часть из которых нашла закрепление в упомянутом вы-

ше подп. «б» п. 1 ст. 6 указанного законодательного акта, прокуроры проверяют законность правовых актов только у органов публичной власти и должностных лиц. При этом сразу же подчеркнем как уникальный в своем роде феномен, не повторяющийся ни в одном другом государственном образовании, а равно в Российской Федерации, то, что прокуроры наделены полномочиями по осуществлению надзора за соответствием законам правовых актов Президента, Правительства и Центрального банка ПМР. Кроме того, уточняя статус упоминаемых в перечне представительных органов, отметим, что к ним в силу ст. 77 Конституции Приднестровской Молдавской Республики⁹ относятся Советы народных депутатов городов, районов, сел (поселков), являющихся административно-территориальными единицами республики. То есть речь не идет о Верховном Совете ПМР, иначе он был бы прямо назван в норме закона.

В других государственных образованиях прокуроры проверяют законность правовых актов следующих субъектов публичной власти:

— центральных и местных органов государственного управления, органов местного самоуправления, органов военного управления, органов контроля, их должностных лиц (п. 1 ст. 19 Закона о прокуратуре РА);

— органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, органов военного управления, органов контроля, их должностных лиц (п. 1 ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре ДНР);

— государственных органов, органов местного самоуправления, воинских формирований, органов контроля, их должностных лиц (п. 1 ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре ЛНР);

— министерств, государственных комитетов, комитетов и иных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, органов военного

управления, органов контроля, их должностных лиц (подп. 1 п. 1 ст. 18 Закона о прокуратуре РЮО).

Вместе с тем основной акцент в надзорной деятельности как российских прокуроров, так и их коллег в рассматриваемых государственных образованиях делается на проверке соответствия основной (не нормотворческой) деятельности поднадзорных им органов и лиц, и здесь следует отметить, что, как и в ряде отмеченных выше случаев, своей уникальностью вновь выделяется Приднестровье, где в силу подп. «б» п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре ПМР наряду с отмеченными персоналиями в качестве поднадзорных выступают юридические лица, редакции государственных республиканских средств массовой информации, общественные объединения, политические партии, граждане, а также индивидуальные предприниматели. Напомним при этом, что в ст. 21 Закона № 2202-1 юридические лица и индивидуальные предприниматели не называются (речь идет об органах управления и руководителях коммерческих и некоммерческих организаций). Прокурорско-надзорные правоотношения с общественными объединениями, включая политические партии, у нас в стране складываются через призму взаимодействия с руководителями и органами управления соответствующих организаций. Что касается граждан, то российские прокуроры не надзирают за исполнением ими законов с 18 февраля 1992 г., когда вступил в силу Закон № 2202-1¹⁰.

В свою очередь в других государственных образованиях прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов следующими структурами и лицами, не относящимися к субъектам публичной власти:

— органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций (п. 1 ст. 19 Закона о прокуратуре РА, п. 1 ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре ДНР, п. 1 ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре ЛНР, подп. 1 п. 1 ст. 18 За-

⁹ URL: www.vspmr.org (дата обращения: 01.06.2019).

¹⁰ Ведомости СНГ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

кона о прокуратуре РСЮ). Подчеркнем, что указанные субъекты пополнили перечень поднадзорных российским прокурорам органов и лиц в 1999 г.;

— субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания (п. 1 ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре ЛНР). Напомним в этой связи, что российские прокуроры с 2008 г. также осуществляют надзор за исполнением законов аналогичными субъектами, а непосредственно в ст. 21 Закона № 2202-1 это положение нашло закрепление в 2010 г.

Еще один аспект предмета надзора связан с такой его составляющей, как **соблюдение** (п. 1 ст. 19 Закона о прокуратуре РА, п. 1 ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре ДНР, п. 1 ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре ЛНР, п. 1 ст. 21 Закона № 2202-1, подп. 1 п. 1 ст. 18 Закона о прокуратуре РСЮ) либо **исполнение** (подп. «а» п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре ПМР) **Конституции** всеми перечисленными выше органами, организациями, должностными и иными лицами. Здесь полагаем возможным ограничиться оговоркой о том, что эти нормы носят скорее характер сакральный, нежели служат безусловным руководством к действию. Более того, само определение сущности прокуратур рассматриваемых государственных образований, равно как и прокуратуры Российской Федерации, в первых статьях указанных законодательных актов также дается через упоминание о надзоре за соблюдением (исполнением) соответствующей Конституции. Проблема заключается в том, что акты прокурорского надзора нацелены на устранение нарушений законов, но не конституционных актов.

Говоря о пределах надзора за исполнением законов, следует отметить в целом, что во всех пяти государственных образованиях так же, как и в Российской Федерации, прокурорам запрещено при осуществлении надзорной деятельно-

сти подменять *иные государственные органы*. Безусловно, это не означает, что прокуроры вправе подменять органы местного самоуправления, которые также в силу своей компетенции осуществляют определенные контрольные функции, в связи с чем такая оговорка в рассматриваемых законодательных актах была бы желательна.

В то же время в п. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре ПМР дополнительно подчеркивается, что органы прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов *не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей*. К слову, схожая формулировка (относительно невмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность организаций) присутствует в п. 1 ст. 26 Закона № 2202-1 применительно к пределам такой отрасли прокурорского надзора, как надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Как известно, ст. 21 Закона № 2202-1 в марте 2017 г. была дополнена рядом важных положений, регламентирующих основания и порядок проведения прокурорами проверки. При этом в действующей редакции п. 2 указанной статьи закреплено, что «проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, если эти сведения нельзя подтвердить и опровергнуть без проведения указанной проверки». Принятые во второй половине 2018 г. законодательные акты о прокуратуре Донецкой и Луганской народных республик полностью заимствовали российский опыт с детальной регламентацией прокурорской проверки, в том числе в части оснований ее проведения (соответственно ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре ДНР и ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре ЛНР).

Что касается остальных государственных образований, то их законодательные акты содержат схожие, но отличающиеся в нюансах формулировки

оснований для проведения надзорных проверок, а именно:

— в Республике Абхазия проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов *и имеющих сведения о нарушении законности*, требующих принятия мер прокурором (п. 2 ст. 19 Закона о прокуратуре РА);

— в Приднестровье проверки исполнения законов в порядке общего надзора проводятся *по заявлениям и сообщениям о нарушениях законности*, требующим прокурорского реагирования, *а также по собственной инициативе прокурора*¹¹ (п. 3 ст. 22 Закона о прокуратуре ПМР);

— в Республике Южная Осетия проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором (п. 2 ст. 18 Закона о

прокуратуре РЮО). Напомним, что аналогичная формулировка присутствовала до марта 2017 г. в п. 2 ст. 21 Закона № 2202-1.

Подводя итог краткому сравнительно-правовому исследованию, подчеркнем, что, несмотря на отмеченные нюансы, в целом характеристики предмета и пределов осуществляемого прокурорами надзора за исполнением законов (общего надзора) имеют немало схожих черт, что объясняется как базисом, заложенным в бытность Союза СССР, так и очевидным ориентированием на законодательство о прокуратуре Российской Федерации, что позволяет осуществлять обмен опытом надзорной работы, а также организовывать на базе Университета прокуратуры Российской Федерации повышение квалификации действующих работников прокуратур государственных образований, что, собственно, уже имеет в последние годы место в отношении прокуроров из республик Абхазия и Южная Осетия, а в перспективе возможна постановка вопроса о подготовке кадров для органов прокуратуры всех названных выше республик.

¹¹ Отметим, что подобных оснований нет у прокуроров ни одного суверенного государства на территории бывшего Союза ССР, где у органов прокуратуры сохранился надзор за исполнением законов.

Литература

1. Туркова В.Н. История и современные характеристики прокуратур новых государственных образований : учебное пособие / В.Н. Туркова. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2018. 250 с.
2. Туркова В.Н. Прокуратуры новых государственных образований : учебное пособие / В.Н. Туркова. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2016. 170 с.

References

1. Turkova V.N. Istoriya i sovremenny'e kharakteristiki prokuratur novy'kh gosudarstvenny'kh obrazovaniy : uchebnoe posobie [History and Modern Features of Prosecutor's Offices of New State Formations : textbook] / V.N. Turkova. Irkutsk : Izd-vo IRNITU — Irkutsk : Publishing House of the Irkutsk National Research Technical University, 2018. 250 s.
2. Turkova V.N. Prokuratury' novy'kh gosudarstvenny'kh obrazovaniy : uchebnoe posobie [Prosecutor's Offices of New State Formations : textbook] / V.N. Turkova. Irkutsk : Izd-vo IRNITU — Irkutsk : Publishing House of the Irkutsk National Research Technical University, 2016. 170 s.

Проблемы доверия полиции в России и пути их решения

*Беляева Ольга Васильевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент
Julia18flash@yandex.ru*

*Рыжов Александр Анатольевич,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
alred4@rambler.ru*

В статье рассмотрены причины снижения доверия общества к деятельности органов внутренних дел, а также пути повышения презумпции доверия полиции.

Ключевые слова: сотрудники полиции, общество, доверие, поддержка.

Issues and Solutions of Trust in Police in Russia

*Belyaeva Olga V.
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

*Ryzhov Aleksandr A.
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

The article discusses the reasons for the decrease in public confidence in the activities of the internal Affairs bodies, as well as ways to increase the presumption of police confidence.

Keyword: police officer, society, trust, support.

Проблема доверия сотрудникам МВД со стороны простых граждан была всегда достаточно актуальна. Если восстановить историческую цепочку доверия к полиции в России, то можно отследить, что наше государство всегда предпринимало определенный род воздействий, чтобы полиция и общество взаимодействовали и у народа сформировалось некое доверие к данному исполнительному органу. Российская Федерация делает большой упор на общественную взаимосвязь между государством и народом через государ-

ственные организации путем доверительного отношения.

Важным фактором современного общества является прочная связь общества, основанная на доверии к власти и органов в его лице. Сейчас довольно часто рассматривается вопрос о взаимодействии гражданских, общественных организаций с полицейскими силами, но без доверия это кажется невозможным. А как верить сотрудникам, если нередко в новостях всплывают видеоролики об избиении жителей и приезжих, коррупционных действиях, несправед-

ливости с их стороны. Если, включив популярную телепередачу, можно увидеть, что единственный «честный полицейский», живущий на зарплату, и его семья голодают и носят обноски в то время как те, кто не гнушается «нечестностью», не испытывает нужды ни в чем. Конечно же, это утрировано, но, если такое показывают и снимают, значит, имеет место быть в обыденной жизни российского человека¹.

Если полиция не пользуется доверием и уважением среди граждан, это порождает такие проблемы, как снижение уровня доверия к самому государству, возникновение ощущения небезопасности, нежелание здравомыслящих граждан поступать на службу в саму полицию и т.д. Данная проблема серьезно бьет по всем составляющим страны. Именно по этой причине в нашей стране нет таких действующих общественных организаций, содействующих в поддержании порядка, как, например, в Соединенных Штатах Америки, где индекс доверия был раньше значительно выше, чем в Российской Федерации. Например, по программе «Соседский надзор» создаются соседские организации, цель которых осуществление контроля за порядком на своей «территории», сообщение о нарушениях в полицию. Также ставшее уже частью американского менталитета, что мы можем наблюдать в фильмах и считать излишней бдительностью, «Block Watch» — сообщение в полицию обо всем, что кажется подозрительным и преступным, не боясь платить штрафы за ложный вызов. Кроме того, в Соединенных Штатах пользуются популярностью волонтерские организации по поддержанию общественного порядка, профилактике правонарушений и не только среди граждан, но и самих полицейских.

¹ Бойко А.В. Доверие населения и оценка деятельности полиции в Республике Крым: к результатам социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 4. С. 35–39.

Так, в Краснодарском крае существует так называемая добровольная помощь со стороны граждан в осуществлении закона, в соответствии с которым дети до 18 лет не имеют права находиться на улице без сопровождения родителей после 22.00, только речь о «добровольной» помощи идет лишь на бумаге, по факту, работников бюджетных организаций принуждают к этому².

Согласно суждению некоторых ученых, именно сокращение уровня доверия к российской милиции дало толчок к кардинальным изменениям в системе МВД, а непосредственно изданию Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции», который нес, в свою очередь, отражение, что сотрудники должны опираться на общественное доверие и гражданскую поддержку. В соответствии с исследованиями, проводимыми Всероссийским центром изучения общественного мнения, уровень доверия полиции в 2016 г. составил 47%, в то время как в 2015 г. — 46%, а в 2011 г. — 38%³.

Но, даже несмотря на рост доверия, граждане все также считают, что сотрудники не желают заниматься решением их вопросов. Общество находится под влиянием определенных факторов, а именно: СМИ; Интернет; опыт знакомых; социальные сети; провокации других людей и т.д.

В связи с этими и другими причинами доверие к полиции граждан тяжело поднимать на более высокий уровень. Низкий престиж полиции отмечает около 60% населения⁴. Главным источни-

² Майоров В.И. Совершенствование деятельности полиции на основе общественного доверия и поддержки граждан // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. ст. по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции. СПб. : СПб. ун-т МВД РФ, 2016. С. 114–122.

³ Работа полиции. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115938> (дата обращения: 21.05.2019).

⁴ Чупракова Е.В., Тутринова И.В. О формировании имиджа полиции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию

ком таких выводов служат СМИ (58,5%), 31,1% граждан судят по опыту обращения в полицию своих родственников, соседей, друзей, и только 9,4% — из личного опыта. Прямое положительное воздействие на мнение полицейский может оказать лишь на гражданина или его близких. Чтобы повлиять через СМИ, нужно совершать героические поступки, о которых будет известно всей стране, но это невозможно делать ежедневно, так, хорошие поступки быстро забываются под влиянием гораздо чаще показываемых негативных событий, в которых так или иначе участвуют представители МВД.

Кроме того, для граждан вполне типично судить обо всей структуре по поведению нескольких ее представителей, после чего и формируются стереотипы об «оборотнях в погонах». То есть, для того чтобы «завоевать» доверие народа, нужно ломать подобные стереотипы и не давать возможности им появляться. А так как главным источником формирования общественного мнения являются средства массовой информации, то именно за их счет и нужно формировать положительный образ сотрудников. Например, после освещения новости о правонарушении со стороны полицейского показать мнения его добропорядочных и законопослушных коллег. Снимать кинокартины с образами героев-полицейских как можно ближе к реальности и самим сюжетом, без сверхъестественного, чтобы ожидания граждан не сталкивались с суровой действительностью. Требуется освещать как можно больше деятельность полиции как на службе, так и проведение свободного времени. Представляется возможным и создание реалити-шоу «День с сотрудником ОВД», участие в котором помогло бы молодому поколению узнать больше о профессии сотрудника полиции.

российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции (г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г.) : сб. науч. ст. : в 2 т. / под ред. Н.С. Нижник. СПб. : СПб. ун-т МВД РФ, 2016. Т. 2. С. 170.

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵ (далее — Закон № 3-ФЗ) впервые в истории органов внутренних дел России закреплён принцип общественного доверия и поддержки граждан. Его включение в положения Закона № 3-ФЗ не было одномоментным, этому предшествовало развитие всей системы государственной службы России, начало которому было положено ещё в 2001 г. Концепцией реформирования системы государственной службы Российской Федерации. Данная концепция задала новые для всего государственного аппарата векторы изменений: обеспечение открытости и повышение доверия граждан Российской Федерации к органам государственной власти, гласности при осуществлении государственной службы, открытость и подконтрольность гражданскому обществу. Данные принципы в ходе реализации административной реформы во многом предопределили изменения нормативно-правовых актов, регламентирующих институт государственной службы в целом и ее видов, а также институциональное оформление отдельных ведомств⁶.

Вместе с тем анализ правовой базы, устанавливающей статус определенных видов государственной службы и органов государственной власти правоохранительной направленности, а также государственных органов, не относящихся ни к одной ветви власти (прокуратура, Следственный комитет Российской Федерации), позволил установить, что в развернутом виде, а не в форме нормы-цели принцип общественного доверия представлен только в Законе № 3-ФЗ.

⁵ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 3.08.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Карнаухов О.П. Реализация принципа общественного доверия к полиции и поддержки гражданами ее деятельности // Полиция и общество: пути сотрудничества : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Воронеж, 21 февраля 2017 г.) : сб. науч. ст. Воронеж : Воронежский ин-т МВД РФ, 2017. С. 92–96.

Как представляется, это далеко не случайно, именно подразделения полиции в системе правоохранительных органов России в целом и в структуре МВД России в частности в силу возложенных на них задач и численности наиболее широко и интенсивно вступают в правовые отношения с населением, а значит, более всего нуждаются не только в понимании содержания рассматриваемого принципа и порядка его воплощения в жизнь, но и в реальных доверии и поддержке со стороны граждан.

Нормы Закона № 3-ФЗ являются общими нормами, по отношению к которым, например, норма «Презумпция невиновности» ст. 1.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях⁷ является специальной, поскольку возникшие отношения лежат в плоскости административного правонарушения, а потому специальная норма ст. 1.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях является приоритетной по отношению к общим нормам.

Согласно п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»⁸ при рассмотрении дел об административных правонарушениях, а также по жалобам на постановления или решения по делам об административных правонарушениях судья должен исходить из закрепленного в ст. 1.5 КоАП РФ принципа административной ответственности — презумпции невиновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу.

Реализация этого принципа заключается в том, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, вина в совершении административного правонарушения устанавливается судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица.

Указанные судом ст. 1, 2, 5–7, 9 Закона № 3-ФЗ содержат нормы-принципы, которые определяют основные начала деятельности полиции, эти нормы предъявляют конкретные требования к деятельности полиции, но никак не устанавливают презумпции ее добросовестности.

Сегодня одной из приоритетных задач Министерства внутренних дел Российской Федерации является создание современного облика полиции, укрепление общественного доверия к этому институту власти.

Доверие граждан является не просто одним из основных критериев официальной оценки эффективности деятельности органов внутренних дел. Это еще и мотивационная составляющая дальнейшего реформирования полиции и совершенствования ее деятельности.

Вряд ли кто-нибудь будет оспаривать положение о том, что доверие людей к полиции нужно заслужить, оно не приходит само. Это трудный кропотливый труд по формированию позитивного мнения о сотрудниках полиции, действия которых должны быть обоснованными и понятными для граждан, по завоеванию поддержки гражданами действий полиции, направленных на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, по развитию взаимодействия и сотрудничества с гражданами в обеспечении защиты прав и свобод, соблюдения законности и правопорядка.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 18.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, принцип общественного доверия и поддержки граждан является одним из ключевых в деятельности полиции в послереформенный период. Его сущность и практику реализации отличает многогранность. С одной стороны, его содержание составляют положительные, созидательные компоненты: целеустановки для сотрудников полиции на действия, обоснованные и понятные для граждан, направленные на обеспечение доверия граждан к полиции, постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции и взаимодействия полиции с институтами гражданского общества, функционирование общественных советов. С другой стороны,

нормативно в соответствии с Законом № 3-ФЗ принцип общественного доверия и поддержки граждан имеет и негативное основание: нарушение прав и свобод гражданина сотрудниками полиции, требующее соответствующих мер, направленных на их восстановление.

В целом в пореформенный период российской полиции удалось реализовать принцип общественного доверия и поддержки граждан, о чем можно судить, прежде всего, по результатам социологических опросов о деятельности полиции. Вместе с этим воплощение отдельных положений принципа общественного доверия и поддержки граждан в деятельности полиции требует дальнейшего совершенствования.

Литература

1. Бойко А.В. Доверие населения и оценка деятельности полиции в Республике Крым: к результатам социологического исследования / А.В. Бойко // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 4. С. 35–39.
2. Карнаухов О.П. Реализация принципа общественного доверия к полиции и поддержки гражданами ее деятельности / О.П. Карнаухов // Полиция и общество: пути сотрудничества : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Воронеж, 21 февраля 2017 г.) : сборник научных статей. Воронеж : Воронежский ин-т МВД РФ, 2017. С. 92–96.
3. Майоров В.И. Совершенствование деятельности полиции на основе общественного доверия и поддержки граждан / В.И. Майоров // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 25 марта 2016 г.). В 3 томах. Санкт-Петербург: СПб. ун-т МВД РФ, 2016. С. 114–122.
4. Сигалов К.Е. Полиция и механизм действия гражданского общества / К.Е. Сигалов // История государства и права. 2013. № 24. С. 49–54.
5. Чупракова Е.В. О формировании имиджа полиции / Е.В. Чупракова, И.В. Тутринова // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции (г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г.) : сборник научных статей ; под редакцией Н.С. Нижник. В 2 томах. Санкт-Петербург : СПб. ун-т МВД РФ, 2016. Т. 1. С. 170–173.

References

1. Boyko A.V. Doverie naseleniya i otsenka deyatelnosti politsii v Respublike Kry'm: k rezultatam sotsiologicheskogo issledovaniya [The Trust of the Population and Assessment of the Police Activity in the Republic of Crimea: on the Results of the Sociological Study] / A.V. Boyko // Izvestiya vy'shshikh uchebny'kh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika — News of the Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Policy. 2017. № 4. S. 35–39.
2. Karnaukhov O.P. Realizatsiya printsipa obschestvennogo doveriya k politsii i podderzhki grazhdanami ee deyatelnosti [Implementation of the Principle of Public Trust to the Police and Support of Its Activity by Citizens] / O.P. Karnaukhov // Politsiya i obschestvo: puti sotrudnichestva : materialy' Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Voronezh, 21 fevralya 2017 g.) : sbornik nauchny'kh statey [Police and Society: Ways of Cooperation : materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference (Voronezh, February 21, 2017) : compilation of articles]. Voronezh : Voronezhskiy in-t MVD RF — Voronezh : the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. S. 92–96.
3. Mayorov V.I. Sovershenstvovanie deyatelnosti politsii na osnove obschestvennogo doveriya i podderzhki grazhdan [Improvement of the Police Activity Based on Public Trust and Support of Citizens] /

- V.I. Mayorov // Aktualny'e problemy' administrativnogo i administrativno-protseusalnogo prava : sbornik statey po materialam ezhegodnoy vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 25 marta 2016 g.). V 3 tomakh [Relevant Issues of the Administrative and Administrative Procedure Law: compilation of articles based on the materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference (Saint Petersburg, March 25, 2016). In 3 volumes]. Sankt-Peterburg.: Sankt-Peterburgskiy un-t MVD RF — Saint Petersburg : Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2016. S. 114–122.
4. Sigalov K.E. Politsiya i mekhanizm deystviya grazhdanskogo obschestva [Police and the Mechanism of Action of the Civil Society] / K.E. Sigalov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 24. S. 49–54.
5. Chuprakova E.V. O formirovanii imidzha politsii [On the Police Image-Making] / E.V. Chuprakova, I.V. Tutrinova // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy' razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii) : materialy' mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 28 aprelya 2016 g.) : sbornik nauchny'kh statey ; pod redaktsiey N.S. Nizhnik. V 2 tomakh [State and Law: Evolution, Modern State, Perspectives of Development (towards the 300th Anniversary of the Russian Police): materials of the international scientific theoretical conference (Saint Petersburg, April 28, 2016) : compilation of scientific articles ; edited by N.S. Nizhnik. In 2 volumes]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy un-t MVD RF — Saint Petersburg : Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2016. Vol. 1. S. 170–173.

Уважаемые коллеги!

Представляем вашему вниманию ежегодный сборник «Научные труды РАЮН», выпуск 19. В сборнике опубликованы доклады участников XIX Международной научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок», которая состоялась в г. Москва 27–30 ноября 2018 года на площадке Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Сборник содержит следующие разделы:

- Теория и история государства и права. История правовых и политических учений

- Конституционное и муниципальное право
- Административное право. Финансовое право
- Международное право
- Банковское право
- Гражданское право. Семейное право
- Гражданский и арбитражный процесс
- Право интеллектуальной собственности
- Предпринимательское право
- Трудовое право. Право социального обеспечения
- Природоресурсное право. Экологическое право
- Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право
- Уголовный процесс. Прокурорский надзор
- Судебная экспертиза. Криминалистика. Оперативно-розыскная деятельность

- Юридическое образование

Книга предназначена для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических вузов.

С полной версией сборника вы можете ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги»: <http://lawinfo.ru/book/2019/>

Благотворительность как одно из направлений гражданского общества: история и современность

*Брылева Елена Александровна,
заведующая кафедрой профессиональных дисциплин
Пермского института ФСИИ России,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Пермского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНГХиГС),
кандидат юридических наук, доцент
elenbrylev@yandex.ru*

*Никитюк Сергей Михайлович,
начальник Пермского института ФСИИ России,
кандидат юридических наук
nikityuk@mail.ru*

В статье авторы указывают на проблему социализации людей, отбывших наказание, и отмечают необходимость совместной планомерной деятельности в данном направлении государства и гражданского общества. Авторы обращаются к российским историческим традициям благотворительности в отношении осужденных лиц и выделяют следующие основные черты: безвозмездность; индивидуальность; законность. Авторы отмечают рост благотворительных организаций в настоящее время, хотя некоторые исследователи считают, что это негативная тенденция, поскольку свидетельствует о провалах государственной политики, и приходят к выводу о необходимости использования российских исторических традиций благотворительности, что позволит снизить количество рецидивных преступлений в России.

Ключевые слова: благотворительность, гражданское общество, социализация, осужденные, благотворительные фонды, общества патронажа.

Charity as One of Civil Society Areas: History and the Modern Times

*Bryleva Elena A.
Head of the Department of Professional Disciplines of the Perm Institute of the FPS of Russia
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Perm Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА)
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

*Nikityuk Sergey M.
Head of the Perm Institute of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences*

In the article, the authors point out the problem of the socialization of people who have served their sentences and point out the need for joint planned activities in this direction of the state and civil society. The authors refer to the Russian historical traditions of charity in relation to convicted persons and highlight the following main features: gratuitousness; individuality; legality. The authors note the growth of charitable organizations at the present time, although some researchers believe that this is a negative trend, because it indicates the failure of public policy. The authors come to the conclusion that it is necessary to use the Russian historical traditions of charity, which will reduce the number of recurrent crimes in Russia.

Keywords: charity, civil society, socialization, convicts, charitable foundations, patronage societies.

По данным статистики, каждое третье преступление совершает-

ся лицами, ранее осужденными за преступления. Уполномоченный по

правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова отметила, что в стране остро стоит проблема социализации людей, отбывших наказание. «Мне постоянно поступают жалобы, что человек с судимостью не может трудоустроиться. ФСИН надо усилить работу в этом направлении»¹. В Генеральной прокуратуре также считают, что воспитательная работа в местах заключения проводится недостаточно хорошо, к примеру, начальники отрядов уделяют мало внимания психологическому состоянию подопечных. Правозащитники отмечают, что после выхода на свободу осужденные зачастую не могут найти работу и возвращаются на криминальный путь². Все данные структуры, безусловно, правы в своих высказываниях, но представляется, что ресоциализация — это не только задача Федеральной службы исполнения наказаний, сотрудники которой в большинстве своем добросовестно относятся к исполнению своих обязанностей, а системная планомерная совместная деятельность государства и гражданского общества, направленная на социализацию данной категории граждан, или, как отмечал профессор Б.Д. Парыгин, «очеловечивания человека»³.

Остановимся на отдельных исторических аспектах деятельности гражданского общества, понимаемого нами как «правовое, либерально-демократическое, плюралистическое, открытое общество, основным субъектом которого является свободный индивид, реализую-

щий свои интересы в рамках единого для всех закона и общего правопорядка»⁴.

Благотворительность как двухкомпонентная составляющая «добро» и «благо» всегда была присуща русскому человеку, особенно во времена империи была распространена среди русского купечества. Даже те богатые, которые не были глубоко религиозны, были вынуждены вносить значительные суммы на благотворительность для бедных и помогать культуре из страха быть отлученными от церкви по обвинению в скупости и других пороках. Следует отметить, что многие русские предприниматели-благотворители происходили из семей староверов, где детей воспитывали по древнему Уставу благочиния в строгости и послушании, в духе аскетизма и доброты. Их патриотизм, «русскость» выходит на первый план в деятельности благотворителей. В то же время ведущие столичные филантропы активно собирали и продвигали западноевропейское искусство. И это не случайно: их патриотизм не мешал, а помогал правильно оценить достижения зарубежной культуры в их отношении к культуре России. Другая группа русских благодетелей действовала из прагматических, тщетных побуждений, из желания получить социальные блага и привилегии-звания, титулы, ордена, дворянство⁵.

Благотворительность представителей царской семьи в дореволюционной России стала знаковым событием. Царицы, как правило, создавали благотворительные общества, великие князья и принцессы обязательно брали под свою защиту то или иное

¹ Рецидивисты стали совершать больше преступлений. URL: <https://iz.ru/666795/mariia-nediuk-kseniia-dagaeva/retcidivisty-stal-sovershat-bolshe-prestuplenii> (дата обращения: 01.04.2019).

² Там же.

³ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М. : Мысль, 1971. 351 с.

⁴ Червонюк В.И. Теория государства и права : учебник. М. : ИНФРА-М, 2009. 704 с.

⁵ Прохоров В.Л. Творили во благо: меценаты-предприниматели России (XIX — начало XX вв.). М. : Союз, 1998.

благотворительное, образовательное или медицинское учреждение. Подвижничество членов царской семьи в сфере благотворительности, несомненно, послужило примером для представителей образованной части российского общества. Например, институт учреждений императрицы Марии, основанный в 1797 г., который преследовал «исключительно или преимущественно благотворительные цели», чтобы помочь нуждающимся, независимо от их имущественного происхождения. К началу XX в. около 800 образовательных и других благотворительных обществ и учреждений были подчинены этому независимому правительственному департаменту. Они обучили десятки тысяч детей. В 40 больницах, отделениях ежегодно проходят лечение более 40 тыс. пациентов. Более 60 тыс. человек нашли приют в воспитательных домах, приютах и богадельнях. Годовой бюджет ведомства к 1900 г. достигал 13 млн руб.⁶

Одним из ярких примеров попечения о лицах, находящихся в местах лишения свободы, является деятельность обществ патроната. Президентом Общества попечительного о тюрьмах являлся министр юстиции (с 1855 г., а до этого Общество считалось находящимся под покровительством самого императора). Действительно, деятельность данных обществ заслуживает внимания и пристального изучения. Не углубляясь особо в исторические аспекты создания, организационного построения данных обществ, остановимся более на концептуальных идеях: безвозмездность; индивидуальный подход в зависимости от жизнен-

ной ситуации; законность. Помощь осуществлялась адресная: продовольствием, одеждой, призрением в болезнях, помощью в выправлении документов, деньгами, тем, кто в этом нуждается. Так, Устав Рязанского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения, указывал, что «деятельность Общества выражается: в снабжении лиц, принятых им под свое покровительство, одеждою, пищею, медицинскими пособиями, рабочими инструментами, материалами и другими полезными для них предметами; в выдаче им ссуд и денежных пособий; в заботах и приискании для означенных лиц занятий и предоставлении им мест; в содействии помещению их в приюты, больницы, школы, убежища, дома трудолюбия и даровые или дешевые квартиры; в принятии мер к скорейшему получению означенными лицами видов на жительство; в возбуждении пред подлежащею властью относительно означенных лиц, если они подлежат по отбытии наказания ограничениям в праве избрания и перемены места жительства, ходатайств о разрешении льгот; в содействии в отношении избрания и перемены места жительства, об исключении из видов на жительство отметок о судимости и о разрешении следовать к месту назначения; в содействии означенным лицам по освобождении их из мест заключения в отправлении на родину; в облегчении и доставлении им к воспитанию детей, а также и других тому подобных и мерах и действиях, направленных к состоящим под покровительством Общества»⁷.

Общество располагает как государственными, так и частными

⁶ Клементович И.П., Скоч А.В. Зарождение благотворительности как социального института особого типа : монография. М. : РИУ МГОПУ имени М.А. Шолохова, 2000. Ч. 2. С. 54–55.

⁷ Устав Рязанского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). Рязань : Губернская типография, 1912.

средствами. Казенные поступали из губерний и уездов, из городских дум или ратуш, их тратили на еду, одежду, больницы, тюрьмы. Частные фонды состояли из ежегодных и разовых пожертвований благотворителей, имущества и денег, отдаваемых на «поминование души», кружек в тюрьмах, церквях, торговых площадях. Приглашались все желающие благотворить во имя улучшения содержания заключенных в тюрьмах⁸. Анализ архивных дел середины XIX в. свидетельствует о регулярных дополнительных жертвованиях, осуществляемых членами тюремных комитетов, в частности неоднократно в положительную сторону отмечался Пермский, Орловский и др. тюремные комитеты⁹; некоторые составляли даже завещания в пользу тюремных арестантов¹⁰.

Творение блага в тюрьмах осуществляли лица разной профессиональной принадлежности. Так, например, священник Григорий Рыбальский для отправления молитвословий в Симферопольском тюремном замке обучал грамоте малолетних детей взрослых арестантов, доставляя для этого необходимые книги, лично от себя, а также в течение семилетней службы при остроге снабжал грамотных арестантов для чтения книгам духовно-нравственного содержания из собственных средств, препроводил в замок более 40 таких книг, не получая при этом никакого жалованья¹¹; Орлов-

ский городской врач надворный советник Александр Васильевич Лебединский «безвозмездно лечил в течение нескольких лет арестантов в Орловской Центральной пересыльной тюрьме»¹²; томский предприниматель И.П. Денисов в течение нескольких лет за умеренную плату исполнял казенные подряды, очень добросовестно, особенно в учреждении для воспитания арестантских детей и сирот¹³.

Директор Ярославского губернского попечительного о тюрьмах комитета потомственный почетный гражданин Сорокин за 1869 г. пожертвовал, не считая директорских взносов, 700 руб. (сумма по тем временам очень значительная), при этом директор производил за собственный счет значительные исправления в остроге, старался об украшении тюремной церкви и покупал хозяйственные вещи за свой счет¹⁴. Следует сказать, что такой труд не оставался незамеченным со стороны государства. Всего за 1868–1869 г. по представлению губернаторов было поощрено орденами и медалями Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира с ношением на ленте порядка 26 человек.

В настоящее время начинается активное возрождение благотворительности. Так, по данным Росстата, в 2017 г. в России насчитывалось более 9600 благотворительных фондов и порядка 1700 благотворительных организаций (движений, учреждений).

В отношении осужденных лиц действуют фонды как общенационального, так и регионального характера.

⁸ Варенцова Л.Ю., Варенцов С.Ю. Из истории нижегородского губернского попечительного о тюрьмах комитета в XIX — начале XX века // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (19).

⁹ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 19. Л.д. 12.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л.д. 1.

¹¹ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 398. Л.д. 1 «О награждении по обществу попечительному о тюрьмах».

¹² ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 398. Л.д. 121.

¹³ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 398. Л.д. 20 «О награждении по обществу попечительному о тюрьмах».

¹⁴ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 398. Л.д. 29 «О награждении по обществу попечительному о тюрьмах».

В частности, на территории России участвует некоммерческая организация «Фонд помощи заключенным» с 2001 г., благотворительный фонд помощи осужденным «Рука к руке», созданный в Кашире, деятельность которого распространяется на все учреждения исполнения наказаний Московской области и России. Руководит им протоиерей Игорь Юдин, клирик Введенского храма города Кашира, член Правления Российской секции Международного общества прав человека, член Общественной наблюдательной комиссии 3 созыва Московской области¹⁵.

Согласно совместному исследованию фонда «КАФ» и объединения Philanthropy for Social Justice and Peace (PSJP), общий бюджет на благотворительность около 60 крупных российских и международных компаний за последние несколько лет существенно вырос. Если в 2013 г. он достигал 10 млрд руб., то уже к 2016 г. бюджет составил 43,9 млрд руб. И это несмотря на политическую и экономическую нестабильность и падение курса, произошедшие за эти три года¹⁶.

Директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ–ВШЭ Ирина Мерсиянова считает, что в данном явлении есть и отрицательные моменты. «В принципе я бы сказала, что это плохо. Потому что это значит, что нам нужно много денег на решение проблем, с которыми не справляется государство. А мы же платим налоги, за счет которых они должны решать

ся. Чем больше фондов, тем больше проблем, не решенных государством. Многие ученые говорят о провалах государства и рынка, с которыми справляются НКО и гражданское общество. Соответственно, там, где эти провалы образуются, появляется низовая инициатива. Нужно такое количество благотворительных фондов, которое позволит общественной системе, в которой мы живем, быть стабильной»¹⁷.

Утверждение спорное, но в то же время необходимо говорить в первую очередь даже не о материальной поддержке, для этого есть государство, сколько об изменении отношения к оступившимся людям и индивидуальной помощи тем из них, кто в этом нуждается и стремится к новой жизни.

Так, Евгений Маврикиевич Баранцевич, судебный следователь, общественный деятель, писатель, инициатор создания в Российской империи обществ патроната в 1915 г., в одной из своих работ указывает, что им было прочитано безвозмездно в исправительных арестантских отделениях и в Томском Губернском тюремном замке 20 лекций на тему «Влияние пьянства на преступность», при этом охвачены были 2535 человек, из них 233 женщины, при этом там, «где мы привыкли считать, что нет людей, — живут, мыслят и чувствуют люди, веря в лучшие дни любви к человеку и преданности к Отчизне, зная, что в изгибах души их теплится искра совести. Так, превратим мы эту искру в неугасимую лампаду»¹⁸.

Таким образом, полагаем, что российские исторические традиции благотворительности будут учтены современным российским граж-

¹⁵ Благотворительный фонд помощи заключенным. URL: <https://ruka-k-ruke.ru/ofonde>

¹⁶ Мы не стали богаче, но стали добрее// Благотворительность в России растет и развивается вопреки всем кризисам. URL: <http://www.profile.ru/obsch/item/125159-my-ne-stali-bogache-no-stali-dobree/> (дата обращения: 01.04.2019).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Баранцевич Е.М. Значение обществ патроната во время войны и народного бедствия. Томск: Тип. приюта и Дома трудолюбия, 1915. С. 30.

данским обществом и позволят снизить количество повторных преступлений среди населения нашей страны.

Литература

1. Баранцевич Е.М. Значение обществ патроната во время войны и народного бедствия / Е.М. Баранцевич. Томск : Тип. приюта и Дома трудолюбия, 1915. 112 с.
2. Варенцова Л.Ю. Из истории нижегородского губернского попечительного о тюрьмах комитета в XIX — начале XX века / Л.Ю. Варенцова, С.Ю. Варенцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (19). С. 13–18.
3. Клементович И.П. Зарождение благотворительности как социального института особого типа : монография / И.П. Клементович, А.В. Скоч. Москва : РИУ МГОПУ имени М.А. Шолохова, 2000. Ч. 2. 220 с.
4. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. Москва : Мысль, 1971. 351 с.
5. Прохоров В.А. Творили во благо: меценаты-предприниматели России (XIX — начало XX вв.) / В.А. Прохоров. Москва : Союз, 1998. 102 с.
6. Червонюк В. И. Теория государства и права : учебник / В.И. Червонюк. Москва : ИНФРА-М, 2009. 704 с.

References

1. Barantsevich E.M. Znachenie obschestv patronata vo vremya voyny' i narodnogo bedstviya [Significance of Patronage Communities during Wars and Public Disasters] / E.M. Barantsevich. Tomsk : Tip. priyuta i Doma trudolyubiya — Tomsk : Publishing House of the Refuge and Diligence House, 1915. 112 s.
2. Varentsova L.Yu. Iz istorii nizhegorodskogo popechitel'nogo o tuyrmakh komiteta v XIX — nachale XX veka [From the History of the Nizhny Novgorod Administration Committee for Prisons in the XIX to the Beginning of the XX Century] / L.Yu. Varentsova, S.Yu. Varentsov // Izvestiya vy'sshikh uchebny'kh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarny'e nauki — News of Higher Educational Institutions. The Volga Region. The Humanities. 2011. № 3 (19). S. 13–18.
3. Klementovich I.P. Zarozhdenie blagotvoritelnosti kak sotsialnogo instituta osobogo tipa : monografiya [Origination of Charity as a Social Institute of a Special Type : monograph] / I.P. Klementovich, A.V. Skoch. Moskva : RIU MGOPU imeni M.A. Sholokhova — Moscow : Editorial-and Publishing Department of the Moscow State Open Pedagogical University of M.A. Sholohov, 2000. Part 2. 220 s.
4. Parygin B.D. Osnovy' sotsialno-psikhologicheskoy teorii [The Bases of the Sociopsychological Theory]. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1971. 351 s.
5. Prokhorov V.L. Tvorili vo blago: metsenaty'-predprinimateli Rossii (XIX — nachalo XX vv.) [Work in the Best Interest: Philanthropists-Entrepreneurs of Russia (the XIX to the Beginning of the XX Century)] / V.L. Prokhorov. Moskva : Soyuz — Moscow : Union, 1998. 102 s.
6. Chervonyuk V.I. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik [Theory of State and Law : textbook] / V.I. Chervonyuk. Moskva : INFRA-M — Moscow : INFRA-M, 2009. 704 s.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Особенности деятельности судебных исполнителей в 1920-е годы (на материалах Брянской губернии)

*Кулачков Вадим Витальевич,
доцент кафедры философии, истории и социологии,
Брянского государственного инженерно-технологического университета,
кандидат исторических наук,
бакалавр юриспруденции
vad2517@yandex.ru*

В данной статье рассматриваются особенности деятельности судебных исполнителей в Брянской губернии 1920-х гг. Анализ архивных и опубликованных материалов позволяет говорить о том, что судебные исполнители в 1920-е годы были вынуждены работать в условиях становления и реформирования советской судебной системы. В изучаемый период наблюдалось затягивание сроков исполнения судебных решений, которое было вызвано большим количеством дел, дефицитом и недостаточной квалификацией работников. При этом проблемам в деятельности судебных исполнителей уделяли внимание и предлагали пути для повышения количества исполненных производств, что является актуальным и для современной России. Судебным исполнителям рекомендовали усилить планирование и контроль, более активно проявлять желание и умелый подход в своей трудной деятельности.

Ключевые слова: *судебные исполнители, Брянская губерния, новая экономическая политика, милиция, общественный порядок, правовая культура, законность.*

Peculiarities of Activities of Bailiffs in the 1920s (Based on Files of the Bryansk Governorate)

*Kulachkov Vadim V.
Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology of the Bryansk State Technological University of Engineering
Candidate of Historical Sciences, Bachelor of Laws*

The article reviews peculiarities of activities of bailiffs in the Bryansk Governorate in the 1920s. Following an analysis of archives and published files, bailiffs in the 1920s were forced to work in the conditions of the establishment and reformation of the Soviet judicial system. The period under consideration witnessed delay of judgment execution due to a large number of cases, absence and insufficient qualification of employees. Attention was paid to the problems in the activities of bailiffs; ways to raise the number of completed proceedings were proposed, which remains relevant for the modern Russia. It was recommended to bailiffs to enforce planning and control, be more active in the expression of the desire and skillful approach in their complicated activities.

Keywords: *bailiffs, the Bryansk Governorate, new economic policy, police, public order, legal culture, legality.*

В 1920-е годы, которые вошли в историю как период новой экономической политики, происходили изменения не только в экономике, но и в правовой сфере жизни общества. При этом в судебной системе осуществлялось становление исполнительного производства, связанное с деятельностью уже советских судебных исполнителей. В связи с этим целью данной статьи является рас-

смотрение деятельности судебных исполнителей на материалах Брянской губернии 1920-х гг.

Историография вопроса изучения деятельности судебных исполнителей достаточно обширна, поэтому достаточно выделить лишь наиболее значимые работы. Например, в 1920-е годы специфику работы судебных исполнителей изучали Ф. Вольфсон, Е. Домбровский, В. Один-

цов и др.¹ В эпоху военного времени деятельность судебных исполнителей рассматривали В.П. Чапурский и В. Шаробуев². В послевоенный период советской историографии следует обратить внимание на труды Р.Х. Валеевой, А.М. Ширшикова, Г. Вольфмана, Ю. Климанова, В. Митина, Г.П. Батунова и др.³

В современной отечественной историографии среди работ, посвященных исполнительному производству, можно выделить труды Р.С. Абдулина, В.М. Голубева, Д.Н. Парфирьева, В.В. Кулачкова, А.Я. Кодинцева и др.⁴ Успешно прошли защиту канди-

датские диссертации А.В. Чекмаревой и В.Ю. Маркина⁵. Таким образом, деятельность судебных исполнителей достаточно полно рассматривается в отечественной историографии, но необходимо более активно изучать региональную специфику данной темы, чем, собственно, и вызвано написание данной статьи.

Следует сказать, что к основным законодательным актам, в которых регламентировалась деятельность судебных исполнителей эпохи новой экономической политики, относились Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г.⁶ и Положение о Судеустройстве РСФСР 1926 г.⁷ В них указывалось, что судебный исполнитель является основным действующим лицом в плане реализации на практике судебных решений.

Архивные материалы дают возможность говорить о том, как складывались взаимоотношения крестьянского населения с судебными

¹ Вольфсон Ф. Обжалование действий судебных исполнителей // Сборник статей и материалов по гражданскому процессу за 1922–1924 гг. / сост. В. Тадевосян, Ф. Набока; под ред. и с предисл. С. Прушицкого. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925; Домбровский Е. Исполнение судебных решений. М., 1926; Одинцов В. Действия судебных исполнителей по периодическим исполнениям // Еженедельник Советской юстиции. 1927. № 19.

² Чапурский В.П. Исполнение судебных решений. М.: Юрид. изд-во, 1944; Шаробуев В. Волокита с исполнением судебных решений по алиментам // Социалистическая законность. 1941. № 2.

³ Валеева Р.Х. Участие общественности в стадии исполнения судебных решений // Советская Юстиция. 1960. № 2; Её же. Органы принудительного исполнения по советскому гражданскому процессуальному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1961; Ширшиков А.М. Исполнение судебных решений. М., 1966; Вольфман Г. Залог успеха в работе судебного исполнителя // Советская юстиция. 1969. № 24; Климанов Ю. Исполнение судебных решений под неослабный контроль // Советская Юстиция. 1968. № 12; Митин В. Забота о кадрах судебных исполнителей // Советская Юстиция. 1980. № 14. С. 1–2; Батунов Г.П. Комментарий к инструкции о порядке исполнения судебных решений. М., 1981.

⁴ Абдулин Р.С. Кадровое и организационное обеспечение судебной системы после Октябрьской революции 1917 г. // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 70–74; Голубев В.М. Становление института судебных исполнителей в советской России (1917–1941 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2 (7). С. 254–259; Парфирьев Д.Н. Должностные лица, осуществляющие

принудительное исполнение судебных актов в период после образования СССР и до начала Великой отечественной войны // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2016. Т. 12. С. 196–202; Кулачков В.В. Судебные и сельские исполнители в жизни крестьян Брянской губернии 1920-х гг. // История государства и права. 2018. № 1. С. 57–60; Кодинцев А.Я. Управление системой советского судебного исполнения в послевоенный период // Исполнительное право. 2018. № 1. С. 28–32.

⁵ Чекмарева А.В. Защита прав человека в исполнительном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 188 с.; Маркин В.Ю. Становление и развитие органов принудительного исполнения судебных решений по гражданским делам в РСФСР в 1918–1991 гг.: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2014. 240 с.

⁶ Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1719.htm, свободный (дата обращения: 23.08.2018).

⁷ Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «Об утверждении Положения о Судеустройстве РС.Ф.С.Р.». URL: <http://lawru.info/dok/1926/11/19/n1202498.htm>, свободный (дата обращения: 23.08.2018).

исполнителями⁸. К сожалению, при осуществлении исполнительных действий была велика вероятность проявлений бюрократизма и проволочек, что не было удивительным явлением для того времени. Так, В.М. Голубев обоснованно считает, что «исполнение судебных решений было делом чрезвычайной сложности, так как на смену отлаженной бюрократической судебной системе пришли люди, по существу не подготовленные не только для отправления правосудия, но и для исполнения судебных решений»⁹.

При этом в архивных материалах конца 1920-х гг. видно, что острым проблемам в деятельности судебных исполнителей уделяли внимание и предлагали пути для, выражаясь современным языком, «оптимизации» их работы. Ярким примером могут служить материалы уездного совещания судебных работников Севского уезда Брянской губернии (10–11.06.1928), на котором состоялась оживленная дискуссия, посвященная деятельности судебных органов. Среди прочего обсуждалась и деятельность судебных исполнителей как главной структуры, ответственной за исполнение судебных решений.

Например, многие выступающие отмечали, что «у судебных исполнителей работа идет плохо, окончание дел выражается в 43 дела вместо намеченных по плану 100 дел, имеется большое количество дел по выполнению свыше 2 месяцев... В особенности надо обратить внимание на невыполнение требований в отношении исполнения дел по зарплате и алиментам»¹⁰. Также отмечалось, что судебные исполнители не планируют в достаточной степени свою работу.

⁸ Кулачков В.В. Указ. соч. С. 57–60.

⁹ Голубев В.М. Указ. соч. С. 257.

¹⁰ ГАБО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

Нельзя не сказать и о том, что в современной России ситуация с исполнением судебных решений также вызывает тревогу. Так, из анализа ведомственной статистической отчетности ФССП за 2015 г. и исследования статистических показателей ее деятельности по организации и осуществлению принудительного исполнения судебных актов и актов других органов в динамике за 2012–2015 гг. следует вывод, что «ФССП России эффективно функционирует в части взыскания денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации, однако процент фактического исполнения судебных актов, вынесенных в пользу граждан/юридических лиц, остается на довольно низком уровне»¹¹.

При этом ситуация с исполнением решений судов обсуждалась в контексте общей обстановки в отрасли. Например, предлагалось судoisполнителям «обращать внимание на поступающие к ним напоминания, а то бывает и так, что они не обращают внимания на целый ряд напоминаний по одному и тому же делу, а народным судам необходимо увеличить контроль над работой судoisполнителей»¹². Работник народного суда тов. Сенин считал, что «волокиста вызывается слабой квалификацией судебных работников, поэтому для изжития надо создавать побольше курсов. Норма судoisполнителей велика, и справиться с ней можно только при формальном подходе к делу, дела по зарплате быстро выполнить нельзя»¹³.

¹¹ Анализ ведомственной статистической отчетности ФССП за 2015 год и исследование статистических показателей ее деятельности по организации и осуществлению принудительного исполнения судебных актов и актов других органов в динамике за 2012–2015 гг. URL: http://souz-u-t-s.ru/details/novosti_syda/Analiz-vedomstvennoj-statisticheskoy-otchetnosti-FSSP/, свободный (дата обращения: 15.06.2019).

¹² ГАБО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 28. Л. 7 об.

¹³ Там же. Л. 9 об.

В свою очередь работник губернского суда тов. Тихонов призывал к тому, что «по судoisполнителям преподаданную норму выполнить возможно, но тут нужно с их стороны желание и умелый подход»¹⁴.

Кроме того, отдельные судебные работники констатировали, что бюрократизация связана с низким уровнем правовой культуры граждан. В частности, об этом говорил помощник прокурора тов. Савин, который считал, что «проявление волокиты наблюдается во всех судебных органах, для устранения необходимо сократить сроки прохождения дел. Эту затяжку также создает то обстоятельство, что граждане неодобрительно смотрят на суд и подчас не видят в нем своего правового защитника»¹⁵.

Другие выступающие акцентировали внимание на том, что только комплексная работа в правовой сфере способна дать положительный результат. В частности, работник народного суда Коновалов считал, что «волоостное бюро считаю организацией в данном составе малоожизненной, т.к. вся работа лежит на плечах только народного судьи, а в нее надо втянуть и работников других организаций, поэтому считаю необходимым председателем выбирать не народного судью, а кого-либо из других организаций»¹⁶.

Другие ответственные работники также отмечали нарастание бюрократических явлений в работе судебных структур. В частности, работник милиции тов. Степанов выступал за усиление самокритики и отмечал, что «народные судьи часто создают волокиту по милициям, присылают туда неподлежащие ей повестки для вручения или исполнительные листы для производства взыска-

ний. ...Также ведутся следствия по делам, которые надо бы было прекратить еще при первоначальном их возникновении. Милиционеры у нас подбираются самими волостными милициями, но слабая квалификация зависит от мизерности выплачиваемого жалованья»¹⁷.

В свою очередь, уполномоченный губернского суда тов. Карпов высказывал мнение, что «работа в судебных органах, по сравнению с прошлым, безусловно имеет улучшение... Судoisполнители просто очень мало внимания обращают внимания на работу и не чувствуют никакой за нее ответственности, они выполняют 20 дел, в то время как при желании можно выполнить полную плановую норму 100 дел. Судoisполнителям необходимо делать более частые выезды и делать это в плановом порядке, а то получается, что в одно селение они выезжают по несколько раз, а в некоторые селения не делают ни одного выезда»¹⁸.

Подводя итоги состоявшейся дискуссии, судебные работники констатировали, что наблюдается разобщенность в работе судебных структур, что, прежде всего, вызвано слабыми связями с общественностью¹⁹. Они отмечали, что «необходимо популяризовать население, особенно крестьянское, о значении некоторых видов преступлений как например хулиганство, т.к. крестьяне этот вид преступлений считают пустяком по сравнению с кражами»²⁰. Кроме того, в прениях были высказаны мысли, созвучные современному времени, что свидетельствует о том, что бюрократические тенденции сохраняются и даже усиливаются. Так, работник нарсуда тов. Ефре-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 8 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 11 об.

мов справедливо говорил о том, что «за последнее время стало так много отчетов и с такими многочисленными графами, что необходимо было бы как-либо обобщить и выработать форму одной общей отчетности, а также доставление одной и той же отчетности вызывает излишнее писание»²¹. Добавить к этому нечего, так как и сейчас мало что изменилось, несмотря на меры, принимаемые к распространению электронного документооборота.

Таким образом, деятельность судебных исполнителей в отечественной историографии не была обделена вниманием исследователей, но существует необходимость в изучении региональных особенностей их повседневной работы. Анализ архив-

ных и опубликованных материалов позволяет говорить о том, что судебные исполнители в 1920-е годы были вынуждены работать в условиях становления и реформирования советской судебной системы. В изучаемый период наблюдалось затягивание сроков исполнения судебных решений, которое было вызвано большим количеством дел, дефицитом и недостаточной квалификацией работников. При этом проблемам в деятельности судебных исполнителей уделяли внимание и предлагали пути для повышения количества исполненных производств, что является актуальным и для современной России. Судоисполнителям рекомендовали усилить плановость и контроль, более активно проявлять желание и умелый подход в своей трудной деятельности.

²¹ Там же. Л. 14.

Литература

1. Абдулин Р.С. Кадровое и организационное обеспечение судебной системы после Октябрьской революции 1917 г. / Р.С. Абдулин // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 70–74.
2. Валеева Р.Х. Органы принудительного исполнения по советскому гражданскому процессуальному праву : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Р.Х. Валеева. Ленинград, 1961. 16 с.
3. Валеева Р.Х. Участие общественности в стадии исполнения судебных решений / Р.Х. Валеева // Советская юстиция. 1960. № 2. С. 42–45.
4. Вольфман Г. Залог успеха в работе судебного исполнителя / Г. Вольфман // Советская юстиция. 1969. № 24. С. 1–2.
5. Вольфсон Ф. Обжалование действий судебных исполнителей / Ф. Вольфсон // Сборник статей и материалов по гражданскому процессу за 1922–1924 гг. ; составитель В. Тадевосян, Ф. Набока ; под редакцией и с предисловием С. Прушицкого. Москва : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. 310 с.
6. Голубев В.М. Становление института судебных исполнителей в советской России (1917–1941 гг.) / В.М. Голубев // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2 (7). С. 254–259.
7. Домбровский Е. Исполнение судебных решений / Е. Домбровский. Москва : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 74 с.
8. Климанов Ю. Исполнение судебных решений под неослабный контроль / Ю. Климанов // Советская юстиция. 1968. № 11. С. 14–15.
9. Козинцев А.Я. Управление системой советского судебного исполнения в послевоенный период / А.Я. Козинцев // Исполнительное право. 2008. № 1. С. 28–32.
10. Комментарий к Инструкции о порядке исполнения судебных решений / Н.И. Башкатов., Л.Н. Завадская., В.К. Пучинский, А.К. Сергун [и др.] ; под редакцией Г.П. Батунова, Н.И. Башкатова. Москва : Юридическая литература, 1981. 136 с.
11. Кулачков В.В. Судебные и сельские исполнители в жизни крестьян Брянской губернии 1920-х гг. / В.В. Кулачков // История государства и права. 2018. № 1. С. 57–60.

12. Маркин В.Ю. Становление и развитие органов принудительного исполнения судебных решений по гражданским делам в РСФСР в 1918–1991 гг.: историко-правовое исследование : диссертация кандидата юридических наук / В.Ю. Маркин. Курск, 2014. 240 с.
13. Митин В. Забота о кадрах судебных исполнителей / В. Митин // Советская юстиция. 1980. № 14. С. 1–2.
14. Одинцов В. Действия судебных исполнителей по периодическим исполнениям / В. Одинцов // Еженедельник Советской юстиции. 1927. № 19. С. 575–576.
15. Парфирьев Д.Н. Должностные лица, осуществляющие принудительное исполнение судебных актов в период после образования СССР и до начала Великой отечественной войны / Д.Н. Парфирьев // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2016. Т. 12. С. 196–202.
16. Чапурский В.П. Исполнение судебных решений / В.П. Чапурский. Москва : Юрид. изд-во, 1944. 24 с.
17. Чекмарева А.В. Защита прав человека в исполнительном производстве : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Чекмарева. Саратов, 2003. 188 с.
18. Шаробуев В. Волокита с исполнением судебных решений по алиментам / В. Шаробуев // Социалистическая законность. 1941. № 2. С. 2.
19. Ширшиков А.М. Исполнение судебных решений / А.М. Ширшиков. Москва : Юридическая литература, 1966. 108 с.

References

1. Abdulin R.S. Kadrovoe i organizatsionnoe obespechenie sudebnoy sistemy' posle Oktyabrskoy revolyutsii 1917 g. [Staff and Organizational Provision of the Court System after the October Revolution of 1917] / R.S. Abdulin // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2006. № 6. S. 70–74.
2. Valeeva R.Kh. Organy' prinuditelnogo ispolneniya po sovetskomu grazhdanskomu protsesualnomu pravu : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Law Enforcement Authorities under the Soviet Civil Procedure Law : author's abstract of thesis of Candidate of Legal Sciences] / R.Kh. Valeeva. Leningrad — Leningrad, 1961. 16 s.
3. Valeeva R.Kh. Uchastie obschestvennosti v stadiya ispolneniya sudebny'kh resheniy [Participation of the Public in the Stage of Court Rulings Enforcement] / R.Kh. Valeeva // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1960. № 2. S. 42–45.
4. Volfman G. Zalog uspekha v rabote sudebnogo ispolnitelya [Key to Success in the Court Bailiff's Work] / G. Volfman // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1969. № 24. S. 1–2.
5. Volfson F. Obzhalovanie deystviy sudebny'kh ispolniteley [Complaining against Actions of Court Bailiffs] / F. Volfson // Sbornik statey i materialov po grazhdanskomu protsessu za 1922–1924 gg.; sostavitel V. Tadevosyan, F. Naboka ; pod redaktsiyei i s predisloviem S. Prushitskogo [Compilation of articles and materials on civil procedure for 1922 to 1924; compiled by V. Tadevosyan, F. Naboka ; edited and foreword by S. Prushitskiy]. Moskva : Yurid. izd-vo NKYu RSFSR — Moscow : Law Publishing House of People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1925. 310 s.
6. Golubev V.M. Stanovlenie instituta sudebny'kh ispolniteley v sovetskoj Rossii (1917–1941 gg.) [Establishment of the Institute of Court Bailiffs in the Soviet Russia (1917 to 1941)] / V.M. Golubev // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta — Bulletin of the VLI of the FPS of Russia. 2008. № 2 (7). S. 254–259.
7. Dombrovskiy E. Ispolnenie sudebny'kh resheniy [Court Rulings Enforcement] / E. Dombrovskiy. Moskva : Yurid. izd-vo NKYu RSFSR — Moscow : Law Publishing House of People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1926. 74 s.
8. Klimanov Yu. Ispolnenie sudebny'kh resheniy pod neoslavny'y kontrol [Enforcement of Court Rulings under Constant Supervision] / Yu. Klimanov // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1968. № 11. S. 14–15.
9. Koditsev A.Ya. Upravlenie sistemoy sovetskogo sudebnogo ispolneniya v poslevoenny'y period [Management of the System of Soviet Court Rulings Enforcement in the Postwar Period] / A.Ya. Koditseva // Ispolnitelnoe pravo — Executive Law. 2008. № 1. S. 28–32.

10. Kommentariy k Instruktsii o poryadke ispolneniya sudebny'kh resheniy ; pod redaktsiyei G.P. Baturova, N.I. Bashkatova [Comment to the Instruction on the Procedure of Court Rulings Enforcement ; edited by G.P. Baturov, N.I. Bashkatov] / N.I. Bashkatov, L.N. Zavadskaya, V.K. Puchinskiy, A.K. Sergun [i dr.]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1981. 136 s.
11. Kulachkov V.V. Sudebny'e i selskie ispolniteli v zhizni krestyan Bryanskoj gubernii 1920-kh gg. [Court and Rural Bailiffs in the Life of Farmworkers of the Bryansk Governorate of the 1920s / V.V. Kulachkov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 1. S. 57–60.
12. Markin V.Yu. Stanovlenie i razvitie organov prinuditelnogo ispolneniya sudebny'kh resheniy po grazhdanskim delam v RSFSR v 1918–1991 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Establishment and Development of the Enforcement Authorities for Court Rulings on Civil Cases in the RSFSR in 1918 to 1991: Historical and Legal Research : thesis of Candidate of Legal Sciences] / V.Yu. Markin. Kursk — Kursk, 2014. 240 s.
13. Mitin V. Zabota o kadrakh sudebny'kh ispolniteley [Care for the Court Bailiffs Staff] / V. Mitin // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1980. № 14. S. 1–2.
14. Odintsov V. Deystviya sudebny'kh ispolniteley po periodicheskim ispolneniyam [Activities of Court Bailiffs on Regular Enforcements] / V. Odintsov // Ezhenedelnik Sovetskoy yustitsii — Weekly Journal of the Soviet Justice. 1927. № 19. S. 575–576.
15. Parfirev D.N. Dolzhnostny'e litsa, osuschestvlyayushchie prinuditelnoe ispolnenie sudebny'kh aktov v period posle obrazovaniya SSSR i do nachala Velikoy otechestvennoy voyny' [Officials Enforcing Court Rulings in the Period after Formation of the USSR up to the Beginning of the Great Patriotic War] / D.N. Parfirev // Ucheny'e zapiski Kazanskogo filiala "Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya" — Scientific Notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice. 2016. Vol. 12. S. 196–202.
16. Chapurskiy V.P. Ispolnenie sudebny'kh resheniy [Court Rulings Enforcement] / V.P. Chapurskiy. Moskva : Yurid. izd-vo — Moscow : Law Publishing House, 1944. 24 s.
17. Chekmareva A.V. Zashchita prav cheloveka v ispolnitelnom proizvodstve : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Protection of Human Rights in Executive Procedures : thesis of Candidate of Legal Sciences] / A.V. Chekmareva. Saratov — Saratov, 2003. 188 s.
18. Sharobuev V. Volokita s ispolneniem sudebny'kh resheniy po alimentam [Delays in Enforcement of Court Ruling on Child Support Allowance] / V. Sharobuev // Sotsialisticheskaya zakonnost — Socialistic Legality. 1941. № 2. S. 2.
19. Shirshikov A.M. Ispolnenie sudebny'kh resheniy [Court Rulings Enforcement] / A.M. Shirshikov. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1966. 108 s.

Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.